

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131-2812

6 / 2007

50-летие Общества
росийско-китайской дружбы

●
Взаимодействие России и Китая
на международной арене

●
США—КНР—Россия:
“треугольник” 35 лет спустя

●
Китай и Япония: партнеры
и конкуренты в Восточной Азии

●
Авиационная промышленность
Китая

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

6/2007

Ноябрь - Декабрь

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

50-ЛЕТИЕ ОБЩЕСТВА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ..... 7

ПОЛИТИКА

- И. Рогачев.* Взаимодействие России и Китая на международной арене..... 12
- А. Давыдов.* США—КНР—Россия: “треугольник” 35 лет спустя..... 22
- А. Нагиев.* Влияние фактора энергетической безопасности на формирование и перспективу внешнеполитического курса КНР в Центральной Азии..... 39

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- Е. Деваева, Т. Котова.* Российское Дальневосточье и АТР: внешне-неторговый аспект..... 45
- А. Завалишин.* Территориальное поведение дальневосточников: экономико-социологический анализ..... 53

ЭКОНОМИКА

- И. Троекурова.* Глобализация и рынок цветных металлов в АТР..... 68
- А. Плотников.* Авиапром Китая — успехи и трудности..... 79
- М. Потапов.* Китай и Япония: партнеры и конкуренты в Восточной Азии..... 86

© Российская академия наук, 2007 г.

© Редколлегия журнала “Проблемы Дальнего Востока” (составитель), 2007 г.

3-й экз.

<i>В. Архипов.</i> Бурное развитие австралийско-китайских экономических отношений.....	93
<i>М. Стеклов.</i> Особенности формирования южнокорейского ТЭК в период индустриализации (1962—1997 гг.).....	105

ИСТОРИЯ

<i>А. Попенко.</i> Деятельность Дальревкома по организации борьбы с контрабандой на советском Дальнем Востоке (1922—1925 гг.).....	112
<i>Лю Цзайци.</i> Чайная торговля между Китаем и Россией.....	121
<i>П. Калмычек.</i> Политические и экономические проблемы Японии 1990-х гг. в современной японской и западной историографии.....	130

РУССКИЕ В КИТАЕ

<i>В. Сергиенко, Е. Аурилене.</i> Правовое положение русских в Маньчжурии (1920-е гг.).....	142
---	-----

КУЛЬТУРА

<i>Г. Аманова.</i> Философская лирика Хан Ён Уна.....	151
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>В. Портяков.</i> О Пятом Международном съезде исследователей Азии.....	160
---	-----

НАШИ РЕФЕРАТЫ

<i>В. Барышников.</i> Желтая книга о международном положении. 2007 год: доклад о глобальной политике и безопасности.....	163
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>А. Островский.</i> Россия — Китай: образовательные реформы на рубеже XX—XXI вв. Сравнительный анализ.....	168
<i>А. Коваль.</i> Таскина Е. Дорогами русского зарубежья.....	175
<i>А. Волохова.</i> Бажанов Е.П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века.....	176
<i>А. Сенаторов.</i> Абэ Синдзо. На пути к красивой Японии.....	178

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Владиславу Федоровичу Сорокину — 80 лет.....	182
Содержание журнала “Проблемы Дальнего Востока” за 2007 год.....	184

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Редакционная коллегия: В.Я. Портяков (главный редактор), Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Ю.М. Гарушянц, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, А.В. Островский, В.Н. Павлятенко, Л.С. Переломов, С.С. Разов, И.А. Рогачев, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь).

Статьи этого номера

И. Рогачев. Взаимодействие России и Китая на международной арене

В статье члена Совета Федерации Федерального Собрания РФ, бывшего посла России в КНР анализируется роль Китая на мировой арене в условиях глобализации. Особое внимание автор уделяет его взаимодействию с Россией по широкому кругу международных и региональных проблем, включая весь спектр проблематики ООН, стабильность в АТР, иранскую ядерную проблему, разоружение и контроль над вооружениями, нераспространение оружия массового уничтожения и средств его доставки. Отмечена близость подходов двух стран к региональному форуму АСЕАН по вопросам безопасности, Шанхайской организации сотрудничества, Совещанию по взаимодействию и мерам доверия в Азии. Многообещающим является налаживание комплексного сотрудничества в "треугольнике" Россия—Китай—Индия.

Автор приходит к выводу, что КНР играет все более заметную политическую роль в азиатских региональных структурах, подкрепляемую солидным экономическим фундаментом. КНР становится центром азиатской экономической интеграции, а процессы хозяйственного взаимодействия в Центральной, Северо-Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии испытывают возрастающее влияние со стороны Китая.

А. Давыдов. США—КНР—Россия: "треугольник" 35 лет спустя

Автор анализирует состояние отношений сторон в рамках "большого стратегического треугольника", неофициальное оформление которого, по его мнению, состоялось в 1972 г. в ходе визитов тогдашнего президента США Р. Никсона сначала в Пекин, а затем в Москву.

Хотя за прошедшие три с половиной десятилетия этот "треугольник", перестав быть субъектом конфронтации, так и не стал пока в полной мере структурой взаимодействия и сотрудничества входящих в него держав, он сохраняет свое главное свойство — радикально влиять на глобальную ситуацию в мире, и от взаимоотношений внутри него по-прежнему в определяющей степени зависят мир и стабильность на нашей планете.

А. Нагиев. Влияние фактора энергетической безопасности на формирование и перспективу внешнеполитического курса КНР в Центральной Азии

В статье говорится об энергетическом сотрудничестве Китая с Казахстаном, Туркменией и Азербайджаном. Республики Центральной Азии рассматриваются Китаем в качестве серьезных потенциальных поставщиков энергоресурсов. Тесные политические контакты Пекина со странами региона создали благоприятные условия для успешного проведения здесь его энергетической стратегии.

Е. Деваева, Т. Котова. Российское Дальневосточье и АТР: внешнеэкономический аспект

Авторы анализируют быстрый рост объема торговли российского Дальнего Востока со странами АТР в последние годы. По их мнению, это явление обусловлено не только огромной заинтересованностью Китая, Японии и Южной Кореи в энергетических, лесных и рыбных ресурсах региона, но и в какой-то мере такими факторами, как односторонняя сырьевая структура экспорта и ограниченные возможности нынешнего Дальнего Востока России в плане обеспечения местного населения товарами народного потребления.

А. Завалишин. Территориальное поведение дальневосточников: экономико-социологический анализ

В статье проанализировано территориальное поведение дальневосточников с позиций экономической социологии. Показана преимуществом моделей территориального социально-экономического поведения населения региона на протяжении XX в. Путем сравнения ряда социально-экономических показателей сделан вывод о значительном инновационном потенциале, создающем объективные основы для устойчивого социально-экономического развития Дальнего Востока России в будущем.

И. Троекурова. Глобализация и рынок цветных металлов в АТР

Страны АТЭС являются крупными производителями и потребителями цветных металлов, и поэтому реализация выдвинутой Президентом России В.В. Путиным инициативы о запуске Диалога по цветным металлам в рамках региона становится весьма актуальной.

Обращает внимание резкий рост спроса на цветные металлы со стороны Китая, ставшего практически нетто-импортером, хотя сам он обладает исключительно богатыми запасами различных руд. На примере цветных металлов ясно видно, что именно Китай становится основным потребителем общемировых сырьевых ресурсов.

А. Плотников. Авиапром Китая — успехи и трудности

Статья содержит подробные сведения о сегодняшнем состоянии китайской авиационной промышленности и особенностях ее включения в процессы глобализации.

М. Потапов. Китай и Япония: партнеры и конкуренты в Восточной Азии

Автор анализирует комплекс экономических взаимоотношений Китая и Японии, динамику соотношения их роли и места в Восточной Азии. Отмечается усиление позиций КНР в регионе и связанные с этим вызовы для Японии.

В. Архипов. Бурное развитие австралийско-китайских экономических отношений

В статье дается характеристика экономики Австралии и ее теснейшей привязанности к рынку Китая. В 2006 г. КНР вышла на второе место в общем товарообороте и экспорте Австралии, а в австралийском импорте заняла первое место, оттеснив США.

За первые шесть лет нынешнего столетия австралийский экспорт в Китай и импорт Австралии из Китая возросли примерно в 2,5 раза. По мере разви-

тия экономики и роста городского населения Китай во все возрастающем объеме потребляет сырье из Австралии. Он также обладает громадным потенциалом для использования ее услуг, особенно в связи с развитием среднего предпринимательства. Автор оценивает перспективы дальнейшего развития экономических связей двух стран как исключительно благоприятные.

М. Стеклов. Особенности формирования южнокорейского ТЭК в период индустриализации (1962—1997 гг.)

Статья содержит подробный анализ формирования топливно-энергетического комплекса Республики Корея. Дан очерк основных этапов и региональных особенностей развития ТЭК страны в период ее индустриализации

А. Попенко. Деятельность Дальревкома по организации борьбы с контрабандой на советском Дальнем Востоке (1922—1925 гг.)

Как полагает автор, поспешное введение на Дальнем Востоке в 1923 г. единого таможенного тарифа и монополии внешней торговли на базе лицензионной политики противоречило нуждам дальневосточного потребительского рынка. Невозможность центра обеспечить Дальний Восток товарами первой необходимости, слабая охрана протяженной пограничной линии региона, укоренившаяся традиция приграничной торговли и многие другие факторы способствовали широкому распространению контрабанды на территории Дальневосточной области в первой половине 1920-х гг.

Подчиняясь непосредственно ВЦИК и СНК РСФСР, Дальревком, помимо общегосударственных антиконтрабандных организаций — таможи и погранохраны сформировал свои местные органы, которые были призваны вести борьбу с контрабандой: Дальэкосо, областную плановую комиссию, окружную, губернскую и районные комиссии по борьбе с контрабандой.

Благодаря, в частности, и этим мерам удалось заложить основу политики, руководствуясь которой советская власть в первой половине 1930-х гг. в основном искоренила контрабанду на Дальнем Востоке.

Лю Цзайци. Чайная торговля между Китаем и Россией

В течение почти 200 лет, вплоть до середины XX в. существовал чайный торговый путь, начинавшийся в Ханькоу и шедший через Кяхту в Россию и Европу. И хотя со временем этот торговый маршрут утратил свое значение, он занял важное место в истории взаимоотношений Китая с другими странами.

В 1999 г. в России был открыт туристический маршрут по путям древней чайной торговли. Автор призывает продолжить этот маршрут и по территории Китая, привлекая к этому силы и средства различных регионов страны. По его мнению, это будет способствовать интенсификации культурных обменов между Китаем и Россией.

П. Калмычек. Политические и экономические проблемы Японии 1990-х гг. в современной японской и западной историографии

В статье проанализированы основные подходы историков к изучению процессов эволюции партийно-политической структуры Японии на протяжении последнего десятилетия XX в., а также очерчен круг существующих дискуссий, в которых дается оценка изменений, произошедших в рассматриваемый период.

В. Сергиенко, Е. Аурилене. Правовое положение русских в Маньчжурии (1920-е гг.)

Декларированный после образования Советской России отказ от права экстерриториальности россиян в полосе отчуждения КВЖД предопределил, по мнению авторов статьи, исчезновение этого своеобразного анклава русской культуры на территории Северо-Восточного Китая. В статье проливается свет на тяготы наших соотечественников, ставших там после Октябрьской революции изгоями, "гражданами второго сорта", драма которых усугублялась из-за проблем в советско-китайских отношениях и сложных перипетий внутрикитайских процессов.

Г. Аманова. Философская лирика Хан Ён Уна

Корейская поэзия первой половины XX столетия — это особый духовный и художественный пласт национальной культуры. Одним из символов этого времени стал Хан Ён Ун (1879—1944). Поэт, философ, видный общественный и религиозный деятель, он приобрел широкую популярность своей многогранной деятельностью в годы японской оккупации. Его философская лирика, пронизанная буддистскими идеями, дает возможность читателю по-новому взглянуть на окружающий мир, бытие и сложный внутренний мир личности. В своих произведениях Хан Ён Уну удалось облечь в поэтическую форму философскую отвлеченную мысль. Стержнем его лирики становится поиск духовности, истины, любви в этом мире.

50-летие Общества российско-китайской дружбы

29 октября 2007 г. исполнилось 50 лет со дня создания Общества российско-китайской дружбы — достойного преемника и продолжателя лучших традиций Общества советско-китайской дружбы — первого общества дружбы с народами зарубежных стран, созданного в нашей стране 29 октября 1957 г.

Этому знаменательному юбилею было посвящено торжественное собрание, состоявшееся в Москве 23 октября 2007 г.

В нем приняли участие представители Совета Федерации Федерального Собрания РФ, МИД РФ, Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития, Института Дальнего Востока РАН, Российско-китайского Центра торгово-экономического сотрудничества, Международной ассоциации содействия культуре, члены Центрального правления Общества российско-китайской дружбы и его 12-ти региональных отделений из Владивостока, Читы, Биробиджана, Новосибирска, Екатеринбурга, Алтайского и Ставропольского краев, Самары, Орла, Иваново, Рязани и Калуги. Для участия в юбилейных торжествах в Москву прибыла представительная делегация Китайского народного общества дружбы с заграницей и Общества китайско-российской дружбы во главе с Председателем Чэнь Хаосу. Гостями торжественного собрания были также сотрудники Посольства КНР во главе с временным поверенным в делах КНР в РФ Ли Жуэйлаем, представители Центра китайско-русских культурных обменов и землячеств китайских студентов и аспирантов, китайских деловых кругов, а также российских и китайских СМИ.

Открывая торжественное собрание, Почетный председатель Общества российско-китайской дружбы академик С.Л. Тихвинский, стоявший у истоков его рождения и многие годы возглавлявший его, в своем выступлении отметил, что юбилей Общества вызывает у него много глубоких чувств и воспоминаний. Его история — «это история служения идеалам дружбы двух великих народов, которое вдохновлялось уверенностью в исторической необходимости добрососедства, дружбы, сотрудничества между великими государствами и народами».

С докладом о деятельности Общества и его активном участии в проведении Национальных годов России и Китая выступил Председатель Общества российско-китайской дружбы, директор ИДВ РАН академик М.Л. Титаренко. Подчеркнув, что 50-летие Общества отмечается как одно из важных мероприятий Года Китая в России, М.Л. Титаренко сказал: «За 50 лет, прошедших после создания Общества, много воды утекло и в Волге, и в Янцзы, произошли коренные изменения и в мире, и в наших странах, но неизменным, несмотря на трудный период, который был в наших отношениях и который, мы верим, навсегда канул

в Лету, было и остается стремление наших народов жить в мире и дружбе, больше знать, понимать и уважать друг друга, убежденность в том, что только тесное взаимодействие и равноправное сотрудничество являются гарантией благополучия сегодняшних и будущих поколений наших стран и народов". Докладчик рассказал об истории создания и деятельности Общества, у истоков которого стояли и многие годы активно участвовали в его работе видные государственные и общественные деятели нашей страны, представители науки и культуры, ветераны национально-освободительной борьбы китайского народа, участники разгрома японских агрессоров и оказания помощи китайскому народу в строительстве новой жизни после победы революции и провозглашения КНР.

В своем выступлении М.Л. Титаренко подчеркнул, что подписанный в Москве 16 июля 2001 г. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией, придавший договорно-правовую основу отношениям равноправного партнерства и стратегического взаимодействия между нашими странами, в юридической форме закрепил принцип отношений двух государств и их народов: "Навеки дружба и никогда враги!"

Подписание российско-китайского договора поставило перед обществом, как массовой организацией народной дипломатии задачу расширения социальной базы российско-китайских отношений, привлечения к всестороннему сотрудничеству с Китаем широких кругов российской общественности и прежде всего, молодежи. "Наша стратегическая задача, — сказал М.Л. Титаренко, — состоит в том, чтобы обеспечить преемственность идей добрососедства и дружбы, чтобы эти идеи стали убеждением широчайших слоев нашего общества, чтобы это убеждение передавалось из поколения в поколение россиян".

"Главным направлением работы Общества и его отделений в Санкт-Петербурге, Владивостоке, Хабаровске, Чите, Благовещенске, Улан-Удэ, Биробиджане, Новосибирске, Екатеринбурге, Калуге, Рязани, Иваново, Орле и других городах нашей страны, — говорилось в докладе, — является активное участие в распространении в нашей стране объективной информации о современной жизни, истории и культуре нашего великого соседа — Китая, о значении российско-китайской дружбы, добрососедства, взаимовыгодного партнерства и стратегического взаимодействия между Россией и Китаем в интересах наших стран и народов".

Особое место в выступлении М.Л. Титаренко было отведено многолетнему плодотворному сотрудничеству Общества российско-китайской дружбы с китайскими партнерами — Китайским народным обществом дружбы с границей и Обществом китайско-российской дружбы, возглавляемых видным государственным и общественным деятелем Чэнь Хаосу — почетным доктором ИДВ РАН, кавалером российского Ордена "Дружбы", а также освещению важной роли обществ дружбы в проведении Национальных годов России и Китая.

С трибуны торжественного собрания М.Л. Титаренко выразил большую благодарность присутствующим в зале Председателю Чэнь Хаосу и его заместителям за их многолетнее плодотворное сотрудничество с Обществом российско-китайской дружбы.

От имени участников собрания М.Л. Титаренко выразил также благодарность Посольству РФ в КНР и Посольству КНР в РФ за их большое внимание и всемерную поддержку деятельности обществ дружбы и российско-китайских общественных связей.

По поручению Посла Лю Гучана участников торжественного собрания приветствовал временный поверенный в делах КНР в РФ Ли Хуэйлай, назвавший Общество российско-китайской дружбы “локомотивом движения за дружбу и сотрудничество с Китаем в нашей стране”.

Председатель КНОДЗ и ОКРД Чэнь Хаосу и вице-президент АОН КНР, директор Института современного Китая, почетный доктор ИДВ РАН, заместитель Председателя ОКРД профессор Чжу Цзяму в своих исключительно теплых выступлениях назвали Общество российско-китайской дружбы “одним из активных двигателей народной дипломатии, надежным мостом, соединяющим различные круги российской и китайской общественности”. Они подчеркнули, что на протяжении минувшего полувека “при любых температурах” в отношениях между нашими странами Общество российско-китайской дружбы, невзирая на свое подчас непростое положение, всегда было и продолжает оставаться приверженцем идеалов дружбы, борцом за укрепление взаимопонимания и взаимное уважение между народами обеих стран.

Чэнь Хаосу в своем выступлении объявил о том, что за выдающийся вклад в развитие дружбы и взаимопонимания между народами России и Китая почетный председатель Общества российско-китайской дружбы академик С.Л. Тихвинский, его председатель академик М.Л. Титаренко, первые заместители председателя Г.В. Куликова, В.И. Иванов и член Центрального правления Общества российско-китайской дружбы К.Ф. Крючкова решением Постоянного комитета Правления КНОДЗ удостоены почетного звания “Посланец народной дружбы”. Всем награжденным были вручены дипломы этой высокой общественной награды.

Председатель ОРКД, академик М.Л. Титаренко от имени всех награжденных поблагодарил Чэнь Хаосу за эти высокие награды и в свою очередь объявил о том, что по случаю 50-летнего юбилея Общества российско-китайской дружбы были также учреждены общественные награды — медаль “За вклад в развитие российско-китайских отношений” и почетные грамоты.

На торжественном собрании медали “За вклад в развитие российско-китайских отношений” были вручены Председателю КНОДЗ и ОКРД Чэнь Хаосу, его заместителям Лю Шу и Чжу Цзяму, ответственному секретарю ОКРД Ню Инли и члену правления Ли Минь.

По случаю 50-летия Общества российско-китайской дружбы в его адрес поступили многочисленные поздравления и приветствия.

Председатель Общества российско-китайской дружбы, академик М.Л. Титаренко огласил встреченное бурными аплодисментами собравшихся **приветствие Президента Российской Федерации В.В. Путина.**

*Центральному Правлению Общества российско-китайской дружбы
Дорогие друзья!*

Примите искренние поздравления с 50-летием со дня образования Общества российско-китайской дружбы — первой в нашей стране ассоциации дружбы с народами зарубежных стран.

Все эти годы активисты Общества ведут плодотворную деятельность по укреплению взаимопонимания и всестороннего сотрудничества с нашим великим соседом — Китайской Народной Республикой. Народная дипломатия во многом помогла сберечь традиционные добрые чувства жителей России и Китая друг к другу, способствовала нормализации межгосударствен-

ных связей, а затем и подъему их до уровня доверительного партнерства и стратегического взаимодействия.

Знаменательно, что свой юбилей Общество отмечает в рамках проходящих с большим размахом мероприятий Года Китая в России, в успешной реализации которых вы принимаете самое непосредственное участие. Уверен, вы и впредь будете вносить весомый вклад в развитие многоплановых российско-китайских связей.

Желаю Обществу дальнейших успехов, а всем его членам — доброго здоровья, счастья и благополучия.

В.Путин

Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, представитель Президента РФ в ШОС Л.П. Моисеев огласил приветствие Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова в адрес Общества российско-китайской дружбы.

Центральному Правлению Общества российско-китайской дружбы
Уважаемые друзья!

Примите самые теплые поздравления с 50-й годовщиной образования Общества российско-китайской дружбы.

В течение полувека Общество играло важную роль в поддержании, развитии и укреплении двусторонних связей с Китаем в экономической, культурной и социальной сферах, всемерно способствовало нормализации и совершенствованию межгосударственных отношений, их выводу на уровень равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия. Деятельность Общества, несомненно, является неотъемлемым компонентом всего огромного комплекса российско-китайских отношений.

С момента основания приоритетным направлением деятельности Общества было и остается расширение связей между народами России и Китая, укрепление общественной базы двусторонних отношений.

Нельзя не отметить весомый и ценный вклад ОРКД в организацию и проведение мероприятий в рамках национальных Годов России и Китая.

Между нашими странами достигнута принципиальная договоренность о проведении в 2009—2010 гг. Годов русского и китайского языков. Убежден, что Общество примет самое деятельное участие и в этом важном и своевременном проекте.

Позвольте выразить уверенность, что Общество российско-китайской дружбы будет и впредь прилагать неустанные усилия к тому, чтобы российская и китайская общественность лучше знали и понимали друг друга, чтобы между народами двух стран, ближайшими соседями и друзьями, выстраивались и крепились отношения взаимного уважения и доверия, которые, в свою очередь, будут содействовать дальнейшему укреплению российско-китайской дружбы и расширению всестороннего сотрудничества.

С. Лавров

Первый заместитель Председателя Общества российско-китайской дружбы Г.В. Куликова сообщила участникам торжественного собрания о том, что в адрес Общества российско-китайской дружбы по случаю его юбилея поступили также приветственные послания Чрезвычайного и Полномочного По-

сла РФ в КНР С.С. Разова и Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в РФ Лю Гучана.

“Общество всегда было тем “мостиком”, благодаря которому никогда не прерывалась человеческая связь простых китайцев и россиян... Роль Общества российско-китайской дружбы как важного субъекта “народной дипломатии” незаменима. Общество продолжает оставаться инициатором и организатором крупных значимых мероприятий в наших отношениях. Неоспоримо значение его деятельности для мобилизации общественного мнения в России в пользу развития сотрудничества с Китаем и укрепления общей атмосферы дружбы, добрососедства и взаимопонимания между двумя странами”, — писал в своем послании Посол РФ в КНР С.С. Разов.

Опорной силой дела китайско-российской дружбы и ведущим отрядом народной дипломатии между Китаем и Россией назвал Общество российско-китайской дружбы и Посол КНР в РФ Лю Гучан.

В настоящее время, когда российско-китайские отношения партнерства и стратегического взаимодействия вступили во второе десятилетие и качественно новую эпоху развития, Посол Лю Гучан пожелал Обществу российско-китайской дружбы новых начинаний и достижений с тем, чтобы написать новую, более блестящую страницу в великом деле передачи дружбы между Китаем и Россией из поколения в поколение.

От имени региональных отделений Общества российско-китайской дружбы участников торжественного собрания приветствовал председатель Свердловского областного отделения Общества российско-китайской дружбы, доктор медицинских наук, профессор В.Д. Гвоздевич, заявивший о всемерной поддержке широкими кругами российской общественности курса нашей страны на всемерное укрепление и развитие равноправного партнерства и стратегического взаимодействия с нашим великим партнером — Китайской Народной Республикой и заявил о готовности Общества российско-китайской дружбы и его отделений на местах принимать еще более активное участие в реализации этого курса в интересах наших стран и народов.

Общество российско-китайской дружбы в связи с его 50-летним юбилеем приветствовали также руководители Приморского и Хабаровского краев, Читинской области и Алтайского края, а также ряда его региональных отделений в субъектах Российской Федерации, руководители китайско-русского центра культурных обменов, китайских землячеств в Москве и других российских общественных организаций.

Взаимодействие России и Китая на международной арене

© 2007

И. Рогачев

Начало XXI столетия ознаменовалось тем, что из года в год крепнет и ширится взаимодействие России и Китая на мировой арене. В его основе совпадение или близость подходов обеих стран к широкому кругу международных проблем, среди которых важное место занимает задача формирования нового демократического и справедливого миропорядка. Консолидирующая роль, которую могут сыграть здесь Россия и Китай, проистекает из насущных, сугубо прагматических потребностей человечества, столкнувшегося в современную эпоху с совершенно новыми по масштабам и проявлениям угрозами и вызовами. И в этом процессе наши страны отводят ключевое место Организации Объединенных Наций и ее Совету Безопасности.

Еще 10 лет тому назад, в 1997 г., главы двух государств подписали совместную Декларацию о многополярном мире и формировании нового международного порядка¹, а в июле 2005 г. Президент РФ В.В. Путин и Председатель КНР Ху Цзиньтао поставили свои подписи под Совместной декларацией о международном порядке в XXI в.² В этих двух документах как раз отражается совпадение взглядов обеих стран на ключевые проблемы современного мироустройства, наша общая приверженность формированию справедливого и рационального миропорядка, основанного на примате международного права, многосторонних подходах, равенстве и взаимном уважении.

Анализ внешнеполитического курса китайского руководства показывает, что он, действительно, нацелен на обеспечение долгосрочного мирного окружения в интересах осуществления программы реформ и модернизации страны и создания нового справедливого международного политического и экономического порядка.

Согласно китайским оценкам, развитие тенденций усиления мировой многополярности и глобализации создало благоприятные возможности для международного мира и развития. Вместе с тем продолжают действовать такие рецидивы конфронтационной эпохи, как менталитет "холодной войны", гегемо-

низм и политика с позиции силы. В качестве их особо опасных проявлений китайское руководство выделяет попытки расширения военных блоков, увеличение разрыва в доходах развитых и развивающихся стран, стремление вмешаться во внутренние дела, продолжающиеся локальные конфликты. Китай последовательно провозглашает, что он принципиально против альянсов с какой-либо державой или группой стран, создания военных союзов, участия в гонке вооружений и военной экспансии³.

Китайское руководство относит КНР к числу развивающихся государств и традиционно рассматривает страны “третьего мира” в качестве одного из важнейших направлений своей внешней политики. Однако в последние годы отношения с ведущими государствами мира и странами-соседями, по сути, стали для Китая приоритетными. Среди них, помимо России, в первую очередь в Пекине выделяют США. В последние годы в китайско-американских отношениях преобладает тенденция к стабилизации, но вместе с тем между сторонами сохраняются существенные разногласия. Одним из основных раздражителей для Пекина и Вашингтона был и остается тайваньский вопрос. Так, например, в ноябре 2006 г. Комиссия Конгресса США опубликовала доклад, в котором Китай в частности обвиняется в том, что он не готов и не хочет нести бремя “ответственного пайщика” современной системы международных отношений в плане укрепления глобального мира и стабильности⁴.

Комиссия выдвинула против Китая следующие обвинения: распространение оружия массового уничтожения (конкретные получатели — Северная Корея и Иран); торговля обычными вооружениями (покупатели — антиамериканские режимы” в АТР и на Ближнем Востоке); энергетический “эгоизм”. Вывод, к которому приходит Комиссия, таков: Китай сейчас стал вторым крупнейшим потребителем энергоресурсов и ведет все более агрессивную линию на мировых рынках углеводородов, что в перспективе может негативно отразиться на энергобезопасности США; пренебрежение правилами мировой торговли (в течение пяти лет после присоединения к ВТО Китай, дескать, продолжает непоследовательно выполнять взятые на себя обязательства, добивается незаконных привилегий на внешних рынках); нарушение прав интеллектуальной собственности. Хотя этот доклад идет вразрез с текущими планами администрации в отношении контактов с китайским руководством, он, несомненно, адекватно отражает опасения в политическом истеблишменте по поводу долгосрочного воздействия китайского фактора на глобальные позиции США.

Авторы еще одного доклада по американско-китайским отношениям, подготовленного в Конгрессе США, утверждают, что Китай торгует технологиями и материалами, пригодными для создания ядерного, химического, бактериологического оружия и средств его доставки. Эта продукция будто бы поставляется в такие страны, как Иран, КНДР, Судан, Мьянма, Зимбабве, Куба, Венесуэла, Сирия, Пакистан.

Свои отношения с Европейским Союзом Пекин рассматривает в качестве асимметричного ответа на американскую политику глобального доминирования и активно поддерживает укрепление европейского полюса в мировой системе. Несмотря на различия в подходах ЕС и КНР к проблеме снятия военного эмбарго и к правозащитной тематике, значимость европейского вектора в китайской внешней политике, судя по всему, будет возрастать.

В контролируемых пределах сохраняется политическая напряженность в отношениях Китая с Японией. Тем не менее, серьезным фактором, цементиру-

ющим двусторонние отношения, являются экономическая взаимозависимость двух государств, их общая заинтересованность в сохранении стабильности в Восточной Азии и в АТР в целом. В своей недавней программной речи новый премьер Японии Ясуо Фукуда предлагает Пекину “строить взаимовыгодные отношения, основанные на общих стратегических интересах”.⁵

Китайская дипломатия проявляет активность по всему спектру проблематики ООН. Пекин выступает за адекватное представительство развивающихся стран в Совете Безопасности ООН и “разворот” ооновских программ к нуждам “третьего мира”.

Новый аспект во внешнеполитической деятельности КНР — развитие контактов с “большой восьмеркой”. После участия Председателя КНР Ху Цзиньтао в 2003 г. в эвианском саммите Китай стал проявлять интерес к участию в деятельности “восьмерки” в отдельных секторах, в частности, Группы контртеррористических действий. Налажен диалог Китая с “восьмеркой” на финансово-экономическом треке. Ху Цзиньтао участвовал в качестве гостя в работе саммита “Группы восьми” в Великобритании в 2005 г. и в Санкт-Петербурге в 2006 г.

Пекин решительно настроен на противодействие новым вызовам и угрозам, осуждает терроризм во всех его формах и проявлениях. Россия и Китай имеют совпадающие взгляды и подходы в вопросе противостояния силам терроризма. Они выступают за то, чтобы в противодействии новым угрозам, в первую очередь, терроризму, важная роль принадлежала институтам многостороннего и регионального сотрудничества. В этом плане обеими странами первостепенное внимание уделяется взаимодействию на антитеррористическом направлении с ведущими международными и региональными объединениями, в первую очередь теми, которые функционируют на территории стран СНГ — Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС). В Москве и в Пекине считают, что формат ШОС по многим параметрам является оптимальным для поддержания эффективного взаимодействия двух стран, а также их сотрудничества с другими партнерами по региону с тем, чтобы противостоять новым глобальным вызовам. Последний пример такого подхода — активная поддержка Москвой и Пекином Меморандума о сотрудничестве в области безопасности между ШОС и ОДКБ, подписанного 5 октября 2007 г. в Душанбе (аналогичные подписанному документу меморандумы были заключены ранее ШОС с ЕврАзЭС и структурами ООН).

Китай поддержал контртеррористическую операцию на афганской территории и все последующие решения международного сообщества по стабилизации ситуации в Афганистане, прилагает усилия, направленные на выявление источников финансирования террористов. Здесь можно отметить, что между КНР и США в целом сложился механизм сотрудничества по борьбе с терроризмом, некоторые сепаратистские группировки, выступающие за независимость “Восточного Туркестана”, стали официально рассматриваться властями США в качестве террористических.

Что касается китайской позиции по правам человека, то она основывается на идее плюрализма общественно-политических систем, неотъемлемой частью которой является право на развитие. В Пекине настаивают на неконфронтационном подходе к урегулированию разногласий по данной проблеме через диалог и консультации. Параллельно китайские власти принимают меры, направленные на приведение национального законодательства в соответствие с международным правом. (Невзирая на это, в августе 2007 г. в палату представителей Конгресса

США были внесены сразу две резолюции об официальном бойкоте правительством США Олимпиады — 2008 в Пекине “из-за нарушений прав человека в КНР”, а также поддержки Пекином режимов в Судане, Бирме и Северной Корее).

Китай не ратифицировал Договор о всеобщем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), но с 1995 г. строго соблюдает мораторий на ядерные испытания. В Пекине рассматривают возможность ратификации Договора без оговорок и увязок с ратификацией его Вашингтоном. КНР выступает за первоочередное сокращение ядерных потенциалов США и России. Важным компонентом ядерного нераспространения Китай считает создание безъядерных зон (БЯЗ) в различных районах мира. В принципе китайская дипломатия приветствовала усилия по созданию БЯЗ в Центральной Азии.

В Китае с пониманием относятся к участию России в Инициативе по безопасности в области распространения (ИБОР).

КНР занимает сходные или близкие нам позиции по вопросам разработки контрольного механизма к Конвенции по запрещению биологического оружия, участия в Регистре обычных вооружений ООН, в целом — по противоминной проблематике. Москва и Пекин выступают вместе за наращивание действий международного сообщества, направленных на предотвращение размещения оружия в космическом пространстве.

Китай активно участвует в диалоговых механизмах безопасности и сотрудничества в АТР, все больше заявляя о себе как одном из ведущих факторов регионального развития.

В качестве одного из главных инструментов, призванных заложить основы долговременной стабильности в Центральной Азии и прилегающих районах, Россия и Китай рассматривают объединенные усилия в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Обе страны внесли большой вклад в разработку нового документа — Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанного 16 августа 2007 г. в Бишкеке главами шести государств. Позитивно в Пекине относятся и к предложениям Казахстана о придании нового импульса процессу Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА).

Руководство КНР выражает озабоченность в связи с перспективами развития ситуации в странах Центральной Азии по мере проведения в них президентских и парламентских выборов. Китайское руководство проводит последовательную линию на развитие торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества с постсоветскими республиками региона, выражает готовность предоставить им безвозмездную финансовую помощь и льготные кредиты, оказать содействие в строительстве национальных вооруженных сил и правоохранительных органов, расширить общественную базу двусторонних связей. В последние годы КНР добилась подписания с большинством стран ЦА двусторонних антитеррористических соглашений.

В Пекине придают особое значение налаживанию торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между странами АТР на многосторонней основе. Наиболее перспективным механизмом экономической интеграции в общерегиональном масштабе считается АТЭС. КНР выступает за постепенную реализацию богорских целей в области либерализации торговли (к 2010 г. — для развитых и к 2020 г. — для развивающихся стран), за наращивание технического содействия менее развитым государствам. В то же время из-за участия Тайваня в АТЭС Пекин не приемлет идеи превращения этого форума в междуна-

родную организацию, которая взяла бы на себя функцию обсуждения вопросов региональной безопасности.

Китай активно стимулирует экономическую интеграцию в сопредельных районах, в частности, в рамках Восточноазиатского сообщества с акцентом на форматах “АСЕАН плюс КНР, Япония и Южная Корея” и “АСЕАН—КНР”. При этом наибольших результатов Пекин добился в налаживании взаимодействия с Ассоциацией. Китай присоединился в качестве внерегиональной державы к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии 1976 г. (Балийский договор). Между КНР и “десяткой” достигнута стратегически важная договоренность о создании к 2010 г. зоны свободной торговли. В формате “10+1” обсуждаются конкретные варианты сотрудничества в борьбе с терроризмом и нетрадиционными угрозами безопасности. Налаживается взаимодействие в формате “северной тройки”: Китай — Япония — Республика Корея.

Среди других региональных направлений одно из центральных мест во внешнеполитической деятельности КНР занимает южноазиатское. Пекин рассматривает субконтинент в качестве своего “ближнего зарубежья” и стремится развивать со странами региона мирные и предсказуемые отношения.

В настоящее время китайская дипломатия прилагает заметные усилия для развития отношений с Индией. Пекин выступает за мирное урегулирование кашмирской проблемы и за скорейшее снятие напряженности в отношениях между Индией и Пакистаном. В последние годы все больше налаживается взаимодействие в формате тройки Россия — Китай — Индия. Проводятся встречи не только представителей академических кругов, но и министров иностранных дел трех стран (последняя встреча трех министров состоялась в октябре 2007 г. в Харбине). В Совместной российско-китайской декларации, подписанной по итогам визита В.В. Путина в Пекин 21—22 марта 2006 г., было зафиксировано следующее важное положение: “Стороны высказываются за скорейшее создание механизма трехстороннего сотрудничества в формате Китай — Россия — Индия, считая, что это содействует более полной реализации их возможностей в экономическом развитии, а также укрепляет международные усилия по противодействию новым вызовам и угрозам”⁶.

Китай неизменно придерживается линии на мирное урегулирование проблемы Ирака в рамках ООН, вместе с единомышленниками выступает за усиление роли ООН в послевоенном урегулировании в Ираке. Китайские представители подчеркивают необходимость скорейшего формирования всей структуры иракских органов власти и управления, развития политического процесса и укрепления безопасности в стране, уважения суверенитета и территориальной целостности Ирака, права иракского народа распоряжаться своей судьбой и природными богатствами страны. Пекин настаивает на признании и уважении законных интересов в Ираке традиционных партнеров этой страны, в том числе Китая и России.

По вопросам ближневосточного урегулирования Китай выступает за прекращение оккупации Израилем палестинских территорий на основе соответствующих резолюций ООН и за восстановление законных национальных прав палестинского народа, поддерживает принцип “земля в обмен на мир”, скорейшее возобновление переговоров сторон, реализацию “дорожной карты” нынешнего плана размежевания. В целях урегулирования Пекин не исключает проведения представительных международных и региональных форумов. Параллельно множатся китайские контакты с арабскими странами, создан форум “Китай — арабский мир”.

В последние годы значительно активизировалась политика КНР в Африке и Латинской Америке. Расширяется поддержка государствами этих континентов позиции Пекина по Тайваню и по проблеме реформирования ООН. Кроме того, эти страны рассматриваются в качестве важных источников сырьевых, прежде всего углеводородных ресурсов, необходимых Китаю.

Примерами российско-китайского партнерства и стратегического взаимодействия на представительных региональных и международных форумах, проведенных в последние десятилетия, можно назвать такие, например, проблемы, как косовский кризис и бомбардировки бывшей Югославии, развитие ситуации вокруг Ирака, иранская ситуация, выход США из Договора по ПРО и т.п. В некоторых же случаях Россия и Китай не отказываются от состыковки своей позиции с позициями США и ведущих европейских держав (в качестве примера можно привести переговоры по ядерной проблеме Корейского полуострова или переговоры по иранской ядерной проблеме).

Китайская сторона неизменно поддерживает нашу политику по нормализации обстановки в Чеченской Республике, а российские представители противодействуют попыткам некоторых государств "ошельмовать" позицию КНР в тибетском вопросе.

Россия и Китай придерживаются сходных позиций по проблемам разоружения и контроля над вооружениями, нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки. Они выступают против планов создания национальных систем противоракетной обороны. На протяжении целого ряда лет наши страны неизменно содействовали принятию Генеральной Ассамблеей ООН резолюций о необходимости сохранения и укрепления Договора по ПРО от 1972 г. как краеугольного камня сложившейся с таким трудом архитектуры глобальной безопасности. На Конференции по разоружению Россия и Китай выступили с совместной инициативой о запрещении милитаризации космического пространства. Если наши предложения примут характер полновесных международных обязательств, это станет серьезной победой миролюбивого и трезво мыслящего большинства стран международного сообщества в работе по обеспечению глобальной безопасности в наступившем столетии.

В духе закрепленного на договорной базе стратегического партнерства Москва и Пекин поддерживают интенсивный обмен мнениями по широкому спектру региональных проблем. Это и ситуация в СНГ, и европейская безопасность, и тематика "третьего мира", и урегулирование конфликтов в Африке. Можно констатировать, что и здесь в наших позициях много общего. Россия и Китай последовательно возражают против политики блокостроительства, в частности, расширения НАТО на Восток. Москва и Пекин убеждены, что такие действия не могут способствовать построению долгосрочных и эффективных механизмов региональной безопасности.

Региональная проблематика — важное направление нашего взаимодействия в формате международных структур, прежде всего в рамках Генассамблеи и Совета Безопасности ООН. Здесь по многим ключевым для международной безопасности вопросам дипломаты двух стран не видят альтернатив политическим средствам урегулирования и призывают строго руководствоваться буквой и духом международного права, в том числе соответствующими резолюциями СБ ООН. С этих позиций наши страны выступают в отношении конфликтов на Ближнем Востоке, индо-пакистанского противостояния, а также урегулирования афганской ситуации. Российско-китайское сотрудничество по Афганистану и до-

дотворно развивается как в рамках "пятерки" постоянных членов Совета Безопасности, так и в формате других международных структур.

Не менее интенсивный диалог складывается между Россией и Китаем и по проблеме стабильности в АТР. Москва и Пекин взаимодействуют в выработке регионального консенсуса относительно основополагающих подходов к обеспечению безопасности в регионе. Их планируется закрепить в разрабатываемой Декларации о руководящих принципах взаимоотношений в АТР "Тихоокеанское согласие". Выполнение такой задачи позволит обойтись без столкновения интересов ключевых мировых держав, причудливым образом переплетающихся в этом "регионе XXI века". Надо ли говорить о том, что тем самым будет сделан еще один практический шаг в реализации российско-китайского Договора 2001 г. — тех его положений, где речь идет о построении в сопредельных с нашими странами районах эффективных механизмов по обеспечению безопасности.

Российская сторона неизменно поддерживает китайских представителей в актуальных для них вопросах. Так, во многом благодаря принципиальной позиции нашей страны, удалось заблокировать включение в повестку дня последней сессии Комитета ООН по правам человека в Женеве обсуждения китайской политики в этом вопросе.

Российско-китайское международное взаимодействие целесообразно проиллюстрировать на двух важных конкретных направлениях сотрудничества — в АТР и в рамках шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова. В последние годы Пекин стал динамично расширять свое участие в процессах сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Многостороннее взаимодействие рассматривается им как одно из важных направлений поддержания в регионе долгосрочной стабильности. Этим продиктовано стремление Китая участвовать в создании диверсифицированной сети региональных структур в Азии, которая охватывала бы широкий спектр областей многостороннего сотрудничества.

В сфере региональной безопасности безусловным приоритетом для Пекина остается развитие взаимодействия в рамках Асеановского регионального форума по вопросам безопасности (АРФ), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), причем роли последней придается все более и более важное значение. Однако не исключаются действия и по линии других диалоговых структур, например, как уже говорилось выше, Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА).

По китайской оценке, АРФ пока является ведущим многосторонним диалоговым механизмом в сфере обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Задача этого форума на данном этапе в Пекине видится в плоскости создания необязывающих переговорных структур, позволяющих регулярно поддерживать необходимый обмен мнениями по наиболее чувствительным вопросам военно-политической повестки дня в АТР. Особая важность придается достижению регионального консенсуса по основополагающим подходам к обеспечению безопасности в регионе.

Китайские представители выступают за ведущую роль "десятки" в АРФ и за плавный, осмотрительный переход от наработки мер доверия к превентивной дипломатии. Китайская дипломатия последовательно выступает за то, чтобы отложить проблемы территориального размежевания с соседними странами на неопределенный срок и заняться совместным хозяйственным освоением спорных акваторий.

В этом контексте важно отметить, что параллельно в Пекине уделяют неослабное внимание сотрудничеству с зарубежными партнерами в области противодействия так называемым “нетрадиционным угрозам”, прежде всего со стороны трансграничной преступности и международного терроризма.

Выше уже отмечалось, что объективно Китай заинтересован в развитии потенциала таких структур, как Совецание по взаимодействию и мерам доверия в Азии. Цель — выработка взаимопонимания по ключевым проблемам развития регионального сотрудничества. Следует напомнить, что КНР была одним из учредителей этой организации и активно участвовала в разработке и принятии ее основополагающей Декларации.

В целом, в межрегиональном плане Пекин придает важное значение активизации своего участия в форуме “Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество” (АТЭС), встречах “Европа-Азия” (АСЕМ), форуме “Восточная Азия — Латинская Америка” (ВАЗЛАФ), а также в диалоговых структурах с африканскими и арабскими странами. В последние два года стало заметно стремление китайской стороны более активно поддерживать и новые процессы хозяйственной интеграции, в которых нерегionalные страны не участвуют. При этом, судя по всему, в Пекине склоняются к тому, чтобы выбрать механизм “10+1” с последующим поэтапным переходом в формат “10+3” в качестве ведущей структуры комплексного взаимодействия в регионе и основы для формирования экономического порядка в Азии.

Одновременно Китай стремится форсировать реализацию инфраструктурных проектов сопредельных районов, не увязывая их напрямую с механизмами восточно-азиатского сотрудничества. Так, в Юго-Восточной Азии он уделяет первоочередное внимание таким программам, как освоение дельты реки Меконг и соединение своих автомобильных и железных дорог с соответствующими проектами АСЕАН.

Еще одна цель, которую ставит перед собой китайская дипломатия в этой части земного шара, — формирование субрегиональных или общерегиональных каналов торгово-экономического взаимодействия как факторов, стабилизирующих обстановку в конкретных субрегионах Азии. Китай заинтересован в том, чтобы участвовать в формировании энергетической инфраструктуры в Центральной и Северо-Восточной Азии, в том числе в многосторонних проектах по прокладке трубопроводов. Пекин постепенно ведет дело к совершенствованию транспортного сообщения со странами региона и включению его в более широкую программу “шелкового пути” из Восточной Азии в Западную Европу. Можно констатировать, что Китай активно выступает за создание благоприятных условий для стимулирования региональной торговли и инвестирования, в частности, в рамках ШОС.

С 2001 г. параллельно множатся инициативные выступления китайской стороны в пользу создания преференциальных торговых соглашений и зон свободной торговли по периметру границ своей страны. В ноябре 2005 г. Пекин выступил с инициативой создания такой зоны к 2010 г. в формате “10+1”, что было поддержано асеановцами. В мае 2002 г. Китай и АСЕАН провели первые консультации по этому вопросу. С апреля 2000 г. КНР участвует в Бангкокском соглашении по тарифам (инициатива ЭСКАТО), которому в Пекине постепенно придают все большее значение.

Примечательно, что Китай выступил инициатором создания первого субрегионального экономического “Форума Боао” (на острове Хайнань) — своеобразного “азиатского Давоса”. При этом китайская сторона поддержала тай-

ландскую инициативу о запуске Диалога по сотрудничеству в Азии с аналогичным “Форуму Боао” географическим охватом, но более широкой задачей — играть связующую роль между различными диалоговыми структурами в Азии, включая и сам “Форум Боао”⁷.

Итак, в целом КНР играет все более заметную политическую роль в азиатских региональных структурах. Под эту роль методично подводится все более солидный экономический фундамент. Нет сомнения в том, что Китай становится центром азиатской экономической интеграции, а процессы хозяйственного взаимодействия в Центральной, Северо-Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии испытывают возрастающее влияние со стороны Пекина.

Ныне взаимодействие с КНР в азиатских многосторонних форматах, более активное подключение России к процессам экономической интеграции в АТР способствуют широкому развитию экономического потенциала нашей страны и, прежде всего, Дальнего Востока и Восточной Сибири.

Солидная база для дальнейшего наращивания российско-китайского регионального сотрудничества заложена в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г. Согласно статье 14 этого Договора, Россия и Китай обязуются всемерно способствовать укреплению стабильности, утверждению атмосферы взаимопонимания, доверия и сотрудничества в регионах, прилегающих к их территориям, содействовать усилиям по созданию в этих регионах соответствующих их реалиям многосторонних механизмов взаимодействия по вопросам безопасности и сотрудничества⁸. При этом исходить надо из уже наработанного двумя странами опыта, а там, где его еще пока нет — из широкого совпадения и созвучия подходов России и Китая к ключевым вопросам двусторонней, региональной и глобальной повестки дня.

В сфере безопасности для налаживания нашего сотрудничества с Китаем в многосторонних форматах в Азии есть надежная основа — общность позиций двух стран по фундаментальным принципам формирования нового миропорядка. В АТР взаимодействие России с Китаем по этому направлению носит главным образом концептуальный характер за исключением, очевидно, ШОС, где тематика построения постконфронтационной международной архитектуры начинает занимать особое место. Не случайно, что именно “шанхайскому процессу” Москва и Пекин отводят роль одного из звеньев становления новой модели мироустройства.

Учитывая неблоковый, открытый характер ШОС, в трансграничном измерении было бы полезно подумать о развитии и наполнении реальным содержанием контактов ШОС с такими региональными структурами, как АСЕАН, используя для этого, в том числе и китайские заделы во взаимодействии с Ассоциацией.

Потенциал ШОС, создание в ее рамках Региональной антитеррористической структуры открывают новые возможности и для развития международного сотрудничества в борьбе с терроризмом. Очевидно, что во взаимодействии с КНР и другими партнерами по ШОС нельзя ограничиваться уже достигнутым на этом направлении позитивом.

В рамках этой организации наработан богатый опыт в области мер военно-политического доверия и транспарентности. Многие из этого опыта может быть применимо и в АТР, скажем, при разработке многосторонних соглашений о недопущении опасной военной деятельности на море. Такую идею можно было бы проводить совместно с китайскими партнерами.

В экономической сфере стоило бы подумать о разработке на основе наших национальных стратегий новых долгосрочных комплексных программ сотрудничества с Китаем, об их взаимоувязке, например, в области энергетики в Центральной и Северо-Восточной Азии, а также программы развития Дальнего Востока и Восточной Сибири с программой возрождения старой промышленной базы Северо-Восточного Китая. Перспективным направлением видится также выработка нами региональных “правил игры” и рамок сотрудничества в области транспорта, телекоммуникаций и мирного освоения космоса. Этим программам взаимодействия следует придать “сквозной” характер, чтобы они могли применяться как на субрегиональном, так и региональном уровнях. А в Центральной и Северо-Восточной Азии для этого уже есть достаточные условия.

Многообещающим видится налаживание комплексного сотрудничества в “треугольнике” Россия—Китай—Индия. В экономической области, по-видимому, целесообразно обратить особое внимание не только на возможные проекты непосредственного трехстороннего взаимодействия, но и на так называемые обменные операции, например, в области энергетики. Речь могла бы идти, в частности, о привлечении индийских инвестиций к добыче российских энергоносителей и их дальнейшем экспорте в КНР в зачет других форм сотрудничества между Китаем и Индией, прежде всего в энергетике.

Шестисторонний механизм переговоров по корейской проблеме возник и сложился во многом благодаря тесному взаимодействию России и Китая. Во всех своих основных элементах подходы Москвы и Пекина практически полностью совпадают. Обе страны за то, чтобы на полуострове не было ядерного оружия, за возвращение КНДР в режим нераспространения, за сотрудничество Пхеньяна с МАГАТЭ, в том числе в проведении адекватного режима инспекций, за поиск сугубо политико-дипломатических развязок. С другой стороны, и мы, и китайские партнеры убеждены в том, что озабоченности КНДР по поводу своей безопасности непременно должны быть учтены.

В конце сентября 2007 г. в Пекине прошел очередной раунд шестисторонних переговоров. 3 октября 2007 г. обнародован текст соглашения, принятого по итогам этого раунда. Документ предусматривает предоставление Пхеньяном полного списка своих ядерных программ и демонтаж объектов в Йонбене до конца 2007 г. В свою очередь Соединенные Штаты согласились поставить КНДР топливо и активизировать контакты с Пхеньяном.

Договоренности о новом этапе ядерного разоружения КНДР позволяют приступить к практическим мерам по денуклеаризации Корейского полуострова.

1. Дипломатический вестник. 1997. № 5. С. 19—21.
2. <http://www.kremlin.ru/text/docs/2005/07/90623.shtml>
3. Вэнь Цзябао о неизменном курсе Китая на мирное развитие. — <http://Russian.china.org.cn/china/archive/lianghui-4/txt/2006-03/14/>
4. Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Review Commission. November 2006 // <http://www.uscc.gov>
5. Российская газета. 2007. 2 окт.
6. <http://mid.ru>
7. Азиатский форум Боао. — <http://mid.ru>
8. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001. — <http://mid.ru>

США—КНР—Россия: "треугольник" 35 лет спустя

© 2007

А. Давыдов

Одним из наиболее важных внешнеполитических событий уходящего 2007 г. стало февральское выступление президента РФ В.В. Путина на конференции в Мюнхене, обозначившее своеобразный "поворотный пункт" в отношении России к Западу.

Резкая критика российского лидера в адрес США за бесконтрольное применение силы в международных делах, за "односторонние, нелегитимные действия", приводящие к возникновению войн и конфликтов, имела столь мощный и широкий международный резонанс, что все другие события, даты или факты, заслуживавшие при иных обстоятельствах права, чтобы о них вспомнили, были отодвинуты на второй план. В тени забвения, таким образом, оказалась тогда и такая знаменательная дата, как 35-летие поездки президента США Р. Никсона в КНР в конце февраля 1972 г.

А вспомнить о ней следовало уже хотя бы потому, что для своего времени эта поездка тоже имела по существу рубежный, знаковый характер, ибо именно после подписания в ходе ее знаменитого "шанхайского коммюнике" мир ощутил себя в условиях принципиально иной геополитической реальности. Это ощущение закрепил последовавший затем визит американского президента в Москву в мае того же года, который неформально утвердил появление на свет в рамках тогдашней биполярной системы международных отношений новой геостратегической фигуры — "треугольника США—КНР—СССР", сразу ставшего одним из наиболее существенных факторов регулирования мирового баланса сил.

Строго говоря, первые контуры такого "треугольника" стали прорисовываться еще во второй половине 1940-х гг., когда США искали для себя в Китае "точку опоры", прибегнув в определенный момент к попыткам установления более тесных связей с КПК, а советское руководство, поощрявшее курс Мао Цзэдуна на завоевание политической власти в стране, сохраняло до последнего официальные отношения с правительством Чан Кайши. Хотя идеологические соображения поначалу перевесили геополитические, однако, развернувшаяся в начале 1960-х гг. борьба между СССР и КНР за лидерство в международном коммунистическом движении, приблизившая в итоге крах социалистического содружества, послужила США действенным импульсом к возобновлению поисков выгодных им геополитических комбинаций для реализации своих стратегических целей.

Трансформировавшись после распада СССР в конструкцию "США — КНР — Россия", "треугольник" утратил часть прежних характеристик, одновременно

приобретя некое новое качество. Но свое главное свойство — радикально влиять на глобальную ситуацию — он сохраняет по сей день. Другими словами, от состояния взаимоотношений между бравирующей сегодня своей сверхдержавностью Америкой, уверенно набирающим силу и прочно обосновавшимся в когорте основных мировых лидеров Китаем и утратившей после развала СССР часть комплексной государственной мощи, но уже расправляющей плечи Россией по-прежнему в определяющей степени зависят мир и стабильность на нашей планете.

В то же время очевидно, что распад СССР, приведший к краху биполярной системы, фактически не предоставил никакой альтернативной модели мироустройства. Если полюсом в мировой архитектонике, по определению, считается обладатель совокупности таких политических, экономических, идеологических, военно-силовых и прочих характеристик, которые не только обеспечивают способность проведения угодной ему линии в международных делах, заставляя считаться с ней соперничающих с ним субъектов международного права, но и позволяют формировать ключевые направления мирового развития, то, очевидно, правы те аналитики, которые утверждают, что в сегодняшнем мире сохраняется наличие двух разновекторных “противоречивых тенденций развития — к многополярности и однополярности”¹, способных сосуществовать в течение некоторого времени.

При этом ни та, ни другая модель не являются идеальными. Желанная для многих стран многополярность пока больше декларативна, хотя первые шаги в ее направлении уже сделаны. А монополярность, проявляющаяся в виде откровенно силового навязывания Соединенными Штатами остальному миру своих порою достаточно сомнительных установок и рецептов, вызывает периодически усиливающиеся приступы глобальной аллергии. Чего стоит, например, курс на насильственную демократизацию отсталых стран, оказавшийся попросту контрпродуктивным. Сегодня, по данным некоторых опросов, 52% граждан КНР и 60% россиян считают, что “США влияют на мир негативно”².

Как отмечал академик Е.М. Примаков, в нынешних условиях “отсутствие перспективы мировых войн не идентично наступлению международной безопасности. Изменились лишь характер и масштабы угроз”³. Действительно, конфликты в мире сохраняются и никуда не исчезли, просто из политико-идеологических они трансформировались в религиозно-этнические. На этой почве произошло резкое возрастание опасности международного терроризма, усилились проявления сепаратизма. Чрезвычайную угрозу представляет “расползание” по планете оружия массового уничтожения.

Парадоксально, но факт — именно США, рекламирующие себя в роли главного мироборца, по результатам опроса компании “Harris Interactive” представляют главную угрозу миру. По крайней мере, так считают 46% испанцев, 32% немцев, 31% французов, 30% англичан и значительное число представителей других европейских стран. Второе и третье места — за Китаем и Ираном и лишь на шестом месте находится Россия⁴.

К тому же США, как известно, занимают лидирующее положение в мире по объему военных расходов, которые в 2006 году составили 528,7 млрд. долл. КНР находится по этому показателю на четвертом месте (49,5 млрд долл.), а Россия — на седьмом (34,7 млрд долл.)⁵.

Говоря о шансе, который Америка действительно упустила, следует особо подчеркнуть, что это — возможность создать после распада СССР основы новой мировой архитектоники неконфронтационного характера, основанной на равенстве и доверии. Если в ближайшем будущем странам-лидерам мирового сообщества не удастся переступить через свои амбиции и на деле сплотить усилия для скоординированных действий по обеспечению подлинной глобальной ста-

бильности, то могут вновь стать реальностью самые пессимистические прогнозы, высказывавшиеся рядом экспертов еще в конце XX в., когда речь шла о возможной перспективе конфликта цивилизаций.

В связи с этим нелишне напомнить, что все стороны упомянутого “треугольника” искони принадлежат к разным цивилизационным истокам. Да и сама история их взаимоотношений как в двустороннем, так и в “треугольном” формате не внушает безудержного оптимизма.

Как известно, на протяжении второй половины XX в. отношения между США и КНР отличались резкой зигзагообразностью — от откровенной враждебности в 1950-е гг. и осторожного “прощупывания” друг друга во второй половине 1960-х, через “пинг-понговую дипломатию” Киссинджера—Чжоу Эньлая в начале 1970-х — к дипломатическому признанию и установлению стратегических связей в конце того же десятилетия; от американского лавирования между КНР и Тайванем при президенте Рейгане — к почти полному замораживанию двусторонних контактов после тяньаньмэньских событий 1989 г.

Точно так же в отношениях Китая и СССР эйфорию “великой дружбы” 1950-х гг. сменила открытая и острая полемика партийно-государственного руководства двух стран, трансформировавшаяся затем в откровенную враждебность, кульминацией которой стали прямые вооруженные пограничные столкновения 1969 г. Замирение в конце 1980-х гг. не было ни легким, ни безболезненным.

Что до взаимоотношений СССР и США на протяжении 40 лет после окончания Второй мировой войны, в ходе которой мы были союзниками, то они пребывали в состоянии “войны холодной”, периодически “подогреваемой” каким-либо серьезнейшим политическим или военным кризисом, самым опасным из которых стал Карибский.

США и Россия — от “холодной войны” к “холодному миру”

Еще в 1793 г. один из американских отцов-основателей Томас Джефферсон высказал следующую мудрую мысль: “Мы, разумеется, не можем отрицать за каким-либо народом то право, на котором основана наша собственная форма правления, будучи уверены в том, что каждый народ может выбирать для себя ту форму правления, которая ему нравится, и изменять ее по своей воле; а также вести дела с другими народами посредством того органа, который посчитает для себя подходящим, — будь то король, съезд, собрание, комитет, президент или что-либо еще. Воля народа есть единственно важная вещь, о которой стоит беспокоиться”⁶. Прискорбно, что эти слова, судя по всему, давно преданы забвению на их исторической родине.

В современных Соединенных Штатах явно предпочитают не вспоминать и о завете Дж. Вашингтона — быть “городом на холме”, на который устремлены взоры всех тех, кто желает следовать американскому примеру, но не более того. Не сбылись и надежды Джона Квинси Адамса на то, что “Америка не пойдет за океан, чтобы отыскивать и уничтожать монстров”. Словно в насмешку над своими великими предшественниками ее сегодняшнее руководство занято именно этим.

Даже западные эксперты-международники, укоряя США за эгоцентризм, отмечают, что “американская политика является излишне жесткой, самососредоточенной, нечувствительной к интересам других”⁷. В конечном счете, это и стало одной из причин резкого тона мюнхенского заявления Путина, который твердо дал понять, что Россия была и остается великой державой со своими собственными национальными интересами, не нуждающейся в чьих-либо указаниях или понуканиях. Неумение или нежелание американских руководителей во-время осознать это может оказаться чреватым дальнейшей эскалацией напряженности в отношениях США с Россией и, как следствие, материализацией фантомов “холода” из недале-

кого и незабытого прошлого. А как показывает накопленный опыт, разругаться — легко, восстановить отношения — гораздо труднее.

Впрочем, если нынешнее ужесточение курса Соединенных Штатов на российском направлении не имеет разумного оправдания, то объяснению поддастся вполне. Прежде всего, Америка до сих пор испытывает “синдром победителя”. Выигрыш у СССР “холодной войны”, как считают в Вашингтоне, на долгие годы обеспечил США мандат на всемирное единовластие.

Само собой разумеется, что быстро привыкнув сперва к уступчивости советского руководства в лице Горбачева—Шеварднадзе, а затем к смирению российских властей, персонифицированных в тандеме Ельцин—Козырев, с ролью “младшего партнера”, США поначалу с недоумением, а затем с все более усиливающимся неприятием стали относиться к самостоятельному поведению России на международной арене, проявившемуся в курсе Путина—Лаврова на “многовекторность и твердое, но неконфронтационное отстаивание национальных интересов во внешних делах”⁸. Это неприятие усугубилось тем, что Америка не только отвыкла от необходимости поисков компромиссов, присущей временам биполярного противостояния, но и взяла за правило игнорировать собственные некогда данные обещания. Подобная тактика постоянно наблюдается последние 15 с лишним лет, начиная с нарушения Соединенными Штатами договоренностей о нерасширении сферы охвата НАТО по окончании “холодной войны”, и заканчивая отходом США от той стратегической линии, которая выразилась в свое время в договорах СНВ-1 и СНВ-2.

С другой стороны, не следует забывать о том, что XXI в. начался для Америки катастрофой: 11 сентября 2001 года стало для нее “вторым Перл-Харбором”. Неожиданно обнаружившаяся незащищенность “сердца” страны от внезапных атак террористов посеяла панику среди ее руководства и породила не только острое и законное желание возмездия, но и приступ яростной агрессивности, объектом которой, в первую очередь, стали т.н. “страны-изгои” — те, кого Вашингтон зачислил в свои “главные враги” (Ирак, Иран, КНДР и др.). Ирак без санкции Совета Безопасности ООН был вскоре разбомблен и оккупирован. Иран и КНДР постоянно подвергаются жесткому политическому и силовому прессингу.

Помимо “изгоев” был определен “второй круг” стран, которые гипотетически могут представлять опасность для США. Несмотря на подтвержденную после событий 11 сентября солидарность с Америкой в антитеррористической борьбе, в их числе оказались Россия и Китай, которые рассматриваются Вашингтоном в качестве основных глобальных соперников.

Главное концептуальное расхождение между ними — во взглядах на будущий порядок мироустройства: США, базируясь на универсальности своих принципов и интересов, нацелены на однополюсный мир под их собственным руководством, в то время как Россия и Китай выражают желание добиваться многополярности. Чтобы укоренить однополюсность и уверенно главенствовать в этой системе, Соединенные Штаты нуждаются в достижении решающего преимущества в ходе соперничества с ними. Однако в случае неуклонного и бескомпромиссного стремления каждой из сторон к реализации поставленной ею задачи потенциальный антагонизм, гнездящийся в разновекторности их целей, может легко трансформироваться в реальный. А это, в свою очередь, неизбежно приведет к изменению баланса сил и внутри “треугольника”, и на глобальном уровне.

Примечательно, что некоторые признаки такого изменения можно заметить уже сейчас. Во-первых, становится все более очевидной невозможность для Америки оказывать решающее влияние на ход мирового развития. Во-вторых, в результате неудачи военной кампании в Ираке способность Пентагона вести крупномасштабные войны в течение ближайшего десятилетия значительно ос-

лабла. В-третьих, ослабевают лидерство США в глобальной экономике, и они явно опасаются, что для выполнения функций единственной супердержавы у них при всей экономической, финансовой, технико-технологической и военной мощи просто не хватит сил.

Такие перспективы, безусловно, не устраивают американцев, хотя ретроспективный анализ дает основание предполагать, что все происходящее носит объективный характер. Ибо все государства, выступавшие когда-либо в роли мировых лидеров, неизбежно проходили через стадии подъема, расцвета и заката. И сегодня налицо характерные приметы того, что “веку Америки” может наступить естественный конец.

Понятно, что в самих Соединенных Штатах этому отчаянно сопротивляются. Продление американского “золотого века” — основная забота действующей администрации. Эта же тема, не впрямую, но опосредованно, фигурирует в качестве главной и в ходе развернувшейся в стране предвыборной борьбы за президентское кресло. Помимо установления чисто внутренних причин надвигающегося кризиса, американские политики и политтехнологи традиционно занимаются поисками ответственных за это “вовне”, за пределами США, предлагая рецепты противодействия потенциальным “виновникам сгущающихся над Америкой туч” — Китаю и России.

Грозную картину нарисовал во время очередных президентских дебатов кандидат от республиканской партии, бывший сенатор Фред Томпсон: “Мы увидим, как Китай и Россия будут наращивать военную мощь. Мы уже видим, как обе страны ведут опасную, агрессивную международную энергетическую политику. И в это время наши союзники и НАТО позволяют себе урезать оборонные расходы, которых им не хватает, даже чтобы защитить себя”⁹. Другой претендент на президентский пост от республиканцев сенатор Джон Маккейн впервые на официальном уровне признал, что создаваемая ныне в США система ПРО обладает антироссийской направленностью: “Эффективная система ПРО имеет решающее значение, чтобы защитить Америку от режимов-изгоев, подобных Северной Корее, преступных государств, например, Ирана, и чтобы подстраховаться от потенциальных угроз со стороны возможных стратегических соперников — России и Китая”¹⁰. Из демократов наиболее критично в адрес России настроен бывший сенатор от Северной Каролины Джон Эдвардс, который неоднократно подчеркивал, что ее “направление движения, хотя и имеет важнейшее значение для национальной безопасности Америки, но, к сожалению, с точки зрения США, является неверным”¹¹.

Ухудшение отношений США и России, особенно четко обозначившееся на протяжении последних трех лет, имеет и сугубо двусторонние причины. Прежде всего, “стратегическое партнерство”, продекларированное после событий 11 сентября 2001 г., реализовать фактически не удалось, поскольку не был создан соответствующий механизм взаимодействия двух стран и оно не получило правового и институционального оформления. Таким образом, не сложилась постоянная структура и для обсуждения и урегулирования целого ряда ключевых проблем, по которым у Москвы и Вашингтона имеются серьезные расхождения. В их число входят Ирак, Иран, КНДР, Косово, расширение НАТО, развертывание ПРО и др.

Кроме того, в российско-американских отношениях, в отличие от взаимоотношений США и КНР, практически отсутствует экономическая база, способная играть роль стабилизатора при обострении политических разногласий. Напротив, дестабилизирующим моментом в них де-факто остается психология взаимного ядерного устрашения, по-прежнему присущая умонастроениям некоторых политиков и политологов в обеих странах. А это, в свою очередь, влечет сохранение российско-американского военно-стратегического соперничества. Но-

вый импульс ему дает решение США о размещении объектов ПРО в Польше и Чехии. Как подчеркивает директор Института США и Канады РАН С.М. Рогов, “даже в период “холодной войны” стороны вели переговоры об ограничении гонки вооружений. Сегодня переговоры о контроле над вооружениями прекращены. Между тем гонка вооружений “без правил” возобновилась и приобрела много-сторонний характер”¹².

И, наконец, ситуация усугубляется тем, что на базе критики внутренней и внешней политики России в самих США сформировался своеобразный альянс из видных представителей обеих основных партий, что в перспективе, при определенных обстоятельствах, может способствовать переходу Соединенных Штатов к политике “сдерживания России”.

Все это наводит на мысль о том, что если новый период “холодной войны” между США и Россией пока еще не наступил, то былой оттепели в их отношениях уже нет и в помине — ее “выстудило” установление между ними “холодного мира”.

КНР — США: гонка за лидером

Семь лет, прошедшие с начала XXI в., применительно к Китаю можно охарактеризовать как этап его активного встраивания в международную экономическую систему на правах уже не объекта, но одного из ведущих субъектов мирового хозяйства и одновременно как период первых шагов на пути продвижения КНР от положения региональной супердержавы к полноценному глобальному сверхдержавному статусу. Очевидно, что в процессе превращения Китая в мировую сверхдержаву его отношения с другой и пока единственной сверхдержавой — США — остаются главными для китайской внешней политики.

В КНР получило официальное закрепление признание отношений с Соединенными Штатами “самыми важными из двусторонних отношений в мире”, которые затрагивают не только интересы обеих стран, но мир и стабильность в Азии и на глобальном уровне. Общая оценка отношений с Китаем выразилась у американского руководства в констатации их “стабильного и поступательного развития”.

На деле подобные оценки не отражают ни многочисленных нюансов во взаимоотношениях двух стран, ни тех глобальных тенденций, которые влияют на их состояние. По образному выражению “Нью-Йорк таймс”, Китай сравним с “закипающим котлом, на поверхности которого все вроде бы спокойно, но в глубине накал не ослабевает”¹³. Такое же сравнение полностью применимо и к нынешнему состоянию отношений КНР с США. Именно поэтому характеризуя “отношения сотрудничества и соперничества”, на первое место, видимо, правомернее ставить соперничество.

В них все более рельефно проявляется несоответствие между успешным развитием торгово-экономических связей и ростом взаимной подозрительности в политической и военно-стратегической областях. Обнародование в начале 2006 г. ряда внешнеполитических документов и инициатив Вашингтона свидетельствовало о том, что США намерены усиливать противовесы росту влияния Китая, особенно в тех сферах, где его действия, по мнению американцев, ущемляют их национальные и глобальные интересы.

Так, в распространенной Белым домом “Стратегии в области национальной безопасности” говорится, что “США поддерживают Китай на его пути реформ и открытости”, однако ряд направлений политики КНР вызывает у них “озабоченность”, в том числе, “продолжающийся скрытый рост китайских вооруженных сил, поддержка богатых ресурсами государств без учета ситуации внутри этих стран и их неправильного поведения на международной арене и т.п.”¹⁴.

Одним из основополагающих компонентов глобальной американской стратегии является стремление не допустить появления на мировой арене новой

сверхдержавы. Поэтому в моделях развития Китая и его концепциях переустройства мира Соединенным Штатам мерещится угроза для их собственного благополучия. Китайская модель, в отличие от американской, не предполагает неременного, а главное, незамедлительного “гибрида” рыночной экономики с системой демократии западного образца. Тем более, что перед глазами у китайцев — свежий пример России, непродуманное форсирование перехода которой от тоталитаризма к демократической модели породило правовой хаос и привело к ослаблению и криминализации государства. Китай же, не отрицая в принципе целесообразности общественной демократизации, продвигается в этом направлении постепенно, осмысленно, своим собственным путем, “нащупывает камни, переходя реку вброд”. Поэтому США опасаются, что реализация китайской модели на практике будет способствовать формированию новой структуры мироустройства и, таким образом, может поставить под вопрос их глобальное лидерство.

Китай, в свою очередь, выражает стремление добиться статуса сверхдержавы не путем антагонистического противоборства, а благодаря торговле и сотрудничеству с другими странами. С 2003 г. он начал строить свою внешнюю политику в соответствии с концепцией “мирного возвышения”, которая, по замыслу китайских теоретиков, была призвана обеспечить независимое и самостоятельное развитие страны и способствовать сохранению международного мира.

Концепция “мирного возвышения КНР” явилась плодом взаимодействия многочисленных факторов и обстоятельств развития Китая на протяжении нескольких последних десятилетий. Она базируется на особенностях национально-менталитета китайцев, согласно которому их страна, мирившаяся на определенных исторических этапах в силу тех или иных причин с временным отстранением от решающего участия в региональных и глобальных делах, не должна вечно “прозябать на вторых ролях”.

Смысл понятия “мирного возвышения” также связан у китайцев с контекстом истории взлетов и падений крупных держав, которые сопровождались, как правило, ломкой сложившегося на тот момент баланса сил. Однако, приступая к реализации этой концепции, Китай стремился убедить окружающий мир в том, что в новых условиях его экономический взлет и рост военного потенциала не будут угрозой миру и стабильности, поскольку другие страны смогут получить пользу от этого процесса: новый, более сильный Китай будет обеспечивать дополнительные возможности для их экономического развития за счет емкости своего внутреннего рынка.

Тем не менее, реализация концепции “мирного возвышения”, в конечном счете, предполагала выдвигание КНР на роль главной державы Восточной Азии, а в перспективе — постепенное достижение ею паритетных с США позиций по основным параметрам глобальной политики.

Сохраняя это в качестве своей стратегической цели, китайское руководство в 2005 г. внесло, однако, определенные коррективы в тактику продвижения к ней. Во главу угла был поставлен заимствованный из прошлого лозунг “мира и развития” в рамках внешнеполитической концепции “гармонизации международных отношений”. Фактически речь идет теперь о практических шагах по формированию многополюсной системы мира с несколькими силовыми центрами, одним из которых, по замыслу, должен стать Китай.

Таким образом, Пекин продемонстрировал готовность к более гибкому маневрированию и согласию на некоторое замедление поступи к намеченной цели. Пока он выдерживает четкую грань, отделяющую актуальные для него проблемы от, возможно, и более значимых в международном плане задач, но не входящих на нынешнем этапе в круг его первоочередных интересов, даже если вмешательство в их решение создавало бы трудности для США как потенциального

соперника. Китайская сторона, вероятно, исходит из того, что борьба против гегемонистских проявлений в американской политике, если они прямо не ущемляют интересов КНР, не является для нее приоритетной, так как может привести к преждевременному истощению сил.

В такой позиции коренится стремление избегать до определенной поры положения одного из участников глобального и всестороннего противостояния и зарезервировать роль сторонней “третьей силы”, обладающей в потенциале более широким диапазоном возможностей.

В отличие от бывшего СССР Китай не пытается распространять в мире коммунистическую идеологию и избегает вовлечения в борьбу с демократией и капитализмом. Более того, китайские лидеры полагают, что их успехи будут зависеть от того, насколько они интегрируются в современную международную систему.

Американские аналитики в целом считают, что в идеологическом плане поведение Китая определяется не столько постулатами марксизма-ленинизма, сколько идеалами китайского национализма, поэтому идеологическая борьба, которая была одним из ключевых факторов соперничества СССР и США на мировой арене, уступает место “мероприятиям по утихомириванию” такого национализма¹⁵, которые США планируют проводить по мере надобности.

Проблема заключается в том, что в отличие от других стран и регионов Китай не поддается на американские угрозы, и это главная причина страха американских политстратегов перед Пекином. Перед ними возникает дилемма, поскольку любой шаг навстречу конфронтации сдерживается и тормозится зависимостью американских компаний от Китая, который является для них крупным партнером, постоянно растущим и развивающимся рынком.

В то же время быстрый экономический рост КНР, огромное население, потребность в ресурсах, активная и энергичная внешняя политика все сильнее беспокоят сегодня США и их союзников. Безусловно, они не в восторге от перспективы “новой биполярности”, т.е. достижения Китаем статуса глобальной супердержавы и его превращения в центр силы, аналогичный бывшему СССР и настроенный антагонистически по отношению к западному миру.

В докладе за 2005 г. двухпартийного органа при американском Конгрессе — Комиссии по рассмотрению экономических вопросов и проблем безопасности в отношениях США и КНР — прямо указано, что “тенденции в американо-китайских отношениях в их общем балансе оказывают негативное влияние на долгосрочные интересы США в сферах экономики и безопасности, причем по многим позициям интересы, цели и ценности Китая не совпадают с американскими. Поэтому там, где Китай бросает вызов американским интересам, США должны реагировать с помощью разнообразных средств и подходов и настолько агрессивно, насколько это необходимо для их защиты”¹⁶.

Практический набор этих средств и подходов в арсенале США традиционен до банального. Он включает широкие пропагандистские кампании по распространению лозунга о “китайской угрозе”, обвинений в нарушении Китаем разнообразных прав (человека, интеллектуальной собственности и т.п.), в экспансии дешевых товаров, торговле оружием и пр.

Одно из самых излюбленных “средств реагирования” у США — бойкот — практикуется американцами в тех случаях, когда они считают необходимым мирным способом манифестировать свое неприятие тех или иных ситуаций или действий противостоящей им стороны. Однако злоупотребление им при некоторых обстоятельствах вполне может выглядеть как фарс. Именно так, в случае его реализации, будет смотреться августовское (2007 г.) предложение членов палаты представителей американского Конгресса — республиканки Даны Рорабахер и демократки Максин Уотерс — организовать очередной олимпийский

бойкот — на этот раз Игр 2008 г. в Пекине — в связи с ситуацией с правами человека в Китае и поддержкой Пекином режимов в Судане, Бирме и КНДР. Хотя справедливости ради следует признать, что удар по национальному престижу в результате подобной акции бывает достаточно болезненным. Вспомним в качестве примера Олимпиаду 1980 г. в Москве.

Помимо бойкотов Соединенными Штатами применяются и другие подходы, которые могут включать попытки усиления американского влияния по всему периметру сфер контроля и границ КНР, использование там, где это возможно и целесообразно, национально-этнического и религиозного факторов, а также рычагов экономического, торгового, юридического и иного воздействия.

Как упоминалось выше, все эти средства, включая бойкот, относятся к числу мирных. Перевод противостояния в военную плоскость вероятен лишь в случае возникновения действительно серьезных осложнений, связанных с проблемой Тайваня, которая пока остается самой главной причиной китайско-американской конфронтации. В США, в частности, считают, что принятый в КНР «Закон о предотвращении раскола страны», который не исключает возможности применения силы для воссоединения острова с материком, осложняет диалог между Пекином и Тайбеем и не способствует поддержанию мира и стабильности в регионе. В Пекине, напротив, заявляют, что он направлен против сепаратистской активности на Тайване и содействует стабильному и поступательному развитию отношений между берегами Тайваньского пролива.

Курс первой администрации Дж. Буша на наращивание сотрудничества с Тайванем в военной области вызывал естественное неприятие у Пекина. В частности, решение США о создании НПРО и планы развертывания ПРО ТВД Китай расценивал как непосредственную угрозу собственной национальной безопасности, так как данная система делает Тайвань недосягаемым для китайских ракет¹⁷.

Однако, начиная с 2003 г., Пекин и Вашингтон стараются координировать позиции по отношению к правительству Чэнь Шуйбяня, пытаясь сдерживать его порывы к «независимости» в целях стабилизации ситуации в Тайваньском проливе. Трудно прогнозировать, как долго будет осуществляться такая координация, поскольку следует принять во внимание, с одной стороны, вероятные грядущие изменения в правящих структурах США и Тайваня, а с другой, сохраняющуюся у Пекина решимость «не затягивая, обеспечить мирное присоединение» острова. Активизация его усилий на этом направлении может возобновиться вскоре после завершения Олимпийских игр 2008 г. Не исключено, что катализатором процесса в случае победы на них в командном зачете спортсменов КНР станет мощный подъем патриотических чувств в стране.

А пока, несмотря на растущую активность Китая в Азии, он не представляет там прямой военной угрозы для США. И хотя нынешние тенденции, связанные с военной модернизацией Китая, позволяют ему распространять зоны своих потенциальных военных операций и за пределы Тайваня, способность его к осуществлению долговременного силового воздействия за границами своей периферии является ограниченной. При этом американцы исходят из того, что КНР не заинтересована в военном решении тайваньского вопроса с учетом обширных экономических связей между островом и материком.

Согласно некоторым оценкам, соотношение ВВП США и Китая составило в 2006 г. приблизительно 1,3:1 (12,98 трлн долл. у США против 10 трлн долл. у КНР)¹⁸. Однако по показателю ВВП на душу населения КНР пока находится в середине второй сотни стран мира, значительно уступая Соединенным Штатам. Поэтому, по самым реальным прогнозам, глобальное противостояние США и Китая не наступит ранее 2030 г. Но прежде КНР должна будет решить тайваньскую проблему.

Оценивая место и роль Китая в современном мире, большинство аналитиков едины в том, что время для позиционирования КНР как претендента на мировое лидерство пока не настало. Достижению Китаем в течение ближайших 10—15 лет статуса мировой сверхдержавы могут помешать его зависимость от импорта сырья и продовольствия, отсутствие возможностей оказания военного влияния за пределами азиатского региона, влияние неравномерности развития отдельных районов КНР на политическую стабильность в стране и, наконец, реальная бедность значительной части китайского населения. Одновременно за Китаем признается право претендовать на роль доминирующей региональной державы Восточной Азии и наиболее влиятельного в геополитической плане государства на азиатском континенте.

В американском истеблишменте сформировались две позиции по вопросу будущих взаимоотношений с Китаем. Согласно первой из них, в мире, где преобладают демократические ценности, не может быть врагов, т.е. государств, стремящихся отстаивать свои взгляды силой. Поэтому вовлечение Китая в широкое международное сотрудничество на различных направлениях будет способствовать укреплению в нем тех сил, которые выступают за плюрализм внутри китайского общества, развитие демократии в стране и, в конечном итоге, обеспечат демонтаж тоталитарной системы в КНР.

Сторонники противоположной точки зрения предлагают рассматривать Китай как неизбежного соперника, в отношении которого США должны действовать так, как действовали в период “холодной войны” против СССР. В этой связи возрастает стремление американских правящих кругов помешать крупным изменениям в азиатских региональных структурах и усилить систему американских союзов в АТР, чтобы стратегически сковывать в регионе Китай. Именно поэтому США поставили в 2006 г. перед своими азиатско-тихоокеанскими партнерами — Японией и Австралией — задачу совместного “сдерживания КНР”, понижения роли китайского ядерного потенциала и препятствования расширению взаимодействия КНР и России, особенно в военно-технической и военно-политической сферах.

С другой стороны, в теоретических обоснованиях политики Китая на американском направлении также прослеживаются два различных подхода, один из которых пока остается определяющим и исходит из того, что главное внимание США сосредоточено в настоящее время на борьбе с международным терроризмом и рядом неугодных им режимов. В силу этого Пекину предлагается не ставить перед собой задачу ниспровержения существующего международного порядка, каким бы несправедливым он ни был, а, используя его положительные факторы, пытаться обеспечить его постепенную эволюцию в нужном Китае направлении. В то же время, избегая лишней ответственности по вопросам, не имеющим прямого отношения к его собственным интересам, Китаю надлежит “сконцентрировать все усилия на актуальных проблемах, приоритетных для себя, например, тайваньской и корейской”¹⁹.

Альтернативный подход сводится к тому, что “лучшие времена для КНР могут и не наступить”. Поскольку США, воспользовавшись антитеррористической операцией, уже утвердились в районах Ближнего Востока, обеспечивающих основной объем импортируемой Китаем нефти, а также продолжают укрепляться в его “стратегическом тылу” — странах Центральной Азии, интересы национальной безопасности Китая должны преобладать над интересами развития²⁰. Укоренение такой точки зрения может привести к укреплению силовых тенденций в американской политике КНР.

По мнению независимых экспертов, включая российских, в перспективе главные направления и методы китайской стратегии могут включать: 1) создание в

Восточной Азии зоны преобладающего влияния КНР с вытеснением возможных конкурентов, прежде всего США, и превращение ее в плацдарм для расширения китайского влияния в других регионах; 2) сохранение, по мере возможности, нормальных отношений с США за счет уступок на менее важных направлениях в отличие от приоритетных для Китая сфер; 3) проведение дифференцированной политики в отношении главных политических сил на Тайване и изоляцию негативного, с точки зрения Пекина, внешнего вмешательства в процессы, связанные с объединением; 4) диверсификацию сырьевой, прежде всего, энергетической политики; 5) поиск точек стратегического соприкосновения, а также форм и методов сотрудничества с развитыми и развивающимися странами помимо США.

Хочется надеяться, что те возможности для улучшения отношений и расширения сотрудничества между КНР и США, которые появились в начале века, отнюдь не исчерпаны. Эта убежденность основывается на взаимной заинтересованности сторон, прежде всего, в экономическом взаимодействии. Для КНР Соединенные Штаты — гарантия стабильного инвестиционного климата и притока современных технологий в процессе модернизации, важный рынок сбыта широкой гаммы товаров. С другой стороны, для США стабильный и предсказуемый Китай гораздо предпочтительнее, чем страна, находящаяся в экономическом кризисе и раздираемая социальными противоречиями. Возникающие между ними проблемы нуждаются, однако, в постоянном урегулировании на основе обоюдных компромиссов.

Попытки США повлиять на внутривнутриполитическую ситуацию в КНР могут дать эффект, обратный ожидаемому. Например, в случае усилий с их стороны по содействию политической либерализации на материке тайваньский вопрос скорее всего решится безболезненно. Однако в результате экономической консолидации обеих берегов пролива США могут оказаться перед лицом гораздо более грозного экономического соперника, посягающего на их место на мировых рынках. С другой стороны, полная либерализация экономики КНР еще больше усилит расслоение и гипертрофирует неравенство среди населения, что чревато мощным социальным взрывом.

Между КНР и США не исключено также обострение противоречий, связанных с самоидентификацией Китая как древнейшей мировой цивилизации, не приемлющей глобального диктата нации, история которой насчитывает всего около трех столетий. Действительно, пятитысячелетний путь Китая и тысячелетняя история России дают им право иметь собственное, отличное от взгляда “молодых” Соединенных Штатов мнение о том, как и на каких принципах строить внутреннюю жизнь своих обществ. Сложившиеся в них системы морали и ценностей являются органическим результатом пройденного ими исторического пути. Соединенным Штатам нелишне помнить об этом и учитывать в своих геостратегических выкладках.

КНР — Россия: “американский фактор” и проблема энергоресурсов

По сравнению с американо-российскими и американо-китайскими отношениями между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой развиваются в чрезвычайно благоприятной атмосфере, без заметных обострений и видимых конфликтных ситуаций. В 2006 г. Китай и Россия отметили 10-ю годовщину установления между ними отношений партнерства и стратегического взаимодействия и 5-ю годовщину подписания двустороннего Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. На протяжении последних лет стороны окончательно урегулировали пограничные проблемы и выразили общее стремление “навсегда оставаться добрыми соседями, партнерами и хорошими друзьями”.

По восходящей развиваются и крепнут политические контакты двух государств. В последние годы регулярными стали встречи высших руководителей, глав правительств и парламентариев обеих стран. РФ и КНР тесно сотрудничают в международных делах, что подтверждается их активным взаимодействием в поисках решений таких острых проблем, как корейская и иранская, борьба с терроризмом, реформирование ООН и т.п.

Растет и приобретает все более широкую практическую направленность российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество. По итогам 2006 г. Россия стала девятым по величине торговым партнером Китая, а количество проектов с участием китайских инвестиций в РФ достигло 657²¹. Объем двусторонней торговли в 2006 г. оценивался в 34 млрд долл. США.

Мероприятия в рамках национальных годов — России в Китае (2006 г.) и Китая в России (2007 г.) — стали важными событиями в жизни обеих стран и народов. Безоговорочно признавая их пользу и давая самые лестные оценки идее их проведения и организационной стороне дела, тем не менее, не следует забывать о политической подоплеке этой акции. Ведь в социально-психологическом плане и в России, и в Китае все еще проявляется порою недоверчивое и настороженное отношение друг к другу. С одной стороны, в основе такого отношения — недостаточная обоюдная информированность. Именно восполнить этот пробел (решение о реализации двусторонней акции принималось на самом высоком уровне) и должны были указанные мероприятия.

С другой стороны, однако, никакие политические инициативы “сверху”, в какую бы форму они ни облекались, будь то проведение деловых, культурных, спортивных, молодежных, женских и иных форумов, не в состоянии в одночасье выправить сохраняющийся пока дисбаланс между экономической и политической составляющими российско-китайских отношений, который реально тормозит их развитие.

В экономике, несмотря на быстрый рост взаимной торговли (в среднем — около 5 млрд долл. ежегодно на протяжении последних пяти лет), стороны пока не стабилизировались на уровне стратегически значимых партнеров. Во внешнеторговом обороте Китая торговля с Россией не превышает двух процентов. В свою очередь на Китай, по данным Федеральной таможенной службы РФ, в январе-апреле 2005 г., например, приходилось всего 5,2% российского внешнего товарооборота, а в целом за весь год — менее 10%²². В экспорте России в Китай по-прежнему преобладает сырье, а в импорте — готовые изделия. При этом даже традиционные российские экспортные товары — нефть и газ — идут в Китай пока в ограниченном объеме. Между нашими странами нет трубопроводов, поэтому нефть приходится возить по железной дороге. Понятно, что такая структура торговли совершенно не отвечает стратегическим интересам России. Не помогает даже наличие общей границы. По объему внешней торговли Китай уступает не только Евросоюзу в целом, но и отдельным его членам. Примерно так же обстоит дело и с инвестициями.

Далеко выходящие за рамки китайско-российских отношений нынешние геополитические интересы Пекина в определенной степени ограничивают диапазон поисков новых потенциальных сфер экономического взаимодействия двух стран. Наиболее привлекательным для Китая, помимо нефтегазового сектора, остается сотрудничество с Россией в военно-технической области.

В то же время Россия, остро нуждающаяся, например, в привлечении трудовых ресурсов для освоения огромных территорий Сибири и Дальнего Востока, избегает широкого использования в этих целях китайской рабочей силы. Проникновение мигрантов из Китая в приграничные районы Сибири и Дальнего Востока России, рост в них в разы потоков китайских товаров и бизнес-структур

происходят без контролирующей роли Центра, не имеющего пока ни внятной стратегии для этих регионов, ни четких установок для китайского бизнеса.

Так, на фоне совместно декларируемых партнерства, добрососедства и поисков сфер экономической взаимодополняемости в итоге все рельефнее прописывается некая ситуация, при которой политическим связям, недостаточно мотивированным экономическими интересами, присущ элемент зависимости от неустойчивости и порою непредсказуемых колебаний международной конъюнктуры, что не способствует укреплению взаимного доверия элит и широких слоев населения обеих стран. При этом опасения одной из сторон в отношении намерений другой лишь усиливают недоверие, еще более “охлаждая” и без того скромный экономический интерес.

В результате срабатывает принцип “замкнутого круга”: из-за “зауженной” экономической базы у российско-китайских отношений невольно недоиспользуются те естественные политические возможности, которые затем приходится стимулировать искусственно. А это, в свою очередь, вызывает определенную настороженность у третьей стороны — США, подозревающих Россию и Китай в сколачивании нового антиамериканского альянса.

В самом начале XXI в. в китайской политологии преобладала точка зрения, согласно которой в новых мировых условиях американский фактор в российско-китайских отношениях поменял свое наполнение и из геополитического, замыкавшегося в прошлом на соперничестве в “треугольнике” СССР—США—КНР, превратился в элемент взаимодействия. На тот момент и сразу после событий 11 сентября 2001 г. такая оценка ситуации выглядела рациональной, поскольку речь шла о взаимодействии в борьбе с общей угрозой — международным терроризмом. Однако использование Соединенными Штатами этих событий для упорного навязывания мировому сообществу себя в качестве единственного и неоспоримого мирового лидера лишило мир возможности создать новую модель международного сотрудничества держав, было однозначно расценено как потуга на укоренение однополярности и вновь развело стороны “по разным углам”. В такой ситуации американский фактор в отношениях России и Китая может по-прежнему сохранять функцию своеобразного “рычага”, используемого для достижения конкретных политических целей.

Принципиальное различие между нынешней ситуацией в “треугольнике” и периодом 1970-х—1980-х гг. заключается в том, что слабой стороной сегодня в нем является Россия, а КНР и США, в отличие от тогдашних антагонистов Китая и СССР, одновременно предстают в двуединой роли — соперников и партнеров. При определенных обстоятельствах это может расширять для России свободу геополитического маневра, поскольку противоречия между более сильными сторонами “треугольника” — США и Китаем, которые к тому же являются лидерами мировой экономики, могут проявиться масштабнее и глубже, чем противоречия каждой из этих стран с Россией. Но одновременно не исключены ситуации, при которых Вашингтон и Пекин могут “смыкаться” за “спиной” России для поиска решений актуальных для них обеих проблем.

Еще совсем недавно большей инициативностью в отношениях как с Россией, так и с Китаем, а следовательно, более широкими возможностями политического влияния в рамках “треугольника” обладали США. Однако даже в условиях относительной стабилизации глобальной ситуации изменения в мире происходят достаточно быстро. Очевидным внешнеполитическим активом Китая явилось упрочение его позиций визави Америки посредством установления особых отношений с Россией, в том числе и в военно-технической сфере. В настоящее время мировая конъюнктура сформировала такую геополитическую данность, при которой сила притяжения между Россией и Китаем превосходит силу

отталкивания. Хотя одновременно некоторые аналитики отстаивают мнение о том, что пик в двусторонних отношениях этих стран уже позади, и они вступили в полосу стагнации и последующего спада²³.

Тем не менее, стороны использовали благоприятный шанс для укрепления своих позиций в Центральной Азии, где присутствие Америки, как уже давно очевидно для всех, изначально было направлено не против талибов или бен Ладена, а против Москвы и Пекина. Инструментом такого укрепления стала резко активизировавшая свою деятельность Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

По утверждению ряда российских военных экспертов, саммит ШОС в Бишкеке в августе 2007 г. дал все основания верить в то, что эта организация “потихоньку становится очень серьезным “центром силы”, который явно противостоит геополитическим интересам США и их союзников на Востоке. А сложение экономических и военных потенциалов только двух лидеров этой организации — России и Китая — делает превосходство НАТО не таким уж явным. Тем более, что и Россия, и Китай — ядерные страны... ШОС начинает становиться “виновником” нового непредсказуемого сюжета в мировой истории. Но одно уже абсолютно ясно: если будет экономическая интеграция, будет и военная”²⁴.

Столь оптимистические прогнозы российских военных специалистов по поводу перспектив ШОС не должны, однако, уводить в сторону от реальности. А она состоит в необходимости постоянно помнить о том, что ни Россия, ни Китай не намерены превращать свои отношения в союз, тем более в военный. Это положение было многократно зафиксировано в двусторонних российско-китайских документах. Поэтому не стоит обольщаться по поводу возможности трансформации ШОС в альянс, равносильный и равноценный НАТО.

Кроме того, саммит в Бишкеке показал, что стороны по-разному смотрят на основные задачи организации. Лидер Китая, например, в своем выступлении сделал упор на экономическое сотрудничество в рамках ШОС. Президент России назвал ключевой задачей укрепление безопасности²⁵. При этом официально объявлять себя “азиатским противовесом НАТО” лидеры ШОС не стали, хотя глава МИД РФ С. Лавров заявил представителям СМИ, что Москва и Пекин едины, к примеру, в своем негативном отношении к расширению американской ПРО²⁶.

Другое дело, что в результате некоторого ослабления за последние годы влияния США в Центральной Азии, где до этого на протяжении двух десятков лет происходило их геополитическое усиление, Россия и Китай стремятся по-своему ответить на вызов гегемонизма. Но делают они это достаточно мягко, избегая прямой конфронтации, которая может повлиять на те экономические и технологические дивиденды, которые стороны получают у Запада для нужд собственного развития.

В конце 1990-х гг. стратегическое партнерство России и Китая в основном сформировалось как вызов глобальной американской гегемонии. Это было отчасти вынужденное сближение двух более слабых государств для противодействия более сильному. Однако, по мере роста их совокупной мощи и достижения декларируемой обоими многополярности роли РФ и КНР в мире вполне могут приобрести конкурентный и даже соперничающий окрас. Во многом это будет зависеть от векторов их основных политико-экономических интересов.

Для России такой вектор в обозримом будущем, вероятно, будет по-прежнему нацелен на совершенствование внутренних и внешних условий для поддержания и улучшения инвестиционного климата в стране. У Китая, как и у США, он уже сегодня ориентирован на обеспечение доступа к мировым ресурсам.

Доказано, что та расточительная модель, на которой базируется модернизация Китая, может не только обрушить его экономику, но и истощить мировые запасы ресурсов. То, что было достаточным еще недавно для удовлетворе-

ния потребностей “золотого миллиарда”, окажется в крайнем дефиците, если к “клубу потребителей” полноправно присоединится 1,3-миллиардный Китай. Занимая первое место в мире по запасам угля, он в 2007 г. стал его нетто-импортером. К 2010 г. зависимость КНР от внешнего рынка может составить: по нефти — 58%, по чугуну — 52%, по марганцу — 38%, по меди — 82%, по свинцу — 52%, по цинку — 69%, не говоря уже о древесине и природном газе. Помимо этого, климатические изменения в ближайшие 40 лет, по мнению экологов, приведут к пересыханию Янцзы, обеспечивающей жизнь 500 миллионов китайцев.

На исключительной серьезности энергетических и экологических проблем для самого Китая и его отношений с США не случайно акцентирует внимание Г. Киссинджер, который полагает, что их нерешенность “может привести к возникновению войны, аналогичной войне в начале XX века”²⁷.

США и Китай понимают свои энергетические интересы по-разному. Китай рассматривает долгосрочные соглашения о поставках энергоресурсов в качестве средства обеспечения экономического развития и финансовой стабильности. Потребности Китая в нефти с 1990 г. растут среднегодовыми темпами в 47%. Если так будет продолжаться и дальше, то к 2022 году Китаю ежедневно будет нужен 21 млн. баррелей, т.е. столько, сколько сегодня потребляют Соединенные Штаты²⁸.

Именно поэтому главным приоритетом Китая является заключение соглашений о закупках энергоресурсов со все новыми поставщиками и по ценам, зачастую выше рыночных. Кроме того, Китай нацеливается на рынки, где конкуренция не столь интенсивна. Это заставляет его заключать сделки с теми странами, режимы которых числятся у США в списке “изгоев”. Именно здесь коренятся истинные причины конфликта, потому что США стремятся к изоляции таких режимов, а Китай фактически оказывает им финансовую и экономическую поддержку.

Очевидно, что главной причиной интервенции США в Ираке явилась попытка обезопасить мир от ядерных амбиций Саддама Хусейна, а обеспечение широкого доступа американских нефтяных монополий к огромным нефтяным запасам страны, от которых они фактически были отлучены после прихода бывшего иракского диктатора к власти. Добившись перераспределения нефтяных ресурсов, США укрепили рычаги влияния на Ближнем Востоке. Китай, который является крупным импортером ближневосточной нефти, невольно оказался в зависимости от сложившейся ситуации и поначалу был вынужден считаться с американскими “правилами игры”.

В отношении иракской проблемы он прибегнул к ставшему уже традиционным принципу своей политики — “держаться в тени, ничем не проявляя себя”, мотивируя свою пассивность тем, что главная угроза миру в тот момент исходила якобы от сил международного терроризма, что и оправдывало нарушение американцами иракского суверенитета. Москва тогда заняла более решительную позицию, осудив войну против Ирака. Объединяло обе страны лишь стремление перенести решение иракской проблемы в русло политического урегулирования в рамках ООН.

Однако по мере ухудшения внутривосточной ситуации в Ираке и нарастания антиамериканской волны в регионе там резко возросли роль и влияние Ирана, превратившегося в региональную сверхдержаву. Фактически Тегеран продемонстрировал, что политическое урегулирование в Ираке невозможно без прямого иранского участия. В этих условиях в конце 2004 г. Пекин стал главным импортером иранской нефти. Кроме того, в нарушение режима санкций США против Ирана и Ливии значительные инвестиции китайских нефтяных компаний были направлены в иранский энергетический сектор. Все это удивительным образом совпало по времени с оглашением результатов президентских выборов в США, поражение в ходе которых демократа Дж. Керри отодвинуло еще на четыре

года реализацию надежд Китая на возвращение “золотого периода” в отношениях двух стран в пору последней демократической администрации.

И, наконец, 20 сентября 2005 г. в Нью-Йорке министры иностранных дел России, КНР и Индии в ходе совместной встречи выразили несогласие с намерением США передать иранское ядерное досье в Совет Безопасности ООН.

Эти маневры Китая на протяжении последних лет наглядно свидетельствуют о его прагматизме, расчетливости, экономической и политической гибкости, если речь идет об обеспечении доступа к мировым ресурсам. Поскольку наибольшим потенциалом природного газа в мире, помимо России, обладают Катар и Иран, нетрудно спрогнозировать сохранение долговременного интереса КНР к ближневосточному региону. Однако при этом Китаю придется постоянно принимать в расчет американский фактор.

Потребность в новых энергетических источниках также заставляет Китай добиваться лидирующих позиций в области эксплуатации месторождений прибрежного шельфа в Южно-Китайском море, обеспечивать доступ к ресурсам стран Центральной Азии и российского Дальнего Востока. Соперничество с США в этой сфере является частью более широкого экономического и политического противоборства двух стран.

Природные ресурсы России давно привлекают внимание и той, и другой. Поэтому в будущем борьба за них между Америкой и Китаем может обостриться. Если накопление Китаем силы и обострение противоречий в его отношениях с США выведет стороны на грань противостояния, сверхзадачей Америки станет недопущение возможности для КНР прирастить свою мощь за счет ресурсов Сибири и Дальнего Востока. А для Китая главной задачей будет получение любыми путями доступа к этим ресурсам для опережающего рывка в экономическом соперничестве с США.

В то же время с точки зрения экономической перспективы, интересы Соединенных Штатов и Китая должны гармонично сочетаться. Вместе они потребляют огромную и все время увеличивающуюся часть мировой нефти и заинтересованы в снижении цен на нее. Совмещение и синхронизация американских и китайских интересов позволит этим странам координировать противодействие спекуляции на мировых энергетических рынках и устранить сегодняшнюю несбалансированность цен на нефть. Такой “энергетический сговор”, однако, может негативно повлиять на интересы России, если снижение цен будет существенным.

Среди множества прогнозов и сценариев развития геополитической ситуации в мире в грядущие десятилетия есть такие, которые не исключают возможности альянса США и Китая за спиной России с целью облегчения доступа к ее ресурсам, как и оптимистические для нее, когда сама Россия позиционируется в роли объединяющей силы в случае возникновения, например, конфронтации на расовой или иной почве. Однако, памятуя о неблагодарности прогнозов, уместнее всего вновь сослаться на слова Г. Киссинджера, который справедливо отмечал: “Те, кто изучал историю, понимают, что нет никакого метода прогнозирования того, что случится через 20 лет. ...Нет американца, который знает [это], также как нет [такого] китайца. Однако мы не должны рассматривать другую страну в качестве своего противника... мы должны понять, что наше будущее зависит от нашего сотрудничества. Наше будущее опирается на то, сможем ли мы создать такую международную систему, которой не было прежде”²⁹.

Несмотря на то, что за три с половиной десятилетия, прошедших с момента возникновения “треугольника”, он, перестав быть субъектом конфронтации, так и не стал пока в полной мере структурой взаимодействия и сотрудничества, хочется надеяться, что при всех противоречиях, имеющихся у образующих его держав, они будут продолжать совместно находить мирные ответы на

любые вызовы и угрозы, ставя во главу угла обоюдный учет порою противоречивых и взаимоисключающих интересов каждой из сторон.

1. Бажанов Е.П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М., 2007. С. 341.
2. ТВ-программа "Постскриптум," 2.06.07.
3. Примаков Е.М. Восемь месяцев плюс... М., 2002. С. 234.
4. Российская газета-Неделя. 2007. 22 июня.
5. Там же.
6. Цит. по: Фоменко А. Американская защита // Московские новости. 2007. № 15.
7. Gaddis J.L. And Now This: Lessons from the Old Era for the New One. Oxford: The Perseus Press, 2001. P. 13.
8. Выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова на XV Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике 17 марта 2007 года. http://www.mid.ru/vgrp_4nsf.
9. <http://www.ng.ru/world/2007-08-08/7russia.html>
10. Там же.
11. Там же.
12. Рогов С.М. После войны в Ираке: крах однополярного мира // Независимое военное обозрение. С.14. (<http://nvo.ng.ru/printed7005>).
13. The New York Times, 2005. 21 November.
14. Компас // ИТАР-ТАСС. 2006. № 12. С. 17.
15. См: Бжезинский З. Великая шахматная доска. М. 2002. С. 192—193; Living with China—National Interest, Spring 2000, Issue 59. P. 5—21.
16. 2005 Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Review Commission (<http://www.uscc.gov>).
17. Strategic and Security Review // Shishi Chubanshe. 2002/2003. P. 23.
18. Российская газета-Неделя. 2007. 21 сентября.
19. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай-Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006. С. 542—544.
20. Там же.
21. Сообщение агентства "Синьхуа" от 26.12.06.
22. <http://www.ng.ru/ideas/2005-06-28/11kitai.html>
23. Это утверждение содержалось в докладе одного из японских политологов на 5-й ежегодной российско-японской конференции "Развитие и стабильность в Северо-Восточной Азии", состоявшейся в МГИМО (У) МИД РФ 20 сентября 2007 г.
24. <http://www.kr.ru/daily/23951/71653/print/>
25. <http://www.ng.ru/printed/81288>
26. <http://gzt.ru/print.php?p=politics/2007/08/16/220020.html>
27. "Жэньминь жибао" он-лайн, 04.04.07.
28. <http://www.mezhdunarodnik.ru/digest/569.html>
29. "Жэньминь жибао" он-лайн, 04.04.07.

Влияние фактора энергетической безопасности на формирование и перспективу внешнеполитического курса КНР в Центральной Азии

© 2007

А. Нагиев

Энергетика является одной из базовых отраслей мировой экономики, а ее интернационализация привела к тому, что многие вопросы энергетической безопасности стали важным фактором, влияющим на всю систему современных международных отношений.

После первого энергетического кризиса середины 1970-х гг. и его рецидивов в начале 1980-х и 1990-х гг. стало очевидным, что энергетический фактор начал играть в международных отношениях не меньшую роль, чем военный и иные традиционные факторы влияния, а различные сочетания и комбинации интересов по обеспечению энергетической безопасности лидирующих стран и поиск их баланса в немалой степени будут определять глобальную политику в начале нынешнего столетия. В частности, в современных международных отношениях принципиальное значение приобретает энергетическое соперничество и сотрудничество КНР с основными акторами международной политики. По прогнозам аналитиков, к 2010 г. потребление Китаем энергоресурсов сравняется с объемом общего потребления стран Западной Европы, что коренным образом изменит ситуацию и крайне обострит конкуренцию на мировом энергетическом рынке.

Подобные прогнозы весьма реальны, поскольку, благодаря экономическим реформам, Китай на сегодняшний день превращается в одну из лидирующих индустриальных стран мира. По показателю абсолютной экономической мощи КНР занимает третье место в мире, уступая лишь США и Японии. Экономический рост Китая в 2006 г. составил 10,7% и в последующие годы, как ожидается, будет одним из самых высоких в мире. Китай, по единодушному мнению ряда авторитетных экономистов, финансовых и политических аналитиков, станет ведущим двигателем мировой экономики в будущем.

Однако реализация амбиций политического руководства КНР по превращению Китая в мировую индустриальную державу зависит во многом от того, удастся ли ему справиться с вызовами по обеспечению страны энергией. По потреблению энергии КНР вышла на второе место в мире, уступая лишь США, в то же время с 1993 г. КНР является нетто—импортером нефти. В перспективе нефтегазовый сектор Китая вряд ли будет удовлетворять потребности бурно развивающейся экономики, и в ближайшем будущем страна будет вынуждена импортировать нефть и природный газ во все возрастающих количествах. Руководство Китая ясно осознает, что решение проблемы обеспечения надежными источни-

ками и поставками энергоресурсов является необходимым условием сохранения высоких темпов экономического роста, а следовательно, гарантией социально-экономической и политической стабильности страны и превращения Китая в одного из лидеров мировой политики и экономики. Поэтому для руководства Китая одной из основополагающих государственных задач является проблема обеспечения энергетической безопасности страны. Очевидно, что решение данной задачи во многом определит шаги, предпринимаемые Китаем во внутренней и внешней политике в грядущие десятилетия.

Как отмечается специалистами-международниками, изучение формирования внешней политики Китая в силу закрытого характера механизма выработки решений в области национальной безопасности в КНР нуждается в дополнительных методах по сравнению с традиционными подходами при исследовании внешней политики государств¹. Рассматривать формирование приоритетов и векторов “энергетической экспансии” КНР следует исходя не только из экономической целесообразности, но и из геополитических интересов страны, поскольку обеспечение энергетической безопасности страны является как объектом, так и субъектом основной стратегической цели Китая — превращения, как минимум, в региональную “сверхдержаву” и, как максимум, в один из полюсов в новом многополюсном миропорядке.

Как известно, важным политическим инструментом для реализации экономических реформ КНР является политика “выхода за пределы” — “цзоучуцзюй”, проводимая с начала 1999 г. Поэтому внешнеполитическую стратегию и приоритеты энергетической дипломатии Китая, являющиеся составной частью реформ, правомерно проанализировать в контексте политики “цзоучуцзюй”.

Стратегические задачи “цзоучуцзюй” и направления китайских инвестиций за рубежом были определены тогдашним Премьером Госсовета КНР Чжу Жунцзи в выступлении на 5-й сессии ВСНП 5 марта 2002 г. Было отмечено, что “необходимо поощрять и поддерживать отечественные предприятия всех форм собственности в инвестировании за рубеж, но особенно в странах ближнего зарубежья. Следует наладить импорт передовых технологий, ключевого оборудования, дефицитного сырья и материалов и тем самым диверсифицировать импорт важных для Китая стратегических ресурсов”. Под ближнем зарубежьем в Китае традиционно понимаются регионы АТР, Центральная Азия и Россия. Выбор данных стран в качестве приоритетных для зарубежных инвестиций обусловлен и полностью соответствует геостратегическим интересам и устремлениям китайского государства. Пекин рассчитывает, что политика активной финансовой и экономической экспансии, превращение Китая в главного инвестора и торгового партнера этих стран позволят ему создать благоприятное для страны международное окружение и в дальнейшем — условия для усиления его влияния в этих регионах.

Наиболее перспективным направлением энергетической дипломатии КНР многие эксперты в Китае считают нефтедобывающие страны Центральной Азии. Поскольку, “центрально-азиатские государства обладают богатыми нефтегазовыми ресурсами, являются дружественно настроенными соседями и обладают относительной политической стабильностью, поэтому, с точки зрения долгосрочной перспективы, центр тяжести должен находиться здесь”².

Интересы Китая в Центральной Азии определяются рядом факторов. Во-первых, Пекин стремится обеспечить политическую и социальную стабильность в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, тесно связанном с этим регионом; во-вторых, иметь ЦА в качестве стабильного в стратегическом плане тыла; в-третьих, Китай рассматривает республики региона в качестве весьма серьезных потенциальных поставщиков энергоресурсов и важных торговых партнеров.

Привлекательность “центральноазиатского вектора” энергетической стратегии КНР определяется следующими обстоятельствами:

- взаимодополняемость интересов — странам Центральной Азии необходимы инвестиции для освоения нефтегазовых ресурсов и рынки сбыта, а Китай нуждается в диверсификации источников энергии;

- наличие общих границ позволяет транспортировать нефтегазовые ресурсы без посредников.

- содействие программе развития западных регионов КНР;

- обеспечение мирного окружения и расширение влияния на страны Центральной Азии и даже Южного Кавказа, что немаловажно с точки зрения перспективных геополитических целей Пекина.

Однако существуют ограничения, препятствующие полномасштабному развитию сотрудничества в области энергетики:

Во-первых, неразвитость системы экспортных трубопроводных магистралей, которые требуют крупных инвестиций и начнут эксплуатироваться через 7—10 лет.

Во-вторых, возможность столкновения КНР с ведущими ТНК за энергоносители Каспия, объявленные зоной интересов Запада и США.

В-третьих, очевидно, что расширение влияния Китая на страны Центральной Азии является причиной естественного беспокойства России и в будущем возможно активное противодействие с ее стороны.

В-четвертых, разведанные (доказанные) запасы нефти Каспийского региона относительно невелики и оцениваются экспертами в 2%—2,6% от мировых запасов. Несмотря на постоянное увеличение производства нефти в Каспийском регионе, они объективно не смогут стать альтернативой экспортерам стран ОПЕК и России. Из-за роста собственных потребностей в сырье прикаспийские государства не смогут стать крупными нефтеэкспортерами. По оптимистическим прогнозам только к 2020 г. Казахстан сможет добывать 145 млн тонн и экспортировать — 78 млн тонн, Азербайджан — 105 млн и 81,1 млн, Туркменистан — 11 млн и 3 млн нефти соответственно.³

Однако с позиции средне- и долгосрочной перспективы важность Прикаспийского региона для обеспечения энергетической безопасности Китая может резко возрасти. В том случае, если Китаю удастся реализовать программу по развитию “западных территорий”, которые непосредственно граничат с Центральной Азией, и эти территории КНР “догонят” в своем развитии развитые приморские регионы страны, то приоритетность Центральной Азии в геостратегических планах КНР может сравниться с Азиатско-Тихоокеанским регионом.

Основной упор КНР в энергетическом сотрудничестве со странами Центральной Азии делает на Казахстан, который, по-видимому, рассматривается в Пекине в качестве плацдарма для дальнейшей экспансии в регионе.

Китайско-казахстанское энергетическое сотрудничество

В настоящее время Китайская национальная нефтегазовая корпорация (КННК) ведет добычу нефти в Казахстане на двух месторождениях: Жанажол и Кенкияк. В 2004 г. КННК приобрела 85% акций Актюбинской нефтегазовой компании Казахстана, и в том же году было подписано “Соглашение о расширении инвестиционной деятельности Китайской национальной нефтегазовой корпорации в Казахстане”, закрепляющее приобретение КННК госпакета акций АО “КННК—АктобеМунайГаз”.

В 2005 г. КННК совершила покупку компании “Петроказахстан” — крупнейшего производителя нефти Казахстана за 4,18 млрд долл. США.

Китайская национальная шельфовая компания выкупила за 615 млн долл. право на разработку месторождения “Кашаган”. Добыча на месторождении начата в 2005 г.

В октябре 2006 г. китайская государственная инвестиционная компания China International Trust & Investment Corp. (CITIC) договорилась о покупке активов канадской Nations Energy, что даст китайской стороне возможность получить права на разработку крупного нефтяного месторождения в Казахстане “Каражанбаса”. Таким образом, сделка обеспечит Китаю контроль над 30% нефтяных запасов Казахстана. В настоящее время условия этой сделки изучаются казахстанским правительством⁴.

С 2002 г. начал функционировать нефтепровод Кенкияк — Атырау. Стороны совместно построили на территории Казахстана 448 км нефтепровода.

16 декабря 2005 г. завершено строительство экспортного трубопровода Западный Казахстан—Китай. В строительство всех участков нефтепровода китайская и казахстанская стороны вложили 3 млрд долл. Казахская часть трубопровода “Ақтау—Кумколь” составила 2800 км, китайская часть “Дружба—Карамай” — 240 км (по территории СУАР). Проектная пропускная способность трубы составляет 20 млн тонн нефти в год. Первая очередь проекта предусматривает передачу 10 млн тонн нефти в год. В случае, если загрузка нефтепровода будет не менее 20 млн тонн нефти в год, трубопровод может быть продлен еще на 2000 км до промышленно развитых регионов прибрежного Китая. Общая длина нефтепровода “Атасу — Алашанькоу”, таким образом, составит около 5000 км при стоимости 6 млрд долларов и гарантированной пропускной способности 20 млн тонн в год (максимальная 50 млн т). Проект пользуется поддержкой со стороны правительств Казахстана и Китая. К очевидным преимуществам проекта можно отнести отсутствие риска транзитных стран, низкий уровень политических, экономических и экологических рисков. В то же время специалисты указывают на очевидные недостатки проекта: большую протяженность, отсутствие развитой внутренней сети, соединяющей СУАР и восточные районы Китая, низкое качество углеводородов, опасность недостатка нефти. Казахстан пока не может обеспечить требуемый объем нефти для поставок в Китай. Достижение требуемых объемов возможно при значительном росте объемов добычи нефти в Западном и Центральном Казахстане. В 2005 г. КННК приняла решение приступить к прокладке китайского участка нефтепровода “Дружба — Карамай”, по которому можно будет ежегодно импортировать из Казахстана от 10 до 15 млн тонн нефти. Для переработки импортной нефти из Казахстана в 2006 году мощность нефтеперерабатывающего завода в зоне Душаньцзы (СУАР) увеличится с 6 млн тонн до 10 млн тонн в год, мощность завода по производству этилена будет — до отметки свыше 1 млн тонн в год. Кроме того, КННК также намерена проложить два трубопровода, которые соответственно будут поставлять нефтепродукты и сырую нефть из Карамая во внутренние районы Китая.

КННК 5 октября 2005 г. был введен в эксплуатацию газопровод, который соединил нефтяное месторождение, расположенное в Актюбинской обл. Казахстана, и международный газопровод “Бахара—Урал”, что дало возможность доступа на международный рынок через территорию России. Протяженность газопровода составляет более 150 км, проектная пропускная способность — 5,2 млрд куб. м газа.

Китайско-туркменистанское энергетическое сотрудничество

В апреле 2006 г. в ходе визита президента Туркменистана в Китай был обсужден проект строительства газопровода “Туркменистан—Казахстан—Ки-

тай” и заключено соглашение между КННК и правительством Туркменистана о поставках в Китай 45—50 млрд куб. м газа в год к 2009 г., а в последующем Китай будет ежегодно на протяжении 30 лет закупать у Туркмении 30 млрд куб. м природного газа⁵.

КННК участвует в двух совместных проектах с государственной компанией “Туркменнефть” по разработке нефтяного месторождения “Гумдаг”, а также месторождений на шельфе Каспийского моря. Всего на территории Туркменистана в нефтегазовой отрасли работают 20 предприятий с участием китайского капитала. Проведены работы на 115 скважинах на общую сумму 40 млн долл.

Китайско-азербайджанское энергетическое сотрудничество

В настоящее время Китай определил свою позицию по отношению к региону Южного Кавказа и, в частности, к Азербайджану. Согласно новой редакции внешнеполитической концепции КНР, Азербайджан рассматривается в едином блоке со странами Центральной Азии и, следовательно, попадает в сферу приоритетных для Китая стран для развития отношений. Решение руководства Китая не санкционировать участия китайских нефтяных компаний в “контракте века” в 1994 г. было признано ошибочным и недальновидным, и для исправления положения принимаются необходимые меры. Китайская сторона рассматривает углеводородные ресурсы Азербайджана как весьма перспективный источник. Пассивность Китая при формировании в 1994 г. международного консорциума по разработке месторождений азербайджанского сектора Каспия обуславливалась политической нестабильностью в регионе на тот период и нежеланием ухудшения отношений с Россией.

Осторожность китайских компаний по расширению инвестирования в перспективные месторождения азербайджанского шельфа Каспия объясняется неурегулированностью правового статуса Каспия, недостаточной изученностью месторождений китайскими специалистами и, соответственно, опасениями высоких рисков возврата капиталовложений. Поэтому в настоящее время китайские нефтяные компании приобретают в Азербайджане старые, уже разработанные месторождения, либо перекупают у членов международного консорциума акции месторождений с подтвержденными запасами нефти.

В частности, наибольшую активность в Азербайджане развила Китайская национальная нефтяная компания (CNPC). CNPC владеет 50-процентным долевым участием в операционной компании Salyan Oil (контрактная площадь “Кюрсанги”—“Гарабаглы”), общий объем инвестиций в проект 125 млн долл. Кроме того, компания имеет 62,83% долевого участия в Gobustan Operating Company (“Юго-Западный Гобустан”), объем инвестиций в проект оценивается в 200 млн долл. Успешно работают в Азербайджане и такие крупные нефтяные компании КНР, как “Шен Ли”, которая заключила контракт с Госнефтекомпанией Азербайджана на разработку он-шорных месторождений “Пирсаат” и “Гарачухур” по долевному участию по схеме 75% на 25%. В целом, в освоение месторождений будут вложены инвестиции на сумму почти 220 млн долл.

Общий объем инвестиций китайских компаний в нефтяные проекты в Азербайджане достиг 425 млн долл.

С 2000 г. реализуется договоренность между Азербайджанской Нефтяной академией и головной Нефтяной академией КНР, в рамках которого ежегодно 180 студентов и аспирантов из Китая проходят профессиональную подготовку в специализированных учебных заведениях г. Баку.

Важной структурой для продвижения энергетической дипломатии Китая в регионе является ШОС. Она стала для Китая механизмом обеспечения безопасно-

сти, каналом для всесторонних связей со странами Центральной Азии. Необходимо отметить, что региональное экономическое сотрудничество и, в частности, сотрудничество в энергетическом секторе и обеспечение безопасности транспортировки углеводородов являются актуальными задачами данной организации.

Тесные политические контакты КНР со странами Центральной Азии создали весьма благоприятные условия для успешного проведения энергетической стратегии в регионе. Однако, вместе с тем, по мнению политолога В. Галямовой, в краткосрочной и среднесрочной перспективе не стоит ожидать активизации наступательной тактики энергетической дипломатии КНР в Центральной Азии. КНР не стремится форсировать свою экономическую деятельность и политическое влияние в регионе, исходя из долгосрочной стратегии по защите своей военно-политической и энергетической безопасности. Повышенная активность в ЦА, по мнению Пекина, сможет спровоцировать формирование неблагоприятного внешнего окружения и тем самым создаст вокруг КНР обстановку, в которой дальнейший рост страны окажется в значительной степени затрудненным. Особенностью энергетической дипломатии Китая в регионе на современном этапе является то, что, с одной стороны, он стремится расширить свои контакты и подспудно свое влияние в регионе, а с другой, китайское руководство не желало бы вызвать нежелательные опасения и противодействие как со стороны России, так и со стороны своих западных конкурентов. Такая "осторожность и постепенность" в энергетической дипломатии КНР обоснована. Так, например, попытка Sinopet и CNOOC приобрести доли британской BG в проекте по освоению морского месторождения "Кашаган" в Казахстане столкнулась с активным противодействием со стороны западных компаний и была в итоге в 2005 г. заблокирована иностранными акционерами консорциума. Расширение диапазона активности энергетической дипломатии КНР в Центральной Азии будет происходить по мере роста комплексной стратегической мощи страны⁶.

Таким образом, можно констатировать, что активизация энергетической дипломатии Китая в Центральной Азии отвечает геостратегическим интересам страны и является важным элементом в обеспечении ее энергетической безопасности. Более того, в случае успеха своей стратегии в Центральной Азии, Китай сможет выйти к Каспийскому морю, а затем в Персидский залив и связать сухопутными транспортными коммуникациями и системой нефте- и газопроводов страны Дальнего Востока и ЮВА с Ближним и Средним Востоком. В этом случае Китай возьмет под контроль энергораспределение в жизненно важных для него регионах.

-
1. Воскресенский В.Д., Лузянин С. Г. Китайский и российский факторы в ЦА: традиционные вызовы и новые возможности // Восток. 2003. № 3. С. 95.
 2. Синьхуа, 3 апр. 2006 г.
 3. Halbach U. Persischer Golf, Kaspisches Meer und Kaukasus // SWP—Studie. Berlin, 2001. Februar. S. 29—30.
 4. Европе кажется, что в казахском ТЭК — слишком много Китая // Интерфакс-Казахстан. 1 дек. 2006 г.
 5. РИА "Новости", 4 апр. 2006 г.
 6. Жизнин С. Основы энергетической дипломатии. МГИМО(у) МИД России, 2003. Т. 1. С. 313.

Российский Дальний Восток

Российское Дальневосточье и АТР: внешнеторговый аспект*

© 2007

Е. Деваева, Т. Котова

В условиях прогрессирующей глобализации мировой экономики и формирования центров экономической активности на региональном и субрегиональном уровнях для России важно определить приоритетные направления своей дальнейшей интеграции в мировое хозяйство.

Длительное время экономические связи России ориентировались на европейские страны. Сейчас на европейском направлении (ЕС-25) сконцентрировано свыше 52% ее внешнеторгового оборота.

На сегодня в силу проблем, складывающихся в отношениях России с отдельными государствами СНГ, неясными остаются перспективы совершенствования интеграционных процессов со странами ближнего зарубежья.

Одно из альтернативных направлений включения России в международную экономическую кооперацию и эффективного использования ее преимуществ в системе международного разделения труда — расширение экономического взаимодействия со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР)¹. Его привлекательность для России состоит, во-первых, в приверженности большей части стран АТР принципу "открытого" регионализма; во-вторых, для этих стран характерны значительные перепады в уровнях социально-экономического

Деваева Елена Ибрагимовна, кандидат экономических наук, зав. отделом международных экономических взаимодействий ИЭИ ДВО РАН, г. Хабаровск

Котова Татьяна Евгеньевна, старший лаборант-исследователь отдела международных экономических взаимодействий ИЭИ ДВО РАН, г. Хабаровск

* Статья подготовлена при поддержке гранта ДВО РАН "Исследование пространственного распределения эффектов от вступления РФ в ВТО: внешнеторговый аспект" (проект № 06-III-A-10-429), гранта РГНФ, поддержанного Региональным экспертным советом "Оценка вероятных реакций внешнеторговых и инвестиционных взаимодействий Дальнего Востока России со странами АТР на предстоящее присоединение России к ВТО", гранта РГНФ "Исследование существующей и прогнозируемой кооперации и конкуренции природно-ресурсных секторов экономики Восточной Азии и Дальнего Востока России под влиянием долгосрочной трансформации факторов потребления и производства" (№ 070288202а/Т).

развития, многообразные подходы к целям и методам экономической интеграции; в-третьих, в рамках АТР большую роль играют разного рода субрегиональные структуры экономического сотрудничества; в-четвертых, масштабное и динамичное развитие экономического взаимодействия России со странами региона, прежде всего, в субрегионе Северо-Восточной Азии (СВА) может иметь определяющее значение в плане усиления ее геополитических позиций в АТР.

Вступив на исходе минувшего века в организацию Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Россия сделала важный шаг к более тесному взаимодействию со странами АТР. С того момента ее экономические связи в рамках тихоокеанского бассейна заметно активизировались. Среднегодовой рост товарооборота РФ со странами АТЭС в 1999-2006 гг. достиг 21,0% (аналогичный показатель за 1992-1998 гг. составлял лишь 4,0%).

Совокупная доля стран АТЭС в товарообороте России в 2006 г. достигла 17,2%, тогда как в середине 80-х гг. соответствующий показатель СССР был на уровне 10%.

В силу объективных причин ключевые позиции в экономических взаимосвязях России с отдельными странами и группировками в АТР традиционно принадлежат регионам ее азиатской части². На их долю сейчас приходится 59,2% российского экспорта в страны АТЭС и 22,1% импорта (табл. 1). Наиболее ощутим вклад Сибири и Дальневосточья.

Таблица 1.

Роль регионов азиатской части РФ во внешней торговле России с отдельными региональными группировками, 2006 г., %

Группировка стран	Экспорт	Импорт	Оборот
ЕС-25	6,4	3,2	5,6
СНГ	8,4	9,8	8,9
АТЭС	59,2	22,1	40,0
АСЕАН	60,0	5,3	27,7
Страны СВА всего, в т.ч.:	75,3	25,0	48,5
Китай	70,4	23,4	49,7
Республика Корея	71,4	26,9	39,0
Япония	91,3	25,6	50,0
КНДР	94,8	97,3	94,9
Монголия	94,9	99,8	95,2

Расчитано на основе данных ФТС РФ.

В свою очередь, странам СВА принадлежит исключительно важная роль в формировании внешней торговли Дальневосточного федерального округа (ДФО) (рис. 1). В 2006 г. она превышала 73%, что в 2,5 раза больше аналогичного показателя Сибирского федерального округа (СФО) и почти семикратно — России в целом.

Высокую степень предпочтений внешнеторговых связей российского Дальневосточья в отношении стран СВА подтверждает сравнительная оценка географической направленности внешней торговли с учетом относительной интенсивности товарных потоков (на основе коэффициентов относительных предпочтений)³ (табл. 2).

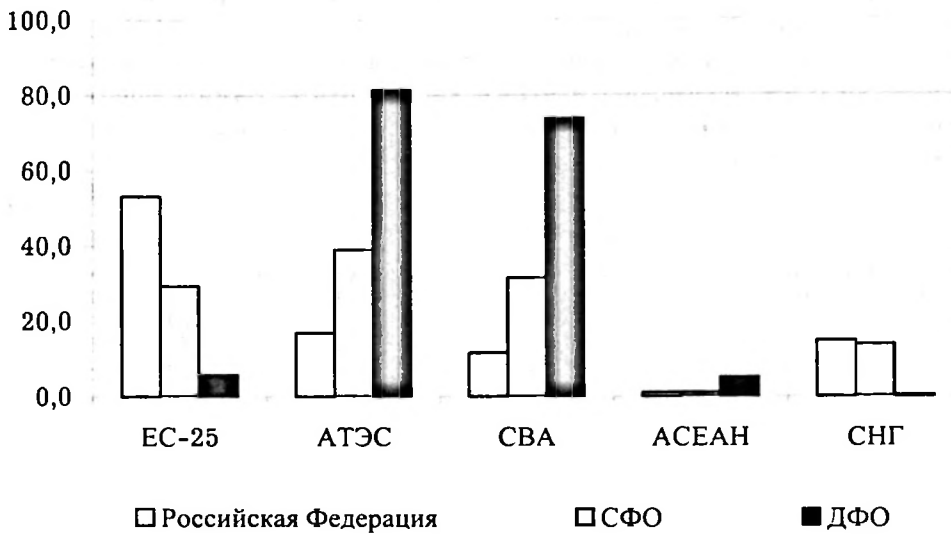

Рисунок 1. Доля отдельных региональных группировок во внешнеторговом обороте России и ее восточных регионов, 2006 г., %

Таблица 2.

Коэффициенты относительного предпочтения внешнеторговых связей России и ее восточных регионов.

Территория	ЕС-25	АТЭС	СВА	АСЕАН	СНГ
Россия	1,98	0,51	1,15	0,38	31,59
СФО	0,86	0,94	2,80	0,24	30,13
ДФО	0,28	2,74	8,94	0,79	1,11

Рассчитано на основе данных ФТС РФ, International Trade Center UNCTAD/WTO (www.intracen.org)

Столь ярко выраженная географическая ориентация торговых потоков Дальневосточья обусловлена, с одной стороны, емкими и расширяющимися рынками сопредельных стран СВА, структурно открытыми экономическому (прежде всего, ресурсному, транспортно-транзитному, инвестиционному) потенциалу дальневосточного региона России. С другой стороны — преимуществами его экономико-географического положения, наличием эффективных природных ресурсов (энергетических, лесных, рыбных, минерально-сырьевых).

В структуре экспорта Дальневосточья в страны СВА традиционно преобладает продукция ресурсных отраслей: топливно-энергетического комплекса (ТЭК) — 44,6%, лесной и рыбной — соответственно — 21,9% и 19,6%. На Дальневосточье приходится 43% российского экспорта лесотоваров в страны СВА, 45% — твердого топлива, 60% — нефтепродуктов, 97% рыбы и морепродуктов. Россия занимает устойчивые позиции в импорте странами СВА ряда видов продукции — прежде всего, деловой древесины, рыбы и морепродуктов, нефтепродуктов (табл. 3).

Китайское направление остается для России основным. Сохранение высоких темпов роста китайской экономики сулит повышение доли КНР во внешней торговле Дальневосто́чья. Анализ развития российско-китайского экономического сотрудничества за последнее десятилетие показал, что стратегия продвижения Китая в экономику Дальнего Востока носит системный характер и отличается гибкостью. В нем выделяются три основных направления.

Таблица 3.

Доля отдельных видов российской продукции в импорте стран СВА, %

Товарная позиция	Китай	Япония	Респ. Корея	Монголия	КНДР	СВА, всего
Продукция ТЭК	10,2 / 1,5	1,5 / 1,1	1,4 / 0,7	84,3 / 0,2	30,0 / 18,4	3,8 / 1,2
уголь	4,1 / 0,6	6,5 / 2,1	4,4 / 1,9	40,0 / -	83,5 / 0,0	6,0 / 1,9
нефть	10,4 / -	0,9 / 0,8	1,0 / 0,1	- / -	- / -	3,6 / 0,4
нефтепродукты	14,5 / 9,2	3,1 / 2,9	3,8 / 3,5	84,7 / 0,2	65,2 / 54,6	8,3 / 5,5
Черные и цветные металлы и изделия из них	4,2 / 0,5	6,9 / 0,1	6,5 / 1,5	35,0 / 0,2	2,8 / 0,4	5,5 / 0,7
лом и отходы	2,4 / 1,1	1,0 / 1,0	13,4 / 10,1	100,0 / -	0,6 / 0,6	5,2 / 3,6
Древесина и изделия из нее	31,4 / 11,9	6,8 / 3,1	8,5 / 7,1	30,4 / -	21,0 / 20,6	14,6 / 6,2
деловая древесина	50,0 / 19,8	27,3 / 17,0	21,3 / 18,4	67,1 / -	87,3 / 87,3	39,6 / 18,8
Рыба и морепродукты	38,0 / 35,3	9,3 / 9,3	13,5 / 13,5	- / -	- / -	14,7 / 14,2
рыба мороженая	48,3 / 44,7	13,0 / 13,0	25,7 / 25,6	- / -	- / -	25,9 / 24,7
ракообразные и моллюски	5,4 / 5,4	14,3 / 12,9	10,4 / 10,4	- / -	- / -	12,9 / 11,8

Примечание: в числителе — доля российской продукции в импорте стран СВА в 2005 г. Рассчитана на основе данных International Trade Center UNCTAD/WTO. В знаменателе — доля продукции российского Дальнего Востока в импорте стран СВА в 2005 г. Рассчитана на основе данных ДВТУ ФТС РФ, International Trade Center UNCTAD/WTO.

Источник: данные ФТС РФ, International Trade Center UNCTAD/WTO (<http://www.intracen.org>)

Первое — энергетический вектор. Торговля энергетическими ресурсами и реализация совместных проектов, связанных со строительством производственной инфраструктуры, — стратегически важная сфера экономического сотрудничества РФ с Китаем. Китай ныне является вторым крупнейшим в мире (после США) импортером нефти, его компании проводят наступательный курс на обеспечение доступа к нефтяным месторождениям по всему миру, стремясь к диверсификации источников получения углеводородного сырья.

По оценкам International Energy Agency (IEA), к 2030 г. Китай будет потреблять около 10 млн баррелей импортной нефти в день. Возрастающим спросом в Китае будет пользоваться и природный газ ввиду намерения повысить его долю в структуре энергопотребления.

Нефтяной дисбаланс Китая и его стремление к диверсификации импорта нефтяного сырья и к качественной оптимизации структуры использования топливно-энергетических ресурсов — все это открывает объективные перспективы

для масштабных поставок в КНР российской нефти, нефтепродуктов и природного газа (прежде всего — с месторождений Восточной Сибири и Дальнего Востока). Наряду с этим имеются возможности наращивания объемов экспорта в КНР электроэнергии с действующих и вновь строящихся электростанций Объединенной энергосистемы Востока.

Таблица 4

Товарная структура экспорта Дальнего Востока России в разрезе отдельных стран СВА, 2006 г., в млн долл.

Товарные группы	Китай	Респ. Корея	Япония	КНДР	Монголия	СВА, всего
Экспорт, всего	2566,1	1184,9	1614,9	29,1	2,1	5397,0
Машины, оборудование, транспортные средства	45,7	98,4	13,4	0,4	1,0	158,8
Топливо, минеральное сырье, металлы, в т. ч.:	1369,3	452,7	1024,8	25,0	0,2	2872,0
уголь	4,2	91,5	292,6	-	-	388,3
нефть	-	49,7	573,9	-	-	623,5
нефтепродукты	1122,1	115,0	131,7	24,6	-	1393,4
черные металлы и изделия из них	188,0	195,2	4,5	0,2	0,2	388,1
цветные металлы и изделия из них	11,5	1,2	19,3	0,0	-	32,1
Продукция химической промышленности	15,9	9,4	13,7	0,1	0,1	39,3
Строительные материалы	1,5	0,0	0,0	-	-	1,5
Сырье и продукция его переработки, в т.ч.:	710,5	135,2	332,1	3,5	-	1181,3
лесоматериалы	707,6	135,2	332,1	3,4	-	1178,4
Пищевкусовые товары, в т.ч.	359,2	486,5	230,5	0,0	0,8	1077,0
рыба и морепродукты	344,6	485,1	229,2	-	-	1058,9
Промышленные товары народного потребления	1,7	1,3	0,4	0,0	-	3,5
Прочие	62,3	1,4	0,0	0,1	0,0	63,6

Второе направление сотрудничества связано с увеличением поставок на китайский рынок дальневосточных лесных ресурсов. Китай ныне — один из крупнейших в мире импортеров древесины. Сопредельность китайского рынка делает его более выгодным по транспортным расходам, чем японский и южно-

корейский. КНР интересуется более широким спектром сортиментов древесины, закупая, в частности, древесину лиственных пород, цены на которые в среднем в 1,5—2,5 раза выше, чем на хвойную⁴.

Третье направление вызвано наращиванием китайского экспорта на рынок Дальнего Востока. Китай занимает свою нишу в международном разделении труда — крупномасштабное производство дешевых потребительских товаров. Однако для поддержания объемов экспорта необходим выход на внешние рынки с более технологичными товарами. Вступление Китая в ВТО создало для этого реальные предпосылки. Китай превращается в одного из крупнейших экспортеров продукции глубокой степени переработки, что повысит его выход на рынок азиатской части России.

Перспективы экономического сотрудничества российского Дальневосточья с Японией и Республикой Корея основаны на их заинтересованности в широком доступе к его природным ресурсам, прежде всего энергетическим, лесным и рыбным, доля которых в структуре их рынков поддерживается на стабильно высоком уровне (см. табл. 4).

Собственное производство природных топливно-энергетических ресурсов характеризуется в Японии символическими величинами сравнительно с масштабами потребления. Зависимость ее от импорта угля и сырой нефти превышает 99%, а природного газа — 96% потребления. Заинтересованность в развитии сотрудничества с российским Дальневосточьем в энергетической сфере усугубляется политической нестабильностью в ближневосточном регионе, стремлением повысить надежность энергообеспечения путем диверсификации как географии источников импорта энергоносителей, так и их видов (т.е. растущим потреблением природного газа).

Впрочем, несмотря на наметившуюся в последние годы тенденцию замещения нефти природным газом, ее доля в потреблении Японии, согласно прогнозу Агентства природных ресурсов и энергетики страны, будет составлять примерно 45%. Надежный канал получения энергоресурсов открывает для Японии успешная реализация сахалинских шельфовых проектов “Сахалин-1” и “Сахалин-2”, по которым она станет импортировать нефть и газ напрямую.

Япония также является одним из ключевых игроков на мировом угольном рынке. Сейчас в эту страну направляется 24,5% мировых экспортных потоков угля. В 2005 г. его импорт в Японию составил 13,7 млрд долл.⁵ В структуре импортируемого ею угля преобладают энергетические угли (свыше 55%). Растущая стоимость его транспортировки вынуждает японских производителей электроэнергии искать более близких поставщиков, что сулит возможности увеличения импорта энергетического угля из России.

Японская экономика испытывает большой дефицит и в древесине, т.к. отечественные ресурсы леса покрывают лишь пятую часть потребностей. Япония импортирует древесину со всего мира. Доля деловой древесины в 2005 г. составляла 39,7%, причем Россия занимает по этой статье второе место среди поставщиков. Свыше 95% российской древесины представлены хвойными породами, обеспечивая до 25% сырья японским заводам, выпускающим хвойную фанеру.

Среди стран СВА Япония наиболее зависима от импорта рыбы и морепродуктов. Годовое потребление продуктов моря в ней достигает 8,3–8,5 млн т.⁶ Четвертая часть этого обеспечивается за счет импорта, который в 2005 г. составил 14,2 млрд долл. (19,2% мировой торговли морепродуктами). Основные импор-

теры: КНР (21,8% общего объема импорта рыбопродукции в 2005 г.), США (9,8%), Россия (7,9%) и Таиланд (6,9%).

Наряду с импортом дальневосточных природно-сырьевых ресурсов, опделенные интересы Японии связаны с наращиванием объемов экспорта на рынок российского Дальневосто́чья путем увеличения товаров потребительского спроса, включая бытовую и электронную технику.

Перспективы расширения экономического сотрудничества Дальневосто́чья с Республикой Корея обусловлены растущими потребностями последней в сырье и топливе. Для Республики Корея характерна весьма низкая обеспеченность природными топливно-энергетическими ресурсами.

Таблица 5

**Товарная структура импорта Дальнего Востока России
в разрезе отдельных стран СВА, 2006 г., в млн долл.**

Товарные группы	Китай	Респ. Корея	Япония	КНДР	Монго- лия	СВА, всего
Импорт, всего	1704,3	1606,8	1711,8	1,6	0,3	5024,7
Машины, оборудование, транспортные средства, в т. ч.:	249,7	1223,8	1501,1	0,0	-	2974,7
легковые автомобили	0,4	20,7	853,9	0,0	-	875,0
Топливо, минеральное сырье, металлы	133,3	117,3	164,1	0,0	0,2	415,0
Продукция химической промышленности	118,0	157,8	31,2	0,0	0,1	307,1
Строительные материа- лы	46,9	3,4	2,2	-	-	52,5
Сырье и продукция его переработки	42,3	11,1	2,5	0,0	-	56,0
Товары народного по- требления, в т.ч.:	1111,9	93,0	10,5	1,5	-	1216,9
промышленные товары народного потребления	836,6	32,2	6,2	1,5	-	876,5
пищевкусовые товары	275,3	60,8	4,3	0,0	-	340,4
Прочие	2,2	0,4	0,2	0,1	0,0	2,5

В настоящее время примерно 70% нефти РК получает с Ближнего Востока, причем через 20 лет, как ожидается, этот показатель возрастет до 85%. В связи с высокими политическими рисками в этом регионе Россия может стать одним из альтернативных поставщиков.

Важным источником энергии для РК по-прежнему остается уголь, на который приходится до 20% общего энергопотребления. Учитывая, что там добываются только низкоэнергетические угли, используемые для малых котлов и обогрева жилья, около 95% потребности страны в угле покрывается за счет импорта. В 2005 г. РК импортировала угля на 5,3 млрд долл., в том числе из Австралии — 43,5%, Китая — 27,3%, Индонезии — 13,4%, России — 4,4%.

В перспективе, по мере реализации угольных проектов в Республике Саха потребность РК в твердом топливе сможет быть частично компенсирована российскими поставками.

За счет импорта Республика Корея удовлетворяет до 95% своих потребностей в лесоматериалах, входя в первую десятку лесных импортеров мира. В перспективе южнокорейский рынок может стать потребителем древесины, используемой на внутреннем российском рынке, что создаст реальные предпосылки расширения экспорта дальневосточных лесоматериалов в РК⁷.

Важная и социально значимая отрасль экономики в Республике Корея — рыбное хозяйство. Удельный вес рыбы в общем балансе белка животного происхождения там — один из самых высоких в мире: около 40%. На протяжении текущего десятилетия РК постоянно наращивает импорт рыбы и морепродуктов. В 2005 г. он составил 2,03 млрд долл. Среди поставщиков на Китай пришлось 40,6%, на Россию — 13,5%, на Японию — 7,9%, на США — 6,9%⁸.

Что касается КНДР и Монголии, то в силу малых масштабов их экономики и относительной обеспеченности базовыми природными ресурсами возможности активизации их экономического сотрудничества с российским Дальним Востоком в ближайшей перспективе остаются неопределенными.

Одним из результатов ожидаемого присоединения РФ к ВТО может стать увеличение объемов региональной внешней торговли ее Дальнего Востока. Так, по оценкам ИЭИ ДВО РАН, только в результате модификации системы таможенно-тарифного регулирования объемы его торговли со странами СВА могут возрасти почти на 20%.

1. Экономическое сотрудничество РФ со странами АТР в течение многих лет — предмет исследований ряда российских академических институтов. Среди них, прежде всего, следует отметить исследования и труды Института Дальнего Востока РАН, Института мировой экономики и международных отношений РАН, Института экономических исследований ДВО РАН.
2. Под регионами азиатской части РФ подразумевается совокупность субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного и Сибирского федеральных округов.
3. Шишков Ю.В. Формирование интеграционного комплекса в Западной Европе: тенденции и противоречия. — М.: Наука, 1979. С. 67.
4. Природопользование Дальнего Востока России и Северо-Восточной Азии: потенциал интеграции и устойчивого развития/ под ред. А.С. Шейнгуза. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2005. С. 357.
5. Данные International Trade Center UNCTAD/WTO (<http://www.intracen.org>).
6. По данным Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO) (<http://faostat.fao.org>).
7. Природопользование Дальнего Востока России и Северо-Восточной Азии: потенциал интеграции и устойчивого развития/ под ред. А.С. Шейнгуза. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2005. С. 358.
8. Данные International Trade Center UNCTAD/WTO (<http://www.intracen.org>).

Территориальное поведение дальневосточников: экономико-социологический анализ

© 2007

А. Завалишин

Долгое время социальные исследования велись преимущественно в двух не пересекающихся плоскостях: с одной стороны — поиск универсальных законов, которым подчиняется общество безотносительно его пространственно-временной локализации (социальная философия, экономика, социология, политология), с другой — описания конкретных социумов в определенный период их развития (история). Лишь в последней четверти XX в. логика научного познания социальных процессов потребовала сближения, что непосредственно отразилось в появлении такой пограничной дисциплины как регионоведение.

Центральной темой этого научного направления стал поиск имманентных регионам факторов социально-экономического развития территориальных общин, позволяющий эксплицировать абстрактно-теоретические положения в пространственной (прежде всего, геоэкономической и геополитической) проекции. Ныне в исследованиях ряда российских и зарубежных ученых, чьи научные интересы находятся на пересечении предметных областей экономики, социологии и экономической географии, достаточно четко просматриваются методологические подходы к решению данной проблемы¹. Однако все эти регионоведческие исследования обращены исключительно к анализу макроэкономических и макросоциальных проблем, оставляя без внимания такой, на наш взгляд, важнейший аспект, как территориальное поведение социальных субъектов. А ведь именно на этом микросоциальном уровне закладываются те устойчивые поведенческие паттерны, которые в значительной степени определяют направленность социально-экономической эволюции регионов, успех/неудачу социально-экономических реформ в региональном разрезе.

Методологические основания для изучения территориального поведения социальных субъектов изложены нами в журнале "Социологические исследования"². Предваряя данную статью, посвященную выявлению специфики и своеобразия территориального поведения дальневосточников, мы лишь позволим себе дать некоторые краткие пояснения относительно того, что понимаем под территориальным социально-экономическим поведением, а также на основании каких показателей возможна их операционализация в плане данного исследования.

Территориальное поведение социального субъекта (не только отдельного индивида, но и группы, общности) можно трактовать как комплекс индивидуальных и групповых реакций на рефлексию пространства коммуникации (определе-

ченного в территории, на которой разворачиваются социальные взаимодействия) в соответствии с априорными представлениями, данными от рождения, и культурными стереотипами, приобретенными в процессе развития и социализации личности.

Выстраивая когнитивную концепцию территориального поведения социального субъекта, мы исходим из очевидного факта, что все действия (из которых, как из кирпичиков, складывается то или иное поведение), совершаемые субъектами, локализованы в пространстве и времени. Вместе с тем рассматривать все многообразие социальных действий людей как территориальные нет оснований, так как слишком широкий смысл “растворяет” в себе суть проблемы и превращает ее в абсурд. Следует выявить критерии, по которым из всего спектра социальных действий можно было бы вычлениить действия территориальные. Их, на наш взгляд, три: 1) действие, так или иначе опосредованное территорией, на которой происходит; 2) действие, имплицитно включающее данную территорию в акт социального взаимодействия; 3) действие, основанное на пространственной (территориальной) рефлексии социального субъекта. Говоря другими словами, территориальным является такое действие, по отношению к которому территория выступает: 1) как среда, 2) как фактор и 3) как идея.

Ниже мы более подробно остановимся на анализе территориального социально-экономического поведения (далее — ТСЭП), являющегося важнейшей формой территориального поведения и представляющего собой систему поведенческих паттернов, воспроизводимых данной территориальной общиной или составляющими ее социальными группами в процессе их социально-экономической деятельности на протяжении длительного времени и отличающихся от аналогичных систем поведения на соседних территориях.

ТСЭП включает два уровня: 1) *базисный*, который составляют наиболее фундаментальные, инертные формы, возникновение и эволюция которых зависят от наиболее статичных факторов и сохраняется почти без изменений на протяжении столетий; 2) *динамический*, связанный прежде всего с этапом социально-экономического развития, переживаемым населением данной территории. Если первый уровень изменяется лишь на протяжении сравнительно долгого времени или ввиду форс-мажорных обстоятельств, то динамический уровень эволюционирует в соответствии с общими экономическими законами и может быть описан, например, с привлечением теории длинных волн (циклов) Н.Д. Кондратьева, теории стадий экономического развития Дж. Фридмана, фаз эволюции расселения Дж. Джиббса, технико-экономических парадигм К. Фримена и др.³

Для упрощения анализа из всех возможных моделей ТСЭП мы выделим лишь две, условно называемые *руральное* (система хозяйственных поведенческих практик, предполагающих ведение оседлого образа жизни и основанных на использовании земли как основного фактора производства и источника существования) и *урбанное* (система хозяйственных поведенческих практик, основанных на вторичной переработке и обмене продукции сельского хозяйства и добывающей промышленности; территория в данном случае является материальной основой (местом размещения), но не фактором производства). В зависимости от этапа социально-экономического развития (кондратьевского цикла), переживаемого данной территорией, можно выделить соответствующие им формы динамического уровня ТСЭП: урбанное-1, руральное-1 (доиндустриальный период, 0 цикл); урбанное-2, руральное-2 (начало индустриализации, 1 цикл); урбанное-3, руральное-3 (индустриальный период, 2—4 циклы), урбанное-4, руральное-4 (переход к постиндустриальному периоду, 5 кондратьевский цикл). Важно добавить, что на каждом этапе социально-экономического развития в обществе скла-

дывается различное соотношение групп населения, воспроизводящих в своих повседневных практиках как сугубо инновационное поведение (соответствующее новому, только лишь нарождающемуся циклу, например, урбанное-4 в индустриальный период), так и адаптивное (адекватное данному периоду урбанное-3) и консервативное (урбанное-2, соответствующее началу индустриализма) ТСЭП. При этом формы социально-экономического поведения, соответствующие предыдущим кондратьевским циклам, воспроизводятся как бы в "снятом", модернизированном виде (такие модернизированные формы мы отметим апострофом, например, урбанное-2' и урбанное-1' в индустриальный период).

В масштабах всей России в XX в. произошла не всегда последовательная и неповсеместная (в территориальной аппликации) смена форм ТСЭП, соответствовавших 2-му кондратьевскому циклу в 1900-е — 1920-е гг. (урбанное-2, руральное-2), на формы, соответствующие 5-му циклу в 1990-е — 2000-е гг. (урбанное-4, руральное-4) при сохранении у отдельных групп населения форм предыдущих циклов: урбанного-2'', 3' и рурального-2'', 3'. Поскольку в разных административно-территориальных образованиях страны складывалось различное соотношение данных форм, это привело к возникновению и устойчивому существованию сети регионов ядерного (преимущественно воспроизводится урбанное-4 и руральное-4 ТСЭП), полупериферийного (урбанное-3', руральное-3') и периферийного (урбанное-2'', руральное-2'') типов.

Операционализация данных форм ТСЭП возможна на основании ряда статистических показателей, отражающих социально-экономическую дифференциацию регионов России в границах административных образований (республик, краев, областей, округов). Поскольку социально-экономические отношения, сложившиеся в советское и постсоветское время в РСФСР/РФ имеют существенные различия, перечень показателей, характеризующих динамический уровень ТСЭП дальневосточников в 1970 — 1980-е гг. и в 1990-е — 2000-е гг. также различен.

Так, при сравнении форм ТСЭП, сложившихся в советское время, мы использовали для урбанных форм: 1) территориально-отраслевую структуру экономики и уровень диверсифицированности промышленности (по состоянию на 1991 г.)⁴, рассчитанный по индексу Герфинкеля, характеризующему концентрацию отраслевого производства по формуле:

$$L_d = 10^4 / \sum_{i=1}^{12} I_i^2,$$

где L_d — уровень диверсифицированности промышленности, I_i — доля i -й отрасли в структуре промышленного производства региона (в процентах) (расчет произведен по 12 учитываемым статистикой отраслям); 2) объем розничного товарооборота на душу населения (по состоянию на 1990 г.)⁵; 3) темпы урбанизационного процесса U_i за период с 1939 по 1989 г., рассчитанные по формуле: $U_i = k_i + k_i$, где k_i характеризует уровень урбанизованности региона в 1989 г., k_i — темпы урбанизации⁶; 4) показатель интенсивности роста населения республиканских, краевых, областных центров C_u за период с 1939 по 1989 г., рассчитанный по формуле: $C_u = 10^{-2} k G (U_2 - U_1)$, где G — кратность увеличения численности населения данного города за указанный период времени, U_1 — численность его населения по состоянию на 1939 г., U_2 — численность населения по состоянию на 1989 г., $k=1$ для городов с численностью населения по состоянию на 1989 г. 100 тыс. чел. и менее, $k=2$ для городов с численностью населения от 100 до 500 тыс. чел., $k=3$ для городов с численностью населения от 500 тыс. до 1 млн чел. и $k=4$ для городов с численностью населения свыше 1 млн чел.⁷; 5) доля населе-

ния с высшим образованием по состоянию на 1989 г.⁸. Для анализа руральных форм ТСЭП использованы показатели, характеризующие: 1) уровень интенсивности сельского хозяйства; 2) уровень технической вооруженности; 3) долю конно-ручного труда в аграрном производстве⁹.

При сравнении форм ТСЭП, сложившихся в постсоветское время, мы использовали для урбанных форм: 1) изменение территориально-отраслевой структуры экономики и уровня диверсифицированности промышленности за период 1990—1999 гг.¹⁰; 2) индекс роста валового регионального продукта (ВРП) (I_v) на душу населения, рассчитанный по формуле: $I_v = 10^{-4} V \cdot T$, где V — среднедушевой размер ВРП (в руб.), T — динамика роста (количество раз, во сколько увеличился данный показатель за период с 1994 по 1999 гг.)¹¹; 3) уровень безработицы в 1999 г. (U)¹²; 4) уровень развития малого предпринимательства (L_n), рассчитанный по числу зарегистрированных малых предприятий на 10 000 населения в 1999 г.¹³; 5) соотношение среднедушевых денежных доходов с величиной прожиточного минимума (I_m) (количество раз)¹⁴; 6) миграционный прирост¹⁵. Для анализа руральных форм ТСЭП использованы показатели, характеризующие: 1) долю работников сельского хозяйства среди всех занятых (по состоянию на 1999 г., в %)¹⁶; 2) изменение доли занятых в сельском хозяйстве за период с 1995 по 1999 гг.¹⁷; 3) количество крестьянских (фермерских) хозяйств в расчете на 10 000 занятых в сельском хозяйстве в 1999 г.¹⁸; 4) изменение площади пашни за период с 1990 по 1999 гг., свидетельствующее о способности/неспособности территориальных общин поддерживать достигнутый в советское время уровень обработки почвы¹⁹; 5) изменение валового производства зерна, картофеля, овощей, мяса и валового надоя молока²⁰.

Объективируя и концептуализируя формы динамического уровня ТСЭП, характерные для того или иного региона, мы исходим также из того, что реальное территориальное поведение является производной от суммы векторов территориальных интересов основных субъектов социального действия. Применительно к периоду 1970-х — начала 2000-х гг. этими субъектами были государство, отраслевые министерства, местные органы власти, территориальные общины, в 1990-е гг. к ним добавились представители крупного и среднего регионального бизнеса.

Специфика базисного уровня ТСЭП населения Дальнего Востока России достаточно явно осознается не только на научном, но и обыденном уровне. Она проистекает из таких факторов, как географическая удаленность от политического и экономического центра страны при одновременной близости к иным странам — США, Японии, Китаю, Северной и Южной Корее; огромная протяженность территории при крайне низкой плотности населения (особенно в центральных, северных и северо-восточных районах); наличие значительных запасов горнорудных и биологических ресурсов при крайне недостаточной развитости транспортной инфраструктуры и перерабатывающих предприятий. Последствиями долговременного действия названных факторов стало повсеместное распространение таких особенностей территориального поведения, как выраженная мотивация миграций значительной части дальневосточников на запад страны и за рубеж, психология временщиков, более высокий в сравнении с другими территориями России уровень девиантного поведения и т.п.

Вместе с тем социально-экономическая ситуация на востоке России представляется не настолько угрожающей, как описывают ее многие российские и, в том числе, дальневосточные авторы. Наш умеренный оптимизм основывается на анализе, прежде всего, динамических форм ТСЭП и опосредованных ими паттернов социально-экономического поведения. Рассмотрим эволюцию данных форм на протяжении XX в.

Вплоть до 1917 г. Дальний Восток рассматривался царским правительством в качестве аграрной и сырьевой периферии России. Это непосредственно отражалось в социально-экономической политике: поддержке аграрной сферы и поощрении аграрной (крестьянской) колонизации, сдерживании (а в ряде случаев — прямом запрете) индустриального развития. Советская дальневосточная политика при сохранении очевидной преемственности (топливно-сырьевая ориентация экономики, добровольно-принудительная миграция на восток страны т.д.), претерпела и существенные изменения, связанные прежде всего с необходимостью создания здесь мощной промышленной базы с выраженной оборонной направленностью.

Важнейшая задача, которую необходимо было для этого решить, состояла в форсированном демографическом развитии региона. После вынужденного перерыва, связанного с Первой мировой и Гражданской войнами, с 1925 г. возобновилось плановое переселение на восток. Первоначально оно было преимущественно крестьянским, однако уже в 1930-е гг. стало численно преобладать промышленное переселение в формах оргнабора, общественных призывов, мобилизаций и т.д. В общей сложности численность населения Дальневосточного региона с 1913 по 1989 гг. возросла в 6,46 раза и составила 7,9 млн чел.²¹, в то время как численность населения всей России в границах РСФСР возросла лишь в 1,63 раза.

Важной особенностью состава мигрантов, на которую обращали особое внимание советские исследователи, была полиэтничность. В период интенсивного промышленного строительства на Дальний Восток направлялись группы специалистов из всех союзных республик СССР. Естественно, что профессиональный уровень (а, значит, и инновационная составляющая ТСЭП) этих посланцев был, как правило, более высоким, чем у большинства представителей их материнских этносов. Формировавшаяся таким образом полиэтничная структура населения (особенно это проявлялось в городах и еще более — в отдельных трудовых коллективах) объективно способствовала распространению в макрорегионе инновационного урбанного-4 ТСЭП.

О значении фактора селективного отбора мигрантов в советское время можно судить и по уровню профессионального образования. При доле в РСФСР в 1989 г. лиц с высшим и средним специальным образованием 30,5%, на Дальнем Востоке она была, как правило, выше (от 32,7% в Амурской области до 42,4% в Чукотском автономном округе)²².

Еще одним фактором, объективно повышавшим технико-экономический уровень и инновационность ТСЭП населения, было развитие образования и науки. За годы советской власти на Дальнем Востоке были открыты десятки вузов и университетов, сотни техникумов и профессиональных училищ. Огромное значение для региона имело продвижение сюда академической науки: создание Дальневосточного отделения АН СССР во Владивостоке, размещение в республиканских, краевых и областных центрах научно-исследовательских и опытно-конструкторских учреждений.

Все эти факты объективно свидетельствуют о более высоком инновационном потенциале населения Дальнего Востока по сравнению с большинством других регионов России. Однако ряд других факторов природного и социально-экономического характера препятствовал и продолжает препятствовать его полноценной реализации (суровый климат, крайне слабо развитая транспортная и социальная инфраструктура, сырьевая ориентация хозяйства, высокий уровень девиантного поведения и др.).

Если говорить о сугубо экономических характеристиках Дальнего Востока, то за годы советской власти там произошли существенные преобразования,

связанные с процессами индустриализации, разведыванием и освоением богатейших запасов природных ресурсов, освоением целинных и залежных земель и т.д. Отраслевая специализация края во многом была вызвана и тем, что до конца 1980-х гг. территория Дальнего Востока рассматривалась государственными планирующими органами преимущественно в качестве сырьевой базы, надежность и высокая эффективность освоения которой должны были обеспечить высокие темпы развития экономики всей страны. Именно поэтому при всей интенсивности хозяйственно-экономического роста (только за 1966—1975 гг. объем промышленного производства увеличился здесь почти в 2,5 раза)²³ экономика региона в целом развивалась однобоко, провоцируя сохранение признаков периферийности территории и возникновение латентно протекавших негативных процессов, вызвавших глубокий постперестроечный кризис 1990-х гг. Задача комплексного развития края, поставленная директивными органами страны еще в 1960-е гг., не была полностью реализована.

Серьезные проблемы накапливались в сфере сельского хозяйства. Вплоть до Октябрьской революции регион оставался по существу аграрной периферией России. Однако его сельское население имело ряд социокультурных особенностей, проявившихся в сравнительно более высокой инновационной компоненте рурального ТЭСП. В результате вплоть до начала массовой коллективизации юг Дальнего Востока оставался передовым районом страны по насыщенности сельскохозяйственными орудиями и машинами, количеству голов домашнего скота в расчете на одно хозяйство, производительности труда. В 1929—1930 гг., с началом коллективизации произошло существенное сокращение сельскохозяйственного производства. И хотя уже через несколько лет рост аграрной сферы возобновился, вплоть до конца 1980-х гг. сельское хозяйство региона так и не достигло относительных показателей, имевших здесь место в 1920-е гг. Среди важнейших причин этого еще советские исследователи называли относительно медленный рост фондонасыщенности и фондовооруженности, недостаток трудовых ресурсов, общую экстенсивную направленность производства, существенное отставание социальной инфраструктуры села. Негативное влияние на сельское хозяйство края оказывало и индустриальное развитие, сопровождавшееся изъятием из аграрного производства значительных посевных площадей. Современные исследователи возникновение и усиление негативных процессов в аграрной сфере всей страны в советское время обнаруживают в феномене раскрестьянивания.

Меры, направленные на интенсификацию сельскохозяйственного производства в 1960—1970-е гг., а особенно политика преобразования традиционно потребляющих районов (к которым относилась большая часть востока России) в производящие, привели к существенному росту ряда важных показателей — производительности сельскохозяйственного труда, уровня технической вооруженности, продуктивности аграрного производства и др. Особенно заметно это проявилось в субъектах Дальнего Востока, относимых исследователями к “неаграрным”, которые в масштабах страны имели высокие и/или очень высокие индексы по уровню интенсивности сельского хозяйства, доле трудоспособного населения, занятого в общественном производстве, уровню образования и квалификации кадров и др.²⁴

В результате отмеченных выше особенностей в большинстве субъектов Дальнего Востока возникло сочетание контрастных показателей, свидетельствовавших о крайне неоднозначных процессах, происходивших в их аграрной сфере. Суммируя, можно утверждать, что на фоне сравнительно низких объемов валового производства аграрной продукции и сохранявшейся экстенсивности

сельского хозяйства население, воспроизводившее руральную модель ТСЭП в 1970-е — 1980-е гг., имело сравнительно высокий инновационный потенциал, который, однако, не мог полностью реализоваться в рамках “правил игры” колхозно-совхозной системы (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнительные показатели аграрного развития регионов Дальнего Востока по состоянию на вторую половину 1970-х гг.*

Регион	Уровень интенсивности сельского хозяйства**	Уровень технической вооруженности**	Доля конно-ручного труда в аграрном производстве (%)
Якутская АССР	1	2	45,5
Приморский край	2	3	32,7
Хабаровский край	2	3	32,7
Еврейская АО	2	3	32,7
Амурская обл.	1	4	23,3
Сахалинская обл.	4	3	32,7
Камчатская обл.	3	3	32,7
Корякский АО	3	3	32,7
Магаданская обл.	4	3	32,7
Чукотский АО	4	3	32,7
<i>Для сравнения:</i>			
Оренбургская область	1	3	32,7
Тувинская АССР	1	2	45,5

* Составлено по: Заславская Т.И., Мучник И.Б. Социально-демографическое развитие села: региональный аспект. М.: Статистика, 1980.

** Расчет показателей сделан по 5-балльной шкале: 5 — наивысшие показатели в РСФСР, 4 — высокие, 3 — средние, 2 — низкие, 1 — очень низкие.

Парадоксально, что эксплицитно инновационно ориентированное население, занятое в аграрной сфере, опять же в силу “правил игры”, соответствовавших парадигме “социалистического аграрного производства”, имплицитно сформировало устойчивые паттерны адаптивно-консервативного поведения, элиминировавшего хозяйственную инициативу в любых ее проявлениях. Следствием этого стало кардинальное изменение ментальности аграриев (ориентация преимущественно на индустриальные формы занятости, раскрестьянивание), не позволившее реализовать возможности, возникшие в ходе радикальных реформ и фактически приведшие к обрушению аграрной сферы региона в 1990-е гг.

Направленность вектора территориальных интересов на Дальнем Востоке в советское время в значительной степени определялась заметным несоответствием интересов государства, отраслевых министерств и территориальных общин. Государство объективно было заинтересовано в военно-экономическом укреплении этого края (как форпоста СССР перед недружественными соседями — Китаем и Японией). Эта заинтересованность проявлялась в форсировании инду-

стриального развития региона, особенно отраслей ОПК, организации миграционных потоков на восток страны, создании определенных льгот для закрепления здесь населения. Однако эти действия отличались непоследовательностью и нередко приводили к неожиданным для власти (негативным) последствиям.

Министерства, озабоченные повышением экономической эффективности подведомственных им отраслей, не были объективно заинтересованы в комплексном развитии макрорегиона. Необходимые для этого капиталовложения могли дать реальную отдачу лишь через несколько десятков лет, да и то при условии значительного увеличения численности и изменения поселенческой структуры населения. Поэтому практически в течение всего советского периода они рассматривали Дальний Восток преимущественно как неисчерпаемую кладовую природных ресурсов, которые лишь нужно извлечь с максимальной экономией непрямых затрат. Именно поэтому центральные министерства, подчиняясь решениям политического руководства страны, педалировали хозяйственное освоение регионов в значительной степени за счет недофинансирования социальной сферы и игнорирования природоохранных мероприятий.

Интересы территориальных общин артикулировались и объективировались преимущественно в бытовой и социокультурной сферах: требовании улучшения условий и повышения качества жизни, решения жилищной проблемы, улучшения медицинского обслуживания и т.д. В советское время возникавшие при этом противоречия разрешались почти исключительно путем латентного протеста, проявлявшегося в переселениях на запад страны, снижении трудовой и технологической дисциплины, наплевательском отношении к средствам производства, высоком уровне девиантного поведения.

Особая острота противостояния интересов отраслевых министерств и территориальных общин была вызвана тем, что специфика региона, по заключению специалистов, объективно требовала для паритета с западными регионами страны создания существенных преференций в развитии социально-бытовой сферы (не менее чем в 2—2,5 раза), в то время как фактический ее уровень практически всегда был ниже среднероссийского. В результате многие люди рассматривали жизнь и работу на востоке страны как относительно короткий период, за который нужно было заработать как можно больше денег для “нормально-го” существования в более благоприятных условиях. Позиция временщика наносила существенный, часто непоправимый ущерб экологии региона. Такие настроения были характерны не только для недавних мигрантов или специалистов, попавших на Дальний Восток по распределению или оргнабору, но и для многих коренных дальневосточников. Это явление свидетельствовало о субъективно осознаваемой периферийности практически всех субъектов Дальневосточного региона в глазах россиян. Исключение составили лишь два крупных крайних центра (города Владивосток и Хабаровск), фактически ставшие субъядрами в масштабах всего Дальневосточного региона.

В конечном счете, очевидное несовпадение территориальных интересов государства, отраслевых министерств и населения повлекло ряд негативных тенденций экономического, социального и экологического характера, спровоцировало возникновение в глазах значительной части советских людей в целом ущербного образа Дальнего Востока.

Соотношение форм урбанной и руральной моделей ТСЭП выявляет региональную сеть субъектов Дальнего Востока России, сложившуюся в конце 1970-х — 1980-е гг. Субъядрами этой сети были Приморский и Хабаровский края, промышленно-аграрной полупериферией — Еврейская АО, Амурская,

Камчатская и Сахалинская области, преимущественно сырьевой периферией — Якутская АССР, Магаданская область, Корякский и Чукотский автономные округа.

Данное соотношение типов регионов по формам ТСЭП, на первый взгляд, противоречит сказанному выше — сугубо периферийной ориентации и сырьевой специализации практически всех субъектов Дальнего Востока России. Но в этом как раз и заключается важнейшая особенность данного региона: налицо сочетание географической и макроэкономической периферийности со сравнительно высокими социально-экономическими характеристиками населения, в ряде случаев превосходившими в 1970-е — 1980-е гг. характеристики населения субъядерных и полупериферийных регионов Европейской России, Урала и Сибири. Вместе с тем, при их анализе необходимо делать понижающие поправки в связи с такими факторами, как искусственно завышенные размеры зарплаток (и, соответственно, душевого потребления) при объективно более высоких расходах на жизнеобеспечение, сравнительно низкая плотность населения, существенно девальвировавшая капиталовложения в ТПК и отдачу от высокой квалификации специалистов, сверхдальние расстояния от добывающих и перерабатывающих предприятий до потребителей готовой продукции.

В целом, за годы советской власти регионы Дальнего Востока эволюционировали в направлении от сравнительно гомогенных в социально-экономическом отношении и сугубо периферийных на фоне остальной России к все более дифференцированным по отраслевой специализации социально-демографическим показателям, формам динамического уровня ТСЭП, следствием чего стало выделение регионов субъядерного, полупериферийного и периферийного типов. При этом наиболее отсталыми в социально-экономическом плане оказались те из них, которые обладали наиболее значительными запасами разведанных сырьевых ресурсов и, в силу этого, развивались по схеме сырьевых периферий; располагались в наиболее неблагоприятных в климатическом отношении районах Крайнего Севера; имели в составе населения значительную долю коренных этносов со сравнительно невысоким коэффициентом инновационного потенциала и/или немногочисленное население при незначительных запасах разведанных полезных ископаемых.

При этом следует иметь в виду, что данные дистинкции в значительной степени элиминировались спецификой края, придававшей им существенную неустойчивость. К концу 1980-х гг. регион в определенном смысле достиг точки бифуркации, с которой развитие его территории могло пойти двумя путями: либо в направлении мощного социально-экономического роста, либо по пути потери многих высоких, но в значительной степени остававшихся потенциальными позиций. Ситуация, сложившаяся в России в 1990-е гг., подтолкнула субъекты региона к эволюции по второму сценарию.

* * *

Своеобразие протекания социально-экономических процессов на Дальнем Востоке России в 1990-е гг. определялось рядом факторов. Важнейшими среди них были: географическая удаленность от политического центра России, приграничное положение по отношению к странам АТР, прежде всего Китаю, традиционно аграрно-сырьевая ориентация экономики, повышенная зависимость от межрегиональных хозяйственных связей и ввоза ряда продуктов жизнеобеспечения, недостаточно развитая производственная и социальная инфраструктура, сугубо отрицательное сальдо миграционного прироста.

В условиях нарастания экономического хаоса и угрозы распада Российской Федерации, центр сконцентрировал усилия на двух магистральных направ-

влениях: во-первых, на решении наиболее острых, не терпевших отлагательства, политических, экономических и социальных проблем, которые носили по преимуществу экстерриториальный характер, и во-вторых, на создании "зоны стабильности" в регионах, географически тяготеющих к Москве (от Республики Карелия и Ленинградской обл. на западе до Урала на востоке). Что касается территорий, простиравшихся от Зауралья до Тихого океана, то они (за исключением автономных округов Тюменской области, располагавших стратегическими запасами углеводородного сырья) мало интересовали центральную власть. Более того, уже в конце 1990-х гг. один из депутатов Государственной Думы, *potina sunt odiosa*, при обсуждении проблем Дальневосточного региона заявил, что социально-экономическими интересами дальневосточников в принципе можно и пренебречь, так как их доля в составе населения России *не превышает статистической погрешности*.

Таким образом, в значительной степени предоставленные самим себе, фактически отрезанные от Европейской России резко возросшими транспортными тарифами (последнее особенно больно ударило по интересам населения Дальнего Востока и Крайнего Севера), жители Азиатской России должны были приложить максимум усилий для существования в новой экономической ситуации. Вопреки объективно менее благоприятным условиям природно-климатического и социально-экономического характера, в массе своей (исключение составили коренные жители края) они, надо признать, продемонстрировали высокий уровень адаптивности, по целому ряду показателей превзойдя население многих центральных регионов страны.

Важнейшими средствами для решения социально-экономических проблем и вхождения в рыночные отношения послужили здесь, во-первых, усиление сырьевой составляющей отраслевой структуры регионов и, во-вторых, активизация внешнеэкономической деятельности как на региональном, (государственном), так и на локальном (частнопредпринимательском) уровнях. Особо значимой стала географическая близость к Китаю, который способствовал насыщению местных рынков дешевыми товарами массового потребления, продуктами питания, обеспечил занятость многим российским "челнокам", заполнил десятками тысяч гастарбайтеров непривлекательные для россиян рабочие места в строительстве и сфере услуг, минимизировав этим потерю трудовых ресурсов, вызванную миграционным оттоком населения. Таким образом, во многом благодаря специфическим социальным качествам населения региона, сохранившимся еще с дореволюционных времен (стремление достичь результата, инновационная ориентированность), помноженным на природные богатства края и открывшиеся возможности индивидуальной предприимчивости, население Дальнего Востока прошло наиболее сложный период первичной адаптации к новым рыночным отношениям с минимальными потерями.

Вместе с тем, здесь выявились и проблемные территории, население которых продемонстрировало преимущественно консервативную ориентированность, неготовность к переменам, ответило на вызовы времени уходом в примитивные социально-экономические практики. Данное явление в 1990-е гг. было характерно для многих этнических групп России, не успевших сформировать к началу рыночных реформ современное мировоззрение и накопить определенный инновационный потенциал. Особенно заметно в негативном плане на Дальнем Востоке это проявилось в автономных округах и районах, населенных коренными народами Севера.

Одним из серьезных отрицательных последствий экономических реформ в регионе стал заметный рост преступности. Если в Европейской России и на

Урале в 1999 г. уровень преступности был ниже среднероссийского в 25 регионах из 44, то на Дальнем Востоке — лишь в 3 регионах из 10 (в Республике Саха (Якутия), Корякском и Чукотском автономных округах)²⁵. Криминальная адаптация населения на фоне сырьевой ориентации экономики и ослабления контрольно-распределительной функции государства повлекла значительный рост браконьерства, причем, не только в отношении биоресурсов (рыба, пушнина, лес), но и горнорудных (уголь, золото). Браконьерством занимались не только частные лица и индивидуальные предприниматели, но и достаточно крупные фирмы, под прикрытием легальной деятельности расхищавшие национальное богатство страны.

В 1990-е гг. вектор территориальных интересов в регионе в еще большей степени, чем в Европейской России, обозначил существенное расхождение интересов государства, крупного и среднего бизнеса, региональных элит и территориальных общин, которое в целом негативно сказалось как на социально-экономическом благополучии населения, так и на природно-экологическом состоянии Дальнего Востока. На фоне резкого снижения экономических показателей промышленного и аграрного производства, хищнического истребления биоресурсов и извлечения полезных ископаемых (по принципу *argis nous le diluge*), формировалась новая сугубо потребительская ментальность, не свойственная в прошлом ни дальневосточникам, ни россиянам в целом.

Сопоставление регионов Дальнего Востока по показателям урбанного ТСЭП в 1990-е гг. дано в табл. 2.

Таблица 2

**Сравнительные показатели социально-экономического развития регионов
Дальнего Востока в 1990-е гг.**

Тип региона, регион	Территориально-отраслевая структура экономики (в%)*	I _у	U _у	L _у	I _м	Миграционный прирост (тыс. чел.)
<i>Полупериферийные регионы:</i>						
Приморский край	П (54,5) Эл (18,0)	19,4	13,7	46,5	1,35	-64,1
Хабаровский край	М (23,5) Т (15,0) Эл (14,1) П (13,9) Ц (11,8) Ле (10,6)	19,5	14,4	53,1	1,65	-74,8
<i>Для сравнения:</i>						
Воронежская обл.	П (27,3) М (19,9) Х (17,3) Эл (17,9)	10,6	12,5	38,3	1,47	+159,6
Костромская обл.	Эл (29,0) Ле (19,5) М (14,7) П (11,0)	11,7	10,1	39,7	1,27	+30,6

Тип региона, регион	Территориально-отраслевая структура экономики (в%)*	I ₁	U ₁	L ₁	I _m	Миграционный прирост (тыс. чел.)
<i>Периферийные регионы:</i>						
Республика Саха (Якутия)	Ц (77,4)	48,7	13,9	43,5	1,62	-184,3
Еврейская АО	Эл (23,8) С (22,8) М (16,8) П (10,9) Л (10,7)	7,7	19,0	20,3	1,04	-18,0
Амурская обл.	Эл (34,7) Ц (26,2) П (13,7)	9,6	16,4	38,1	1,16	-58,0
Сахалинская обл.	П (44,1) Т (35,9) Эл (9,7)	43,5	20,7	68,4	1,44	-93,6
Камчатская обл.	П (66,1) Эл (17,1) Ц (9,2)	25,9	18,2	54,0	1,54	-81,8
Корякский АО	Ц (50,3) П (44,2)	нет св.	8,9	33,3	0,81	-9,1
Магаданская обл.	Ц (70,9) Эл (14,9)	25,4	20,6	92,1	1,18	-120,7
Чукотский АО	Ц (61,1) Эл (27,0)	31,2	9,3	12,7	0,88	-63,4
<i>Для сравнения:</i>						
Республика Марий Эл	М (23,4) П (20,2) Эл (18,0) Ле (10,8)	7,7	10,8	36,9	0,91	+16,2
Псковская обл.	М (31,6) П (29,4) Эл (15,3)	10,0	14,1	33,8	1,13	+40,9
В среднем по РФ	—	22,7	13,4	59,6	1,77	—

* Л — легкая; Ле — лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная; М — машиностроительная и металлообрабатывающая; Му — мукомольно-крупяная; П — пищевая; С — строительных материалов; Т — топливная; Х — химическая и нефтехимическая; Ч — черная металлургическая; Эл — энергетическая отрасли.

В аграрном секторе наиболее заметные особенности рурального ТСЭП в регионе проявились в двух аспектах: во-первых, в сравнительно большей доле крестьянских (фермерских) хозяйств в расчете на 10 000 занятых в сельском хозяйстве (связанной, возможно, с сохранением исторической памяти о дореволюционном экономическом благополучии их предков), во-вторых, в переходе рас-

тениеводства с производства зерна на картофель и овощи (в большинстве регионов их валовые сборы существенно превысили дореформенный уровень). Таким образом, освобождение крестьян от мелочного контроля властных структур привело к переориентации аграрной сферы региона на те виды сельскохозяйственной продукции, которые в большей степени обеспечивали рыночную выгоду в природных условиях Дальнего Востока России.

Таблица 3

Сравнительные показатели аграрного развития регионов Дальнего Востока в 1990-е гг.

Регион	Доля занятых в с/х (в%)	Кол-во крестьянских (ферм.) хоз-в	Динамика показателей сельскохозяйственного производства					
			Изменение площади пашни (1990 — 100)	Произведено в 1999 г. в сравнении со средним сбором за 1986—1990 гг. (в%)				
				Зерно	Картофель	Овощи	Мясо	Молоко
Республика Саха (Якутия)	9,9	86,6	71,7	93,6	102,0	118,2	39,8	63,6
Еврейская АО	13,9	34,0	53,8	54,5	64,3	74,8	30,6	25,1
Приморский край	9,1	28,2	84,7	35,8	107,5	69,0	21,2	38,8
Хабаровский край	4,9	27,2	81,9	87,9	144,1	132,5	19,7	57,6
Амурская обл.	13,2	33,8	69,1	32,3	144,3	125,5	22,7	53,6
Камчатская обл.	5,1	50,3	88,4	0,0	69,6	129,5	68,7	19,6
Корякский АО	9,7	10,6	76,5	170,6	170,6	200,0	14,3	16,4
Магаданская обл.	4,8	25,6	71,2	54,2	54,2	24,5	3,3	10,0
Чукотский АО	5,9	14,0	0,0	—	—	33,3	10,0	1,5
Сахалинская обл.	4,7	64,9	92,4	—	122,0	87,1	8,0	25,1
В среднем по РФ	13,3	30,7	91,7	52,4	87,2	109,8	44,6	59,5

При этом в масштабах всего региона аграрная сфера экономики испытывала более серьезные нагрузки по сравнению с Европейской частью страны, связанные с такими факторами, как усилившийся дисбаланс между растущей инструментальной мотивацией труда (ориентация на заработок) и снижавшимися

возможностями материального стимулирования (доходы работников сельского хозяйства на Дальнем Востоке были одними из самых низких в России); неготовность основной массы работников к новым экономическим отношениям, проявлявшаяся в пассивности, равнодушии, неумении принимать самостоятельные решения, отсутствии хозяйской мотивации; формирование на селе социального слоя аутсайдеров из числа незащищенных групп населения (многодетных матерей, престарелых, инвалидов, необученной молодежи), маргиналов и депрессированных (не имеющих места работы, жилья, вынужденных переселенцев, пьяниц и т.п.); усиление социальной напряженности в трудовых коллективах²⁶.

Сопоставление регионов Дальнего Востока по показателям, характеризующим динамику рурального ТСЭП, приведено в табл. 3.

Расчет по приведенным характеристикам показал, что к началу 2000-х гг. на Дальнем Востоке сложились следующие формы динамического уровня ТСЭП: полупериферийные промышленные (Приморский и Хабаровский края), сырьевые периферийные (Республика Саха (Якутия), Магаданская и Сахалинская области, Корякский и Чукотский автономные округа), отсталые периферийные (Еврейская АО, Амурская и Камчатская области).

Сравнение с полученными выше результатами показывает, что общая тенденция динамики форм урбанной и руральной моделей ТСЭП в регионах Дальнего Востока в 1990-е гг. в целом характеризовала те негативные процессы в социально-экономической сфере, которые сопровождали переход от социалистической экономической модели к капиталистической — ни один из регионов, бывших субъектными в 1980-е гг., не подтвердил своего статуса, все они переместились в полупериферию. Из 6 полупериферийных регионов 3 сохранили свой статус и 3 стали периферийными. Большинство периферийных и бывших полупериферийных регионов стали сырьевыми периферийными.

Таким образом, выводы о сугубой периферийности Дальневосточного региона, которые делают некоторые исследователи на основании, прежде всего, его пространственной удаленности от Центра и сравнительно низких показателей ВРП, связанных, преимущественно, с относительной малочисленностью населения, не находят подтверждения в данном исследовании. Дальний Восток России является уникальной территорией не только в природно-географическом плане, но и в связи с социально-экономическими особенностями его населения, которое еще на рубеже XIX—XX вв. демонстрировало модели ТСЭП, соответствовавшие характеристикам полупериферийного региона. Данная его особенность пролонгировалась в годы советской власти, сохраняется и в наши дни.

1. См., напр.: Грицай О.В., Иоффе Г.В., Тревиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991; Freeman C. Technology Policy and Economic Performance: Lesson from Japan. N.Y., 1987; Kuklinski A. Local Dynamics and Environment: Some Comments and Proposals // Paper on Conf. "Local Dynamics and Environment". Lausanne, Oct., 1988. P. 11; Wallerstein I. The Modern World System. V. I-III. N.Y.: Academic Press, 1974—1989.
2. См.: Завалишин А.Ю., Рязанцев И.П. Территориальное поведение: Опыт теоретико-методологического анализа // Социологические исследования. 2005. № 10. С. 83—92.
3. См.: Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. М., 1925. Т. 1. Вып. 1. С. 28-79; Freeman C. Op. cit.; Friedmann J. Regional Development Policy. Boston: Mass. Inst. Techn., 1966; Gibbs J. The Evolution of Population // Economical Geography. 1963. № 2. P. 85-99.

4. См.: Сборник статистических материалов по социально-экономической географии России. В 2 ч. СПб., 1995. Ч. 2. С. 6—13.
5. Там же. Ч. 1. С. 46—52.
6. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: СССР (Сводный том). М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1962. С. 20—24; Проблемы социального развития Сибири в условиях реформ: Науч. докл./Отв. ред. О.Э. Бессонова, Н.С. Кошелева. Новосибирск: ИЗ и ОПП СО РАН, 1996. Ч. 1. С. 19—21.
7. Там же. С. 30—34; Ежегодник России. 1913 г. СПб., 1914. С. 14-26.
8. Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). В 2 ч. М.: Республ. информац.-издат. центр, 1991. Ч. 1. С. 158—169.
9. Заславская Т.И., Мучник И.Б. Социально-демографическое развитие села: региональный аспект. М.: Статистика, 1980.
10. Регионы России: Стат. сборник/Предс. ред. колл. В.И. Галецкий. В 2 т. М., 2000. Т. 1.
11. Там же. Т. 2. С. 283—285.
12. Там же. Т.2. С. 95—96.
13. Там же. Т. 2. С. 324—325.
14. Там же. Т. 2. С. 128—129.
15. Там же. Т. 2. С. 66—67.
16. Там же. Т. 2. С. 74—75, 78—81.
17. Там же. Т. 2. С. 74—75, 78—81.
18. Там же. Т. 2. С. 74—75, 78—81, 332—333.
19. Там же. Т. 2. С. 307—308.
20. Там же. Т. 2. С. 489—490, 517—518.
21. См.: Ежегодник России. 1913 г... С. 53—77; Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР... Ч. 1. С. 19-21.
22. Подсчитано по: Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР... Ч. 1. С. 158—169.
23. См.: Экономические и социальные проблемы развития РСФСР/ Н.И. Масленников, В.К. Савельев, В.П. Толмачев и др. М.: Сов. Россия, 1979. С. 268.
24. См.: Заславская Т.И., Мучник И.Б. Указ. соч.
25. См.: Регионы России... Т. 2. С. 260—261.
26. См.: Проблемы социального развития Сибири в условиях реформ... С. 43—45.

Глобализация и рынок цветных металлов в АТР

© 2007

И. Троекурова

Самая крупная региональная экономическая организация в мире — Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС). В 2006 г. в рамках АТЭС проживало 2,7 млрд человек (41,2% населения мира), суммарный ВВП составлял 37,2 трлн долл. (57,2% мирового ВВП), товарооборот — 11,3 трлн долл. (46,2% мировой торговли)¹.

На АТЭС приходится больше половины объема мирового производства и потребления цветных металлов. В 2006 г. производство меди в них составило 77% от общемирового, цинка — 69%, олова — 87%, никеля — 65%, алюминия — 59% и свинца — 83%. Некоторые страны-члены АТЭС являются лидерами в этой отрасли. Так, Чили добывает 37% медной руды; Австралия — 36% бокситов и 22% свинца; КНР — 38% оловянной руды, 30% свинца, 22% цинка и 21% алюминия; США — 8% медных руд и 13% свинцовых руд; Россия — 23% никеля и 12% алюминия.

Значимость цветных металлов дала основание Президенту РФ В. Путину выдвинуть на саммите в Бангкоке (2003 г.) инициативу общерегионального Диалога по цветным металлам. В его рамках предполагалось обсуждать квоты, цены, схемы поставок. В августе 2003 г. в России (г. Братск) прошел первый международный семинар по созданию благоприятных условий для функционирования рынка цветных металлов в АТЭС.

В статье "Россия и АТЭС: к устойчивому и стабильному развитию Азиатско-Тихоокеанского региона", опубликованной в преддверии последнего саммита АТЭС (Австралия, 2007 г.), В. Путин подчеркнул: "Сейчас этот Диалог переформируется в новую, более мощную и широкую по охвату структуру, деятельность которой, надеюсь, будет столь же эффективной"².

Реализация инициативы относительно Диалога важна для России: в январе-июне 2007 г. экспорт основных цветных металлов (алюминия необработан-

Троекурова Ирина Степановна, кандидат экономических наук, доцент Саратовской государственной академии права.

ного, меди рафинированной, никеля необработанного, на долю которых приходится более 70% экспорта продукции цветной металлургии), составил 10,3 млрд долл. (179,4% к январю—июню 2006 г.)³.

Чтобы эффективно участвовать в рынке цветных металлов, России необходимо четко представлять, каково его состояние, кто — основные игроки.

Рост цен на цветные металлы начался с 2003 г. (табл. 1).

Таблица 1

Средние мировые цены на цветные металлы, долл./т*

Цветные металлы	2003**	2004	2005	2006
Никель	9629	12752	14853	22758
Медь	1779	2504	3408	6755
Алюминий	1431	1640	1860	2392
Цинк	828	1049	1382	3240
Свинец	515	887	976	1124
Олово	795	885	977	1226

* См.: Эксперт. 2007. № 1—2. С. 16.

** См.: БИКИ. 2005. № 145. С. 14.

*** См.: БИКИ. 2006. № 6. С. 12.

В числе причин — влияние глобализации (усиление взаимозависимости между товарными и финансовыми рынками, приход спекулятивного капитала на рынок цветных металлов с соответствующим возрастанием спекулятивного фактора в установлении биржевых котировок)⁴.

При низкой учетной ставке, сочетавшейся с колебанием курсов доллара и евро, финансовый рынок становился менее выгодным для инвесторов, и денежные потоки перераспределялись на товарные рынки, способствуя повышению цен на металлы. В первую очередь это касалось драгоценных металлов, но и цветные металлы были привлекательным объектом для спекуляций, играя роль высоколиквидного актива в условиях повышенного спроса на них и нестабильности других финансовых инструментов. Как-никак, рынки цветных металлов демонстрируют годовой прирост 30—40%, что привлекает различные фонды: страховые, инвестиционные, пенсионные (которые также стали инвестировать средства, внося спекулятивную составляющую в формирование цен).

Росту цен в этой сфере способствовало и значительное изменение тенденций развития мировой экономики в 2003—2004 гг. К высоким темпам экономического развития, демонстрируемым длительное время Китаем, в 2003 г. добавились положительные изменения в экономике США и оживление мировой экономики в целом⁵. Впервые за многие годы начался одновременный рост во всех основных экономиках мира. Япония, например, демонстрировала наивысшие с начала 1990-х гг. темпы экономического роста.

Высокий спрос на цветные металлы связан также и с определенным изменением структуры мировой экономики — все больший вес в ней приобретают быстро растущие азиатские страны, активно развивающие такие отрасли, как выплавка стали и алюминия, автомобилестроение, строительство.

Наконец, весьма способствовал подорожанию цветных металлов и дефицит сырья для их производства: по данным за 2005 г. складские запасы на Лондонской бирже металлов составляют от 40 до 80% от обычного уровня⁶.

По объему производства и потребления алюминий — на 2-м месте после стали и 1-м среди цветных металлов. Используется в транспортном машиностроении (35%), производстве упаковочных материалов (27%), строительстве (16%), электротехнике (7%), общем машиностроении (7%).

Таблица 2

Производство и потребление первичного алюминия в рамках АТЭС, млн т*

Страны	Производство				Потребление			
	2003**	2004	2005	2006	2003**	2004	2005	2006
КНР	5,5	6,25	7,2	7,5-8,0	5,15	6,02	6,75	7,4-7,6
США	2,7	2,52	2,75	2,8-3,1	6	6,32	6,54	6,54-6,57
Япония	—	—	—	—	2	2,09	2,15	2,15-2,17
Россия	3,48	3,59	3,65	3,68-3,75	1	1,06	1,1	1,15-1,17
Канада	2,8	2,76	2,95	2,95-3,1	0,74	0,76	0,78	0,78-0,8
Австралия	1,86	1,89	1,9	1,9-1,93	0,33	0,33	0,34	0,34-0,35
Всего АТЭС	16,34	17,01	18,45	18,8-19,9	15,22	16,58	17,66	18,36-18,6
Всего в мире	28	29,53	31,4	32,0-33,5	27,75	29,9	31,7	32,0-33,1
Доля АТЭС, %	58,36	57,6	58,76	58,75-59,4	54,8	55,45	55,7	57,3-56,2

* Составлено по: Профиль. 2006. № 1. С. 36.

** Составлено по: Металлург. 2005. № 3. С. 13.

В 2006 г. конъюнктура мирового рынка алюминия была благоприятной для производителей. Среднемесячная цена на Лондонской бирже металлов составила 2392 долл./т (в 2005 г. — 1860 долл./т) (табл. 1).

Резкому росту спроса на алюминий способствовали изменение структуры мировой экономики благодаря опережающему развитию новейших отраслей (атомной, авиакосмической, электронной и др.) и борьба за эффективность традиционных отраслей промышленности. Алюминий стал одним из факторов научно-технического прогресса, уровень его потребления служит ныне одним из основных показателей экономического развития той или иной страны.

Несколько десятилетий в потреблении алюминия доминировали США и Япония, но несколько лет назад Китай, опередив в 1998 г. Японию, вышел на 2-е место в мире⁷. С 1995 по 2006 г. потребление алюминия в Китае возросло вчетверо — с 1,9 млн до 7,6 млн т. В 2006 г. основными потребителями первичного алюминия в мире и АТЭС были Китай (23%), США (19,8%) и Япония (6,6%), причем на их долю приходилось 49,4% мирового потребления этого металла.

Повышение спроса на алюминий повлекло его дефицит на рынке в количестве 370 тыс. т в 2004 г. и 300 тыс. т в 2005 г., но с 2006 г. дефицит алюминия пошел на убыль благодаря вводу новых мощностей (прежде всего в Китае). Последнее, впрочем, может только на время создать в Китае баланс между спросом и предложением, т.к. к 2010 г. потребление этого металла там достигнет 30% от мирового (20% — в 2004 г.).

Медь — другой важнейший стратегический металл, широко используемый в современной индустрии. Структура мирового потребления следующая: в строительстве — 37%, электронике — 26%, промышленном оборудовании — 15%, потребительских товарах — 11%, транспорте — 11%.

Страны АТЭС обладают наиболее крупными запасами медных руд: Чили — 31,2%, США — 7,3%, Индонезия — 7,3%, Перу — 6,3%, Мексика — 5,7%, КНР — 5,4%, Австралия — 5%, Россия — 4,2% (табл. 3).

Таблица 3

Запасы и добыча медных руд в рамках АТЭС*

Страны	Запасы на начало 2007, млн т	Добыча, тыс. т		
		2004	2005	2006
Чили	150,0	5410,0	5320	5400
США	35,0	1160,0	1140	1220
Перу	30,0	1040,0	1010	1050
Индонезия	35,0	840,0	1070	800
Австралия	24,0	854,0	927	950
Россия	20,0	675,0	700	720
КНР	26,0	620,0	755	760
Канада	7,9	564,0	567	600
Мексика	30,0	406,0	429	380
Всего АТЭС	359,0	11569,0	11918	11880
Всего в мире	480,0	14600,0	15000	15300
Доля АТЭС, %	74,8	79,24	79,45	77,64

* Рассчитано по: БИКИ. 2007. № 59. С.15.

В 2006 г. мировая цена на медь выросла на 82,1% в сравнении с предшествующим, составив 6755 долл./т (в 2005 г. — 3408 долл./т). Медной руды в мире в 2006 г. было добыто 15,3 млн т, на 2% больше, чем в 2005 г. (15 млн т)⁸, 2/3 прироста пришлось на Чили и Перу. В 2010 г. мировая добыча составит, как ожидается, 18,7 млн т (78% “обеспечит” АТЭС)⁹.

Дефицит рафинированной меди на мировом рынке — явление не новое. Еще в 2004 г. он достиг 700 тыс. т, или на 86% больше, чем годом ранее. Причина: рост потребления (в США на 5,5%, Японии на 6,4% и КНР на 3,6%)¹⁰. Осенью 2005 г. обнаружилось, что меди не только производится недостаточно, но и запасы ее весьма малы. Например, на Лондонской бирже металлов (крупнейшей площадке по торговле медью) запасы ее составили около 60 тыс. т — столько мировая промышленность потребляет меньше чем за три дня¹¹.

К 2010 г. объем производства рафинированной меди составит, как ожидается, 14 млн т: в Чили оно увеличится до 3,6 млн т, в КНР до 2,8 млн т, в США до 1,9 млн т, в Японии до 1,7 млн т¹². Мировое потребление, по прогнозам, возрастет до 19,8 млн т, в АТЭС — до 13,4 млн т (67,2% мирового), в т.ч. в Китае — до

4,5 млн т (33,75% общего потребления странами АТЭС), в США — до 2,8 млн т (21,3%), Японии — до 1,46 млн т (11%). Потребление в России, как ожидается, составит 530 тыс. т¹³.

В Китае за последние 15 лет среднегодовой рост потребления меди составлял 15% — с 0,5 млн т в 1990 г. до 3,5 млн т в 2004 г. В текущем десятилетии Китай, видимо, будет основным ее потребителем, но темпы прироста снизятся до 8—10% в год. Исходя из уровня экономического роста КНР, прогнозируются два сценария потребления в мире (табл. 4).

Таблица 4

Два сценария производства и потребления меди, тыс. т*

Сценарий 1. Прирост потребления меди в мире в среднем за год — 3,5% (Китай — 8%)								
	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Производство рафинированной меди	15 262	15 824	16 568	18 057	19 149	19 594	20 252	20 434
Изменения, %	0,1	3,7	4,7	9,0	6,0	2,3	3,4	0,9
Потребление рафинированной меди	15 362	16 712	16 961	17 520	18 133	18 768	19 406	20 065
Изменения, %	2,8	8,8	1,5	3,3	3,5	3,5	3,4	3,4
Баланс	-100	-888	-393	537	1016	826	846	369
Сценарий 2. Прирост потребления меди в мире в среднем за год — 4% (Китай — 10%)								
	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Производство рафинированной меди	15 262	15 824	16 568	18 057	19 149	19 594	20 252	20 434
Изменения, %	0,1	3,7	4,7	9,0	6,0	2,3	3,4	0,9
Потребление рафинированной меди	15 362	16 712	16 961	17 605	18 309	19 041	19 803	20 595
Изменения, %	2,8	7,4	4,5	3,8	4,0	4,0	4,0	4,0
Баланс	-100	-888	-393	452	840	553	449	-161

* См.: Коршикова О. Цветные металлы — ретроспективный прогноз // Национальная металлургия. 2006. № 4. С. 52.

Население Китая — более 1,3 млрд человек, и среднедушевое потребление меди составляет пока что лишь 2,7 кг в год (в развитых странах — более, чем по 10 кг). Если Китай достигнет аналогичного уровня, его годовое потребление превзойдет 13 млн т, или свыше 3/4 мирового потребления меди за 2004 г.¹⁴ В 2004 г. медные рудники КНР смогли обеспечить лишь около 30% потребностей страны, что вынудило импортировать около 2,9 млн т медного концентрата¹⁵.

Россия — весьма значимый производитель рафинированной меди (уступает лишь Чили, КНР, Японии и США). Ее значительные по запасам разрабатываемые месторождения — Октябрьское (16 млн т) и Удокан (14 млн т)¹⁶. Три крупнейшие российские компании медно-никелевого производства произвели в 2005 г. 950 тыс. т металла (табл. 5).

Производство рафинированной меди в России в 2006 г. достигло 1 млн т, но внутреннее потребление ниже китайского — не превышает 1,5—2 кг на человека. Если российская экономика начнет приближаться к уровню развитых

стран, это повлечет существенный рост использования меди в системах отопления, вентиляции, кондиционирования всех ЖКХ.

Таблица 5

**Производство рафинированной меди крупнейшими
российскими компаниями, тыс. т***

Компании	2001	2002	2003	2004	2005
ГМК "Норильский никель"	471,0	450,0	451,0	430,0	440,0
"Уральская горно-металлургическая компания" (УГМК)	328,7	330,7	300,0	340,0	370,0
ЗАО "Русская медная компания"	—	—	—	127,0	140,0
Кыштымский медеэлектролитный завод**	76,5	76,3	78	—	—
Всего	876,2	857,0	829,0	900,0	950,0

* Составлено по: БИКИ. 2006. № 13. С.15.

** С 2004 г. Кыштымский медеэлектролитный завод входит в состав ЗАО "Русская медная компания".

Никель — один из важнейших стратегических металлов. Широко используется в сплавах с другими цветными металлами (особенно в авиакосмической промышленности), является важным элементом производства нержавеющей стали. Активно потребляется в автомобиле- и машиностроении, в строительстве, в производстве кухонной утвари, бытовых и электроприборов, в химической и нефтяной промышленности, при производстве жаропрочных частей газотурбинных установок и двигателей самолетов, в мостостроении, в космической промышленности. Будучи устойчив к коррозии, используется при чеканке монет.

В АТЭС сосредоточено более 60% мировых запасов никелевых руд. Самые крупные — в Австралии (34,4%), России (10,3%), Канаде (7,6%) (табл. 6).

Таблица 6

Запасы и добыча никелевых руд в рамках АТЭС*

Страны	Запасы на начало 2007 млн т	Добыча, тыс.т		
		2004	2005	2006
Россия	6,6	315,0	315,0	320,0
Австралия	22,0	178,0	189,0	191,0
Канада	4,9	187,0	198,0	230,0
Индонезия	3,2	133,0	160,0	145,0
КНР	1,1	64,0	77,0	79,0
Филиппины	0,94	17,0	26,6	42,0
Всего АТЭС	38,74	894,0	966,0	1007,0
Всего в мире	64,0	1400,0	1490,0	1550,0
Доля АТЭС, %	60,5	63,8	64,8	64,9

* Рассчитано по: БИКИ. 2007. № 63. С.14.

Среднемесячная цена никеля на Лондонской бирже металлов составила в 2006 г. 22 758 долл./т, т.е. на 53,2% выше, чем годом ранее (см. табл. 1). Если в

1988—1999 гг. причиной роста цен был дефицит предложения, то в 2005—2006 гг. — ослабление доллара США¹⁶, экономический рост в Китае и спекулятивные закупки различных фондов.

В 2006 г. странами АТЭС было добыто 1007 тыс. т никелевых руд (64,9% мировой добычи), причем доля России составила 31,85%, Канады — 22,8% и Австралии — 19%. Основными производителями первичного никеля в АТЭС, кроме России, являются Япония, Австралия, Канада и Китай.

Дефицит поставок никеля на мировом рынке составил в 2006 г. 20 тыс. т, ибо рост спроса (на 7% по сравнению с 2005 г.) опережал рост поставок (увеличились лишь на 3%). Повышению мирового спроса на никель было обусловлено ростом производства нержавеющей стали в КНР (до 4,5 млн т в 2006 г.) и восстановлением спроса на металл со стороны производителей нержавеющей стали в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке.

Как ожидается, мировой спрос на никель в 2007 г. увеличится на 3% — до 1,37 млн т в результате повышения (примерно на 1,2 млн т) выпуска нержавеющей стали в КНР. Поставки металла, как ожидается, вырастут на 4% — до 1,36 млн т, а дефицит его снизится до 12 тыс. т¹⁷. Рост производства нержавеющей стали в КНР обусловлен, в частности, подготовкой к Олимпийским играм в Пекине и к Международной выставке в Шанхае.

В 2005 г. потребление никеля возросло здесь почти на 7%, достигнув 150 тыс. т. В 2008 г. Китай опередит Японию и станет ведущим потребителем никеля в мире. Он будет потреблять более 25%, производя не более 8% мирового объема никеля. К 2010 г. потребление никеля в КНР может увеличиться до 382 тыс. т., а к 2015 г. — 450 тыс. т. Спрос на никель в мировом производстве нержавеющей сталей растет со скоростью 6% в год, а в Китае — на 22% в год¹⁸.

К 2010 г. уровень потребления этого металла в мире может превысить 1,5 млн т. Прирост потребления никеля в период 2000—2010 гг. составит 565 тыс. т (вдвое больше, чем в предыдущем десятилетии), а за 2010—2020 гг., как ожидается, спрос возрастет еще на 700 тыс. т¹⁹.

С начала 1990-х гг. до 2005 г. Россия первенствовала в производстве и экспорте никеля, оказывая значительное влияние на конъюнктуру мирового рынка (доля РФ в мировом экспорте составляла 20—26%)²⁰. За рубеж поставляется в основном необработанный металл. Экспорт никеля приносит России лишь 2 млрд долл. в год.

Все большее значение для мировой экономики начинает играть олово. В нем нуждаются прежде всего страны и районы с высоким уровнем производства электроники и электротехники, с развитой химической промышленностью, а также производящие белую жемчужину (США, Япония, Республика Корея, Тайвань). Этот металл используется также в строительстве, в производстве транспортных средств.

В АТЭС сосредоточено более 79% мировых запасов оловянных руд.

В течение 2005—2006 гг. конъюнктура мирового рынка олова была благоприятной для производителей: если в 2005 г. средняя мировая цена на металл составляла 977 долл./т, то в 2006 г. — 1226 долл./т (табл. 1).

Ведущие поставщики оловянных концентратов — Индонезия и Перу. На страны Азии приходится более половины мирового потребления рафинированного олова, в том числе на КНР — 26%, на Японию — 10%. По прогнозу, в 2008 г. потребление олова в мире достигнет 365 тыс. т.

С начала 1990-х гг. Китай стал крупнейшим производителем как оловянных концентратов, так и металлического олова. Емкость внутреннего рынка

многие годы была существенно ниже уровня производства, и страна вела активный экспорт. Именно поставки из Китая стали главной причиной перенасыщенности мирового рынка олова и последовавшего падения цен (2004 г.).

Таблица 7

Запасы и добыча оловянных руд в рамках АТЭС, тыс. т *

Страны	Запасы на начало 2007	Добыча		
		2004	2005	2006
КНР	1700,0	110,0	120,0	100,0
Индонезия	800,0	66,0	80,0	85,0
Перу	710,0	42,0	42,1	42,2
Малайзия	1000,0	3,0	3,0	3,1
Россия	300,0	2,5	3,0	3,4
Австралия	150,0	0,8	2,8	2,0
Таиланд	170,0	0,6	0,6	0,25
Вьетнам	—	4,0	3,5	1,0
Всего АТЭС	4830,0			
Всего в мире	6100,0	264,0	290,0	273,0
Доля АТЭС, %	79,18	87,75	84,69	82,34

* Рассчитано по: БИКИ. 2007. № 63. С.15.

Однако постепенно потребление олова внутри Китая увеличивалось (в 2004 г. возросло на 20%), что повлекло падение экспорта на 13%. Экспортная квота на олово и изделия из него из КНР составляла в 2005 г. 57 тыс. т²¹.

Основной российский производитель олова — ООО «Новосибирский оловянный комбинат». Повышение мировых цен позволило ему уделить внимание развитию и укреплению своей сырьевой базы, однако зависимость от импортного сырья сохраняется. В начале 2005 г. была снята 5-процентная пошлина на импортируемый оловянный концентрат, что позволило комбинату частично решить проблему снабжения сырьем.

Почти 60% цинка сосредоточено в АТЭС, причем более 50% приходится на Китай, Австралию, США и Перу (табл. 8).

Среднемесячная цена цинка на Лондонской бирже металлов составила 3240 долл./т (в 2005 г. — 1382 долл./т), т.е. увеличилась в 2,3 раза (табл. 1).

По данным компании «Brook Hunt», дефицит цинка на мировом рынке увеличился за последние три года втрое. По ее оценке, производство рафинированного цинка в мире в 2006 г. составило около 10,7 млн т, а потребление — примерно 11,3 млн т.²² Запасы на лицензионных складах постоянно снижались, упав к июню 2007 г. до минимального с апреля 1991 г. показателя — 81,5 т.²³

Главная причина дефицита — повышенный спрос в КНР, где потребление цинка возросло при одновременном сокращении его производства из-за энергетических проблем. Рост спроса обусловлен металлургическими предприятиями КНР, производящими оцинкованную сталь для автомобильной промышленности и строительства. К 2010 г. выпуск цинка в Китае может превысить 2,6 млн т, а потребление — 3,6 млн т.²⁴

США — один из крупнейших потребителей цинка и изделий из него. Имеющиеся там мощности по выпуску рафинированного цинка и вторичного ме-

талла покрывают потребности США менее чем на 1/3, что повлекло значительный импорт из сопредельных стран — Канады (61%) и Мексики (16%), хотя ведущими поставщиками руд и концентратов цинка в США в 2000—2004 гг. были Перу и Австралия²⁵.

Таблица 8

Запасы и добыча цинка в рамках АТЭС*

Страны	Запасы на начало 2006, млн т.	Добыча, тыс. т		
		2004	2005	2006
КНР	33,0	1650,0	2300,0	2300,0
Австралия	33,0	1480,0	1300,0	1400,0
Перу	16,0	1250,0	1200,0	1300,0
Канада	11,0	1000,0	790,0	790,0
США	30,0	738,0	739,0	760,0
Мексика	8,0	460,0	460,0	380,0
Всего АТЭС	131,0	6578	6789	6930
Всего в мире	220,0	9010,0	9600,0	10100,0
Доля АТЭС, %	59,5	73,0	70,7	68,6

* Рассчитано по: БИКИ. 2007. № 63. С.14.

Более 60% мировых запасов свинцовых руд сосредоточено в АТЭС (табл. 9).

Таблица 9

Запасы и добыча свинцовых руд в рамках АТЭС*

Страны	Запасы на начало 2007, млн т	Добыча, тыс. т		
		2004	2005	2006
КНР	11,0	950,0	1000,0	1050,0
Австралия	15,0	678,0	776,0	780,0
США	8,1	445,0	426,0	430,0
Перу	3,5	306,0	319,0	320,0
Мексика	1,5	139,0	130,0	140,0
Канада	2,0	77,0	73,0	79,0
Всего АТЭС	41,1	2595,0	2724	2799
Всего в мире	67,0	3150,0	3270,0	3360,0
Доля АТЭС, %	61,3	82,4	83,3	83,3

* Рассчитано по: БИКИ. 2007. № 63. С.12-13.

Основные сферы применения — транспортное машиностроение (выпуск гальванических элементов, топливных баков, припоев, изоляции, подшипников), электротехническая и электронная промышленность, производство телекоммуникационного оборудования, военного снаряжения, защитных покрытий, строительство.

Среднемесячная цена свинца на Лондонской бирже металлов в 2006 г. составила 1124 долл./т — на 15,2% больше, чем годом ранее (табл. 1). Добыча свинцовых руд в АТЭС держалась на уровне 2,8 млн т (83,3% мировой добычи). Мно-

гие потребители в мире стремятся сокращать применение свинца из-за его токсичности, но альтернативы пока что нет, особенно в аккумуляторной промышленности (где потребляется 58% производимого в мире свинца).

КНР по производству рафинированного свинца уже превзошла США, но не может удовлетворить собственное быстро растущее потребление. К тому же в КНР практически отсутствуют внутренние поставки свинцового лома, но растет производство автомобильных аккумуляторов.

В России доля переработки свинцового аккумуляторного лома существенно уступает уровню развитых стран и среднемировому уровню, который составляет почти 50%. Эксперты положительно оценивают перспективы роста добычи свинцовых руд в России, однако целесообразность развития добывающей отрасли, ориентированной на экспорт, ставится под сомнение экологами.

Россия становится равноправным участником Диалога — особенно по алюминию, меди и никелю. С учетом уникальных возможностей доступа к дешевой электроэнергии, российские компании строят планы глобальной экспансии. “Русский алюминий” намерен выйти в лидеры по производству первичного алюминия. Скупая месторождения сырья во всем мире и наращивая собственную генерацию энергии, СУАЛ намерен удвоить выпуск алюминия, одновременно развивая ряд проектов в сфере высоких переделов (прокат, плиты для аэрокосмической промышленности, посуда). В планах российских алюминиевых гигантов — строительство Тайшетского алюминиевого завода, модернизация мощностей Иркутского и Братского алюминиевых заводов, строительство нового алюминиевого завода²⁶.

Почти две трети нашей конечной медной продукции предназначены для экспорта. Налицо ряд конкурентных преимуществ — территориальная близость предприятий разных технологических стадий, дешевая электроэнергия и богатая сопутствующими металлами руда — все это позволяет российским медникам уверенно чувствовать себя на мировом рынке. Однако выгоднее было бы экспортировать медную продукцию более высокого передела. Некоторые подвижки в этом уже есть.

Так, в 2005 г. “Уральская горно-металлургическая компания” полностью прекратила экспорт катодов, заменив их на катанку (заготовка для производства медной проволоки, которая в сравнении с катодами имеет на один технологический передел больше). Впрочем, это вряд ли можно считать серьезным достижением. Катанка де-факто даже не считается разновидностью проката и стоит всего на 5% дороже катодов. Возможности и мощности для увеличения выпуска продукции высоких переделов есть. Хотелось бы надеяться, что целевой нишей для этих предприятий будет рынок АТЭС, на котором принадлежащие двум холдингам прокатные, электротехнические, радиаторные и другие аналогичные заводы займут прочные позиции. Возможно, в перспективе российские холдинги будут поставлять на рынок АТЭС больше продукции пятого передела (первый передел — медь в руде, второй — в концентрате, третий — черновая медь, четвертый — катодная, пятый — производство круглого и плоского проката, медной катанки). Стремление к наращиванию выпуска продукции пятого передела — дело затратное, но если мы хотим экспортировать не сырье, а готовую продукцию, без инвестиций не обойтись. Возможно, что часть этих средств будет получена от участников Диалога по цветным металлам в рамках АТЭС.

Итак, благоприятная конъюнктура рынка цветных металлов, беспрецедентный рост цен на протяжении последних лет — все это делает прогнозы развития отрасли достаточно оптимистичными, что является основой для участия России и других стран в Диалоге АТЭС по цветным металлам.

1. Рассчитано по: The World Factbook 2007. <http://www.cia.gov/cia/publications/factbook.html>.
2. В. Путин Россия и АТЭС: к устойчивому и стабильному развитию Азиатско-Тихоокеанского региона // Российская газета. 2007. 8 сентября. С. 2.
3. <http://www.nvkvist.ru/news/11/2007/525/>.
4. Воробьев А.П. Новые тенденции на мировом рынке цветных металлов // Внешнеэкономический бюллетень. 2005. № 1. С. 39—40.
5. Пики роста цен на сырье практически всегда совпадают с пиками роста мировой экономики: с пиком роста цен на цветные металлы в 1988 г. совпал рост мирового ВВП на 4,7%, в 1997 г. — на 4,2%, а в 2000 г. — на 4,7%. До 2010 г. темпы роста мировой экономики составят в среднем 4—5% в год, т.е. высокие цены на цветные металлы, скорее всего, сохранятся в течение этого времени.
6. Воробьев А.П. Новые тенденции на мировом рынке цветных металлов // Внешнеэкономический бюллетень. 2005. № 1. С. 42.
7. Положение с алюминием в мире и в США // БИКИ. 2005. № 93. С. 14.
8. На рынке меди США // БИКИ. 2007. № 59. С. 15.
9. Кузнецова Г.В. Производство и потребление цветных и благородных металлов в странах АТЭС // БИКИ. 2005. № 66. С. 13.
10. Обзор мирового рынка меди // БИКИ. 2005. № 57/58. С. 18.
11. Байков А. Все металлы на вес золота // Коммерсантъ[рейтинг]. 2006. № 1. С. 81.
12. Кузнецова Г.В. Производство и потребление цветных и благородных металлов в странах АТЭС // БИКИ. 2005. № 66. С. 13.
13. Там же. С. 14.
14. Старых В., Кузнецов Р., Евграфова А. Текущая ситуация и перспективы мирового рынка меди // Национальная металлургия. 2005. № 3. С. 22.
15. В медной промышленности Азии // БИКИ. 2005. № 51. С. 15.
16. В последние 3—4 года администрация Президента США отказалась от политики сильного доллара, которой придерживались ее предшественники, что не могло не сказаться на ценах на отдельные виды сырья, которые не производят в США.
17. Состояние и перспективы мирового и японского рынка никеля // БИКИ. 2007. № 70. С. 15.
18. <http://www.metalinfo.ru>.
19. Новые проекты в мировой никеледобывающей промышленности // БИКИ. 2005. № 77. С. 13.
20. ГКМ “Норильский никель” уступит позиции лидирующего продуцента никеля в результате слияния двух канадских компаний Inco (2-е место в мире) и Falconbridge (4-е место в мире), так как объем производства никеля новой компанией Inco Limited в 2005 г. превысил 273 тыс. т (См.: БИКИ. 2006. № 17. С. 15).
21. Положение в мировой оловянной промышленности // БИКИ. 2005. № 73. С. 13.
22. БИКИ. 2007. № 61—62. С. 27.
23. <http://www.ugmk.info>.
24. На рынке цветных металлов США // БИКИ. 2007. № 63. С. 13.
25. На рынке цинка США // БИКИ. 2005. № 93. С. 13.
26. Столяров Б., Кузнецова О., Николаев А. Регион нарасхват // Эксперт. 2006. № 13. С. 122.

Авиапром Китая — успехи и трудности

© 2007

А. Плотников

Большинство предприятий китайской авиационной промышленности были построены в 1950—60-е гг. при содействии СССР. Китаю были переданы самые передовые на тот момент лицензии на производство авиационной техники, поставлено промышленное оборудование, внедрена советская система управления¹.

Хотя отдельные предприятия отрасли еще продолжают производить узлы, блоки, корпуса и двигатели морально устаревших самолетов, здесь уже осваивается производство авиационных систем, соответствующих мировым стандартам. На юбилейном собрании в честь 55-летия авиапрома страны, состоявшемся в апреле 2006 г., генеральный директор Первой корпорации авиационной промышленности (КАП-1) Лю Гаочжо заявил, что Китай уже вошел в число стран, способных на мировом уровне самостоятельно разрабатывать и изготавливать истребители, бомбардировщики, самолеты-заправщики, самолеты дальнего обнаружения, беспилотные самолеты, вертолеты, летательные аппараты нового типа и двигатели, ракетные снаряды "воздух-воздух"².

Структура отрасли

Организационно китайский авиапром образуют две холдинговые компании: Первая корпорация авиационной промышленности Китая (КАП-1, или China Aviation Industry Corporation — AVIC-I; Чжунго ханкун гунъе дии цзитуань гунсы) и Вторая корпорация авиационной промышленности Китая (КАП-2, или China Aviation Industry Corporation II — AVIC II; Чжунго ханкун гунъе диэр цзитуань гунсы).

Под управлением этих корпораций состоят более 100 промышленных предприятий, 33 научно-исследовательских института, 42 других филиала и института, персонал численностью 450 тыс. чел. В 2005 году их совокупный доход составил около 13 млрд долл. США. Основные предприятия:

Шэньянская самолетостроительная корпорация (двухдвигательные истребители); Чэндуская самолетостроительная корпорация (однодвигательные истребители); Сианьская самолетостроительная корпорация (бомбардировщики и средние транспортные самолеты); Хундуская авиационная промышленная корпорация (штурмовики и учебно-тренировочные самолеты); Шэньсийская самолетостроительная корпорация (средние транспортные самолеты); Харбинская авиационная промышленная корпорация (вертолеты и легкие транспортные са-

Плотников Андрей Николаевич, кандидат экономических наук, заместитель Торгового представителя РФ в КНР.

молеты); Чанхэская авиастроительная корпорация (вертолеты); Гуйчжоуская авиационная промышленная корпорация (учебно-тренировочные самолеты).

Все эти предприятия функционально специализированы, каждое производит отдельные классы военной авиации. Кроме того они выпускают гражданскую продукцию для внутреннего и внешнего рынков — в том числе не имеющую отношения к авиации (автомобили, мотоциклы и пр.).

Из вышеназванных предприятий те, что расположены в Шэньяне, Чэнду, Сиане и Гуйчжоу принадлежат КАП-1, а размещенные в Шэньси, Харбине, Чанхэ и Хунду — к КАП-2.

КАП-1 и КАП-2 были созданы в 1999 г. посредством разделения Китайской корпорации авиационной промышленности, возникшей, в свою очередь, в 1993 г., когда Министерство аэрокосмической промышленности было преобразовано в две корпорации: авиационной промышленности и ракетно-космической. Сегодня КАП-1 производит истребители, бомбардировщики и транспортные самолеты, КАП-2 — штурмовики, вертолеты и транспортные самолеты. Обе корпорации производят самолеты как военного, так и гражданского назначения, а также широкий ассортимент товаров неавиационного назначения, получая от них основную часть своего дохода.

Рыночная ориентация

Совокупный доход КАП-1 за первые 5 лет удвоился, достигнув 44,6 млрд юаней (около 5,4 млрд долл.). Ежегодный прирост составлял примерно 22%. Среди 100 крупнейших аэрокосмических корпораций и компаний мира КАП-1 по своим показателям поднялась с 54 на 31 место. Имея в 1999 г. общие убытки в 320 млн юаней и 12 убыточных предприятий, она сумела к 2004 г. получить прибыль в размере 450 млн юаней, причем число убыточных предприятий сократилось до 4. Доход научно-исследовательских организаций увеличился с 140 до 530 млн юаней. Объем реализованной продукции удвоился. Стоимость производственных фондов возросла на 64%. В целом положительную динамику имела и КАП-2, экономические показатели которой росли за этот период в среднем на 17,4% в год. Ее совокупный доход достиг в 2004 г. 35 млрд юаней³.

Совокупный доход КАП-1 в 2005 г. составил примерно 63 млрд юаней. В среднем на 10% улучшились по сравнению с 2004 г. и экономические показатели КАП-2. Объем промышленной продукции вырос в ней в 2005 г. на 18,2%, экспортные поставки — на 13%. Потребителям было передано 144 самолета и вертолета различных типов⁴.

В 2006 г., когда авиапром Китая отмечал 55-ю годовщину самолетостроения и 50-ю — вертолетостроения, совокупный доход КАП-1 составил 81,5 млрд юаней, прибыль — 3,6 млрд юаней. Объем внешнеэкономических операций достиг 3,55 млрд долл., в том числе экспорт — 1,84 млрд долл. (на 42,6% больше, чем годом ранее). Общая стоимость активов достигла 153,5 млрд юаней⁵. Стоимость валовой продукции КАП-2 в 2006 г. равнялась 44,7 млрд юаней — на 20,3% больше, чем годом ранее. Объем добавленной стоимости увеличился на 17,6%, составив 8,95 млрд юаней. Экспортные поставки достигли 400 млн долл., увеличившись на 52,6%. Выручка от реализации продукции возросла на 19,6%, составив 46,7 млрд юаней. Реальная прибыль — 680 млн юаней (прирост на 39,2%).

В 1997 г., еще до разделения на авиационную и ракетно-космическую корпорации, 80% доходов составляла выручка от продаж неавиационной продукции⁶. В настоящее время корпорация КАП-2 получает доходы преимущест-

венно от производства легковых автомобилей и грузовиков. Делать самолеты — не столь важно для финансовых показателей: 75% доходов КАП-2 получает от автомобильной продукции и только 10% — от авиационной. Так, в 1999 г. эта корпорация продала 184 тыс. автомашин и мотоциклов, в том числе более половины легковых автомобилей, проданных внутри Китая⁷. Такая диверсификация производства присуща не только двум холдинговым корпорациям, но и входящим в их состав звеньям и отдельным предприятиям. Например, Чэндуская самолетостроительная корпорация кроме производства реактивных истребителей выпускает мочные машины и оборудование для производства картонных упаковок⁸. Это противоречит общепринятым (в том числе — на Западе) методам управления, согласно которым фирме надлежит концентрироваться на основной деятельности, а для вторичных областей привлекать третьих лиц или создавать дочерние компании и филиалы⁹. Вовлечение предприятия в неавиационный бизнес (потенциально более выгодный, чем военное производство) может отвлечь внимание и ресурсы от повышения эффективности военного производства.

Преобладание производства гражданской продукции характерно для всех отраслей ВПК Китая. Выступая 8 января 2007 г. на рабочем совещании, председатель Госкомитета КНР по оборонной науке, технике и промышленности (ГК ОНТП) Чжан Юньчуань отметил, что в 2006 г. соотношение производства военной и гражданской продукции на предприятиях отрасли составило 36% к 64%¹⁰.

Глобализация и сдвиги в авиастроении

Многие (хотя и не все) образцы военной авиационной продукции, производимые в Китае, являются устаревшими по мировым стандартам. Некоторые истребители и штурмовики имеют в своей основе советские технологии 1950-х гг. Хотя производство и обслуживание этих самолетов относительно дешево, их тактико-технические характеристики уступают самолетам, производимым в США, России, Европе и Японии, по таким показателям, как скорость, маневренность и вооруженность. Главное, что некоторые из этих самолетов слабо оснащены радиоэлектроникой и современными системами оружия.

Производимые Китаем средние бомбардировщики (также основанные на советских проектах 1950-х гг.) все еще пригодны для боевого применения (например, в качестве носителей крылатых ракет). Но Китай уже производит и более современные авиационные платформы. Так, началось строительство самостоятельно разработанного истребителя-бомбардировщика JH-7, который по своим ТТХ сопоставим с западными и российскими самолетами, находящимися в строю. Налажено производство легкого истребителя J-10, который, как предполагается, будет сопоставим с американским истребителем F-16. Совместно с российскими компаниями Китай производит современный тяжелый истребитель Су-27¹¹.

Шэньянская самолетостроительная корпорация успешно осваивает программу изготовления по российской лицензии истребителей Цзянь-11 (Су-27СК). Разработан авиадвигатель “Тайхан” (WS-10A), представляющий собой вариант российского двигателя АЛ-31.¹² В результате прорыва в технологии производства двигателей удельный вес деталей и технологий китайского производства на самолетах Цзянь-11 с прежних 70—75% возрос более, чем до 90%.

Прошел летные испытания истребитель нового типа “Сяолун”, или FC-1 (совместная разработка Китая и Пакистана) с российским двигателем РД-93. Совместное предприятие Пакистанской авиационной корпорации и Чэнду-

ской самолетостроительной корпорации начинает производство первых 16 истребителей FC-1, из которых 8 будут переданы ВВС Китая, другие 8 — ВВС Пакистана¹³.

Чэндуская самолетостроительная корпорация начала производство истребителя третьего поколения Цзянь-10 китайской разработки, который неоднократно модифицировался. В настоящее время по своей боеспособности истребитель сравним с американским самолетом F-16C/D. На нем устанавливаются авиационные двигатели и средства РЛС как российского, так и китайского производства (Китай закупил 54 двигателя АЛ-31ФН и ведет переговоры о закупке новой партии)¹⁴.

Тренировочный самолет нового поколения “Шаньин” (“Горный орел”) успешно прошел все испытательные полеты в 2003—2004 гг. Намечена сдача его в эксплуатацию в 2007 г. Маневренность, невысокая цена и гибкий учет требований потребителя сулят ему конкурентоспособность на мировом рынке.

Еще один тренировочный самолет нового поколения L-15 разработала Хундуская авиационная промышленная корпорация. Благодаря сотрудничеству с ОАО ОКБ им. А.С. Яковлева данный самолет, оснащенный двумя украинскими авиадвигателями АI-222F, приобрел оптимальный и более усовершенствованный дизайн. 13 марта 2006 г. самолет совершил первый полет¹⁵.

Китай продолжает реализацию программы по разработке системы дальнего радиолокационного дозора и наведения. Самолет ДРЛО, разработанный на базе Ил-76, в настоящее время проходит испытания в Нанкинском центре испытательных полетов. Наблюдатели отмечают наличие двух различных конфигураций систем ДРЛО в Китае. Первый самолет дальнего радиолокационного дозора и наведения ВВС Китая под названием “Синьйюцзин” (“Новое раннее оповещение”) был собран Шэньсийской самолетостроительной корпорацией в 2003 г. Фюзеляж его взят от Ил-76, РЛС разработана 14-м НИИ (г. Нанкин). В планах текущего производства — выпуск 4-х подобных машин¹⁶.

Остается актуальной задача удовлетворения потребности ВВС НОАК в стратегических перевозках. Китай вел переговоры с Украиной о возможности закупки тяжелых транспортных самолетов Ан-124 и Ан-225 “Мрия”, а также с Россией и Узбекистаном — Ил-76¹⁷. КАП-2 планирует в ближайшие годы увеличить инвестиции на развитие самолетов собственной конструкции. В настоящее время она производит две модели грузовых самолетов: Юнь-8 и Юнь-12. Две самостоятельные компании в Шэньси и Харбине будут участвовать в их модернизации. КАП-2 собирается также инвестировать 400 млн юаней на дальнейшую модернизацию самолета Y8F400 путем установки на нем нового двигателя, закупаемого в Канаде. Уже подписано соглашение с компанией “Pratt & Whitney Canada” на их покупку¹⁸. В планах Китая предусмотрено обеспечение выпуска (в ближайшие 5 лет) 20—30 новых самолетов¹⁹.

В области гражданской авиации также достигнуты успехи. Госсовет КНР выделил более 2 млрд юаней для реализации проекта создания крупных самолетов гражданского назначения²⁰. После завершения 4-летнего этапа исследований 31 мая 2006 г. проект создания регионального турбореактивного самолета нового типа ARJ-21 вступил в стадию опытного производства. К концу 2007 г. будет завершена сборка первого экземпляра, в марте 2008 г. он совершит первый полет, в третьем квартале 2009 г. будет сдан в эксплуатацию, а в 2010 г. его ежегодный выпуск достигнет 11 самолетов²¹.

В июне 2004 г. компания “Эрбас” подписала очередное соглашение с КАП-1 стоимостью 100 млн долл. об участии китайских предприятий в произ-

водстве запчастей для крупнейшего в мире самолета А-380. К 2007 г. стоимость поставляемых компонентов достигнет 60 млн долл. против 14,5 млн долл. в 2003 г. Компания “Эрбас” заявила, что с 2010 г. готова довести годовой объем закупки авиационных частей китайского производства до 120 млн долл.²²

Аналогично действует в Китае компания “Боинг”. Она сотрудничает с заводами в Сиане, Чэнду, Шэньяне, Чунцине, Шанхае и Харбине, которые производят для нее различные компоненты. “Боинг” ожидает, что к 2010 г. общие поставки компонентов из Китая достигнут 1,3 млрд долл. против 500 млн долл. в 2004 г.²³

В 2007—2008 гг. Китай поставит зарубежным клиентам в общей сложности 32 пассажирских самолета “Синьчжоу-60”. 8 стран Африки, Азии, Америки и Океании станут обладателями этих 50—60-местных лайнеров.²⁴

На основе анализа тенденций развития мирового вертолетостроения и собственных возможностей Китай наметил общие цели развития отечественного вертолетостроения: в течение ближайших 15 лет сделать отрасль новым стимулом роста отечественной экономики и войти к 2020 г. в число крупнейших разработчиков и производителей вертолетов в мире²⁵.

В рамках осуществляемой в Китае специальной программы по созданию ударных вертолетов Харбинская авиационная промышленная корпорация разработала и испытала военный вертолет Z-9G (Чжи-9G), который приспособлен для ведения боевых действий в ночное время и при любой погоде. Кроме того, компания разработала 14-местный гражданский вертолет H425, который эквивалентен ЕС 155В производства компании “Eurocopter”. Начата также сборка вертолетов ЕС 120, первый из которых сошел с конвейера в конце 2004 г. При этом Харбинская компания изготавливает все фюзеляжи и хвостовые секции, надеясь выйти на показатель 100 продаж в год. В качестве эксклюзивного поставщика она готовится к производству фюзеляжей для вертолетов Bell 430²⁶.

Основными разработками Чанхэской авиастроительной корпорации в области вертолетостроения являются: 13-тонный транспортный вертолет Z-8 (Чжи-8) и его модификации, 2-тонный вертолет двойного назначения Z-11 (Чжи-11), а также хвостовые секции для вертолета S-92 американской компании “Sikorsky”, имеющего грузоподъемность около 11 тонн и рассчитанного на 11 пассажиров. На базе вертолета Чжи-8А успешно прошла испытания в ночных условиях его новая модификация Чжи-8F двойного назначения²⁷.

Многофункциональный легкий вертолет Чжи-11 — совместная разработка и интеллектуальная собственность Чанхэской авиастроительной корпорации и Китайского НИИ вертолетного проектирования (№ 602). Вертолет отвечает стандартам военного и гражданского назначения, прошел проверку в Китайском управлении авиационной сертификации и допущен на рынок в качестве гражданского вертолета Чжи-11MB1. На нем установлен двигатель французского производства фирмы “Turbomeca”. На завод для вертолета Чжи-11 также поступают двигатели 250-C20 и коробки передач Soloу в соответствии с соглашением с компанией “Роллс-Ройс”, подписанным на авиационной выставке в Париже в 2003 году²⁸.

В сентябре 2004 г. компания “Eurocopter” согласилась на создание совместно с КАП-2 нового вертолета для мирового рынка, что будет дополнено существующей производственной линией “Eurocopter”. Материнская компания “Eurocopter” — корпорация EADS приобрела 5% акций гонконгской компании “AviChina,” торгового холдинга КАП-2 для коммерческих операций²⁹.

Компания “MD Helicopters” и Хундуская авиационная промышленная корпорация на их совместном предприятии реализовывают проект по оконча-

тельной сборке в г. Наньчане MD600N для реализации на внутреннем рынке — самых скоростных и маневренных вертолетов общего назначения.

Чанхэская авиастроительная корпорация подписала с итальянским производителем “Agusta” контракт на создание совместного предприятия для производства вертолетов в Китае. В соответствии с соглашением “Agusta” перенесет в Китай всю свою деятельность, связанную с производством одного из самых передовых в мире на сегодняшний день легких вертолетов А109Е с двумя двигателями. В ближайшие 10 лет новое совместное предприятие произведет для китайского рынка 100—150 машин. Кроме того, Чанхэская корпорация получила право на производство комплектующих для вертолетов данного семейства. “Agusta” должна будет получить из Китая 290 различных узлов для фюзеляжа вертолета А109³⁰.

КАП-2 ведет разработку 6-тонного среднего гражданского вертолета, который по своему дизайну похож на вертолет “Agusta/Bell АВ139” канадской компании “Pratt & Whitney”. Потребность китайского рынка к 2015 г. оценивается в 253—380 подобных машин.

Проблемы “догоняющего”

Как и в других отраслях ВПК, прогресс в авиационной промышленности Китая неоднозначен. Так, сохраняются большие пробелы в сферах НИОКР и производственных способностей, которые не могут быть быстро заполнены. В частности, Китай не производит тяжелых бомбардировщиков дальнего действия, современных истребителей-бомбардировщиков типа F-15Е или Су-30, реактивных транспортных самолетов, самолетов по технологии “Стелс”, боевых вертолетов. Все программы развития, предназначенные для заполнения этих пустот, — еще в стадии формирования.

Значительная доля прогресса китайского авиапрома стала результатом “принципа опоздавшего” благодаря доступу к передовым иностранным авиационным проектам и технологиям, уже разработанным к этому времени за рубежом. Китай в состоянии приобрести такие технологии быстрее и дешевле, чем если бы разрабатывал сам. Однако многие иностранные компании не склонны давать ему свои основные технологии, особенно те, что напрямую связаны с военным применением. Россия и Израиль обеспечивают Китай современными технологиями для военной авиации, а западные фирмы (такие как Boeing, Airbus, GE, Pratt & Whitney, Rolls-Royce) передают Китаю все более сложные производственные технологии в области гражданской авиации. Но когда способности китайского авиапрома начнут приближаться к мировому уровню, дальнейшее совершенствование его авиатехники будет зависеть от собственных возможностей технологической инновации.

Китайский авиапром стоит перед множеством вызовов. Многие талантливые специалисты ушли из государственных авиационных предприятий, расположенных во внутренних районах страны, в частные компании или предприятия с иностранными инвестициями в прибрежных регионах Китая, а недавние выпускники ВУЗов все чаще отказываются работать в отдаленных регионах на низкооплачиваемых местах. Конкуренция в отрасли как среди производителей планеров и двигателей, так и среди поставщиков комплектующих частей, все еще является ограниченной и управляется государством.

1. Плотников А.Н. Историко-экономический анализ развития российско-китайского военно-технического сотрудничества // "Современная экономика", 2005. № 5. Прил. к журн. "Экономические науки", Вып.2.
2. Свыше 90% военных самолетов Китая разработаны и изготовлены самостоятельно // Жэньминь жибао. 2006. 18 апр.
3. Всестороннее и гармоничное развитие оборонной науки, техники и промышленности Китая в 2004 г. // Китайский информационный Интернет-центр. 2005. 4 февр.
4. Агентство Синьхуа. 2006. 10 янв.
5. AVIC I: Bigger and More Powerful // International Aviation 2007. № 2.
6. Medeiros Evan S. [et al.]. A new direction for China's defense industry/RAND Project Air Force, 2005 // URL.— <http://www.rand.org/>.
7. China Company to Export 200 Planes in Next 5 Years // Xinhua, 2000. January 10.
8. Xu Zeliang. Yi "Yalingxing" Moshi Zouxiang Shichang. [Использование "гантельной" модели для выхода на рынок] // Guofang keji gongye (Defense Science and Technology Industry), 2002. No. 1.
9. Porter M. Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors. New York: Free Press, 1980.
10. Агентство Синьхуа. 2007. 9 янв.
11. AVIC II's New Goals // International Aviation 2007. № 2.
12. Китай разработал новый авиационный двигатель // Цанькао сяси. 2006. 19 авг.
13. Плотников А.Н. Достижения китайского ВПК в области разработки и производства современного вооружения и военной техники // Военная наука и оборонная политика. 2005. № 1.
14. Там же.
15. Там же. С. 13.
16. НОАК скоро получит новый самолет ДРЛО. (кит.) // Цанькао сяси, 18.10.2004.
17. Jane's Defence Weekly. 2004. 29 окт.
18. Китайский многофункциональный самолет семейства Юнь-8. // Чжунго ханкун бао. 2004. 14 дек.
19. Цзефанцзюнь бао. 2005. 4 мая.
20. China's ARJ21 Regional Jet Advances // International Aviation, 2004. 1 нояб. P.18.
21. Создание китайского ближнемагистрального реактивного самолета вступило в стадию опытного производства. // Агентство Синьхуа, 2006. 1 июня.
22. Чжунго ханкун бао. 2004 28 окт.
23. China Daily. 2004. 21 окт.
24. Китай скоро поставит зарубежным клиентам 32 самолета "Синьчжоу-60" // Агентство Синьхуа. 2006. 31 окт.
25. Китай: перспективы развития авиационной промышленности. — www.ChinaPRO.ru, 1.11.2006.
26. China Daily. 2003. 21 нояб.
27. Civil Helicopters in China // International Aviation. 2004. N 5. P 38—39.
28. Плотников А.Н. Указ. соч.
29. Чжунго ханкунбао. 2004. 28 окт.
30. Helicopter-making JV in the pipeline // China Daily. 2004. 3 нояб.

Китай и Япония: партнеры и конкуренты в Восточной Азии

© 2007

М. Потапов

Экономический рост и усиление политического влияния Китая в мире за последние три десятилетия создали реальную конкуренцию Японии в регионе Восточной Азии. Теперь и Китай, и Япония являются ключевыми игроками на восточноазиатском пространстве. Между собой они выступают и партнерами, и конкурентами. От их взаимодействия в решающей степени зависит ход экономической интеграции в регионе.

Тесные торгово-экономические связи между КНР и Японией сформировали естественную экономическую взаимозависимость двух стран. Обе страны используют ее как для взаимной выгоды, так и в целях обеспечения собственной экономической безопасности. Однако такая формула работает только в случае сбалансированности экономических отношений. Если отношения не сбалансированы, то нарастают взаимные противоречия. Именно такая ситуация, на наш взгляд, ныне складывается в торгово-экономических отношениях между КНР и Японией. Оставим за скобками политические факторы и сосредоточимся на экономическом комплексе проблем.

Двустороннее экономическое сотрудничество

Известна общая формула состояния нынешних взаимоотношений КНР и Японии: "в политике — холодно, в экономике — горячо". Подчеркивается тем самым интенсивность и глубина торгово-экономических связей в отличие от политических контактов. Напомним, что *взаимная торговля* Китая с Японией развивалась с конца 70-х годов по настоящее время поступательно, хотя и неравномерно: ее объемы снижались в середине 80-х гг., в начале и конце 90-х гг. (см. табл.). В 1987 г. Япония уступила первое место Гонконгу в списке торговых партнеров КНР, а Китай в свою очередь скатился со второй на пятую позицию среди японских торговых партнеров. Сокращение торговли в тот период было вызвано насыщенностью китайского рынка машин и оборудования, частыми случаями их технологической несовместимости с национальной промышленностью, ограниченностью экспортных ресурсов Китая (топливно-сырьевых и товаров широкого потребления), неразвитостью совместного предпринимательства.

Середина 90-х годов стала периодом бурного роста китайско-японской торговли, связанного с активизацией совместного предпринимательства, предоставлением японских кредитов под развитие инфраструктуры в КНР. Сотрудничество с Японией имело для КНР особую важность в деле содействия модернизации экономики с помощью привлечения японских технологий, капиталов, управленческого опыта. В 1993 г. Япония вернула себе первое место среди торго-

вых партнеров КНР. К 1996 г. торговый оборот двух стран, по китайским данным, достиг 60,1 млрд долл., составив более 20% общего объема внешней торговли КНР. Торможение роста взаимной торговли в конце 90-х годов было связано с азиатским финансовым кризисом 1997—1998 гг., но в нынешнем столетии товарооборот вновь стал неуклонно расти.

Таблица

Динамика китайско-японской торговли (1978—2006 гг.) (млрд долл.)

Годы	Оборот	Экспорт КНР	Импорт КНР	Доля оборота во внешней торговле КНР, %
1978	4,8	1,7	3,1	23,4
1984	12,7	5,4	7,4	23,8
1987	16,5	6,4	10,1	19,9
1990	16,6	9,0	7,6	14,4
1993	39,0	15,8	23,2	19,9
1996	60,1	30,9	29,2	20,7
1998	58,0	29,7	28,3	17,9
2000	83,1	41,6	41,5	17,6
2001	87,9	45,1	42,8	17,2
2002	101,9	48,5	53,5	16,4
2003	133,6	59,4	74,2	15,7
2004	167,9	73,5	94,4	14,5
2005	184,5	84,0	100,5	13,3
2006	207,5	91,3	116,2	11,8

Источники: Чжунго тунцзи няньцзянь... (1998—2004). (Статистический ежегодник Китая). Пекин: Чжунго тунцзи чубаньшэ, 1998—2004; данные китайской таможенной статистики (www.customs.gov.cn).

Однако в настоящее время, по нашим оценкам, в китайско-японском экономическом взаимодействии проявляется определенный крен. Япония становится более зависимой от китайского рынка, чем Китай от японского. Для Японии Китай сегодня стал главным торговым партнером, на долю которого приходится почти 20% японского внешнеторгового оборота. Доля Китая в общем объеме внешней торговли Японии поступательно растет: с 9,1% в 1999 г. до 16,3% в 2004 г.¹ В то же самое время в китайской внешней торговле Япония опустилась на третье место, уступив ЕС и США. Следует отметить, что доля Японии во внешней торговле КНР неуклонно снижается в 1996 г. с 21% до 12% в 2006 г. (см. табл.)

Китай из Японии получает машины, оборудование и транспортные средства (автомобили, продукцию электронной и химической промышленности, стальной прокат), а также комплектующие детали и узлы, которые после сборки на совместных китайско-японских предприятиях в КНР в готовом виде экспортируются на западные рынки и обратно в Японию, где конкурируют с аналогичной японской продукцией. Это относится главным образом к продукции электронной и телекоммуникационной промышленности. Такая схема присуща половине торгового оборота двух стран. При этом для японских компаний продолжает действовать разрешительный порядок по вывозу технологии за рубеж. Япония не желает улучшать условия ее передачи и стремится организовывать в Китае сборку из своих узлов и компонентов в средне- и низкотехнологичных отраслях в целях сохранения технологической зависимости китайской промышленности от своих комплектующих и недопущения усиления конкуренции на мировом рынке.

Япония из Китая получает относительно дешевые потребительские товары массового спроса: одежду, обувь, текстиль, продукцию высокотехнологических от-

раслей, связанных с производством электронного оборудования, информационно-коммуникационных средств, электроприборов промышленного и бытового назначения и т.д. Половина объема импорта, отметим, представляет собой продукцию совместных предприятий двух стран, действующих на территории Китая.

Не слишком оптимистично выглядит положение в области китайско-японского совместного предпринимательства. Японские инвестиции в Китае (их накоплено более 50 млрд долл.) по своему объему уступают инвестициям из США и Гонконга, и их доля в КНР относительно снижается. Отставание в части вложений японского предпринимательского капитала в китайскую экономику в 80-х годах объяснялось отсутствием долговременных соглашений по гарантиям инвестиций², отменой Китаем крупных контрактов по закупке японского комплектного оборудования в конце 70-х — начале 80-х гг., историческим фактором (памятью о военных преступлениях японского милитаризма в Китае в годы Второй мировой войны). Исходя из этого, Япония делала ставку на налаживание кредитного механизма сотрудничества как необходимой базы для последующего привлечения прямых инвестиций.

Оживление совместного предпринимательства в 90-х годах было тесно связано с шагами китайского руководства по либерализации инвестиционного климата, а также с политикой Японии по государственному стимулированию капиталовложений. Сыграла свою роль и тенденция переноса японских производственных линий в Китай в связи с сокращением японского экспорта при сохранении имеющих производств в Гонконге и на Тайване. Коренным образом изменился и характер совместных предприятий: от трудоемких узкоспециализированных сборочных производств с низкой долей добавочной стоимости, преобладавших в 80-х годах, — к технологичным предприятиям в электротехнической, химической, автомобилестроительной отраслях промышленности с более высокой долей добавленной стоимости. Свыше трети производства китайско-японских СП уже к середине 90-х годов было ориентировано на японский рынок. Совместное предпринимательство с емким китайским рынком стало для обеих стран хорошим средством стимулирования взаимной торговли.

Среди крупнейших японских транснациональных корпораций (ТНК), вышедших в этот период на китайский рынок, можно выделить “Мацусита” (производство бытовой электроники), “Сони” (производство портативных магнитофонов и видеомагнитофонов, цифрового телефонного оборудования), “Хитати” (производство телевизоров и другой бытовой электроники). В целом к середине 80-х годов более 35-ти японских ТНК, входящих в список ста крупнейших в мире, внедрили на китайский рынок³. Проникновение крупного японского бизнеса в китайскую экономику положительно влияло на улучшение условий технологического импорта в КНР. Подчеркнем, однако, что темпы притока японского капитала в Китай в нынешнем десятилетии имеют тенденцию к снижению.

Другое направление экономического сотрудничества — *кредитная помощь* Японии Китаю по линии официальной помощи развитию — также уменьшается, фокусируясь главным образом на экологических проектах. Общий объем предоставленных Японией льготных (под 2,3—3,5% годовых) долгосрочных (сроком 30 лет) иенных кредитов с десятилетним льготным периодом на развитие сельского хозяйства, ирригации, электроэнергетики, транспорта, связи составил за 1979—2005 гг. 3 133,1 млрд иен или около 25 млрд долл. в пересчете на момент заключения соглашений. Объем безвозмездной помощи достиг к 2005 г. 145,7 млрд иен⁴. Япония координирует их выдачу со своей помощью странам АСЕАН, а также с кредитованием Китая США и странами ЕС. Отличительной особенностью иенных займов является их тесная связь с ответными товарными закупками из Японии, а также жесткие рамки их использования.

Несмотря на внушительные объемы японского кредитования по межправительственной линии, Китай выступает за его сохранение, акцентируя внимание своих партнеров на низком показателе кредитной массы в расчете на душу населения, указывает на потребности его экономики в привлечении ссудного капитала в отрасли энергетики, транспорта, связи, экологии, инфраструктуры в целом. Особо подчеркивается значимость освоения западных районов страны, к которым относится большинство объектов последних кредитных соглашений.

Япония в свою очередь настроена свернуть кредитование Китая по межправительственным каналам, исходя из потребностей своей экономики, а также пытаясь сдержать быстрый рост китайского экономического и военного потенциала. Судя по всему, начиная с 2008 г. Япония прекратит льготное иенное кредитование Китая. Сокращается и экспортное кредитование КНР Экспортно-импортным банком Японии, в последнее время оно идет главным образом на освоение угольных и нефтяных месторождений в КНР. В Японии распространено мнение: «зачем помогать Китаю, если он уже и так силен». Так, по общему объему внешней торговли Китай в 2004 г. превзошел Японию и вышел на третье место в мире, уступая лишь США и ФРГ. По размеру ВВП Япония пока опережает Китай, однако динамика их экономического роста такова, что к 2012 г. Китай вполне может обойти Японию по этому показателю.

Итак, можно сделать вывод, что для Японии сейчас важнее китайский рынок, чем для Китая — японский (об этом свидетельствует и торговый дефицит у Японии с КНР). Япония, превосходя Китай по валовому и среднедушевому объемам ВВП, уже уступает ему по производству отдельных видов товаров. Продукция совместных китайско-японских предприятий, действующих на японском рынке, конкурирует с японской продукцией в Японии и на рынках третьих стран, увеличиваются товарные поставки из Китая в Японию. В целом Китай выступает в роли важнейшей перерабатывающей и реэкспортной базы японской сборочной продукции на ее пути на мировые рынки. К этому можно добавить неуклонно растущую последнее время конкуренцию между Японией и КНР за закупки энергоносителей и приобретение энергетических активов в странах Ближнего Востока, в Азии и России.

Экономическое соперничество в Восточной Азии

Одновременно в Восточной Азии обостряется китайско-японское соперничество за экономическое и политическое влияние в регионе. В сфере торговли Китай поступательно увеличивает импорт из стран Восточной Азии, который составляет уже более половины общего импорта КНР (51% в 2004 г.). Импортная продукция идет главным образом на переработку и сборку готовой продукции с ее дальнейшим продвижением на рынки западных государств. Растут и товарные закупки Китаем из соседних по региону стран, чтобы погасить недовольство последних вытеснением их продукции в Европе и США китайскими товарами. Экспорт Китая в государства Восточной Азии относительно невелик и к тому же падает. В настоящее время он составляет четвертую часть общего экспорта КНР (26% в 2004 г.) и уступает поставкам КНР в страны ЕС и США. Японская торговля с восточноазиатскими странами более сбалансирована и постепенно растет. На ее региональный экспорт и импорт приходится, соответственно, 41% и 44% от общего показателя.

Вместе с тем в последнее время заметно растет инвестиционная привлекательность КНР для Восточной Азии по сравнению с Японией. На восточноазиатские страны приходится две трети объема поступающих в Китай иностранных инвестиций и лишь 5% — в Японию. Экспорт японских инвестиций в страны региона также более чем скромнен и не превышает 20% общего вывоза капитала из Японии⁵.

Соперничество и взаимодействие Токио и Пекина проявляется в их отношениях с АСЕАН по продвижению взаимной экономической интеграции. Япония, а объемы ее торговли с АСЕАН в два раза больше торговли АСЕАН с Китаем, делает ставку на увеличение кредитно-финансовой помощи правительствам стран АСЕАН в развитии инфраструктурных проектов, людских ресурсов и “экономики знаний”. Заключение Японией соглашения о зоне свободной торговли (ЗСТ) с Сингапуром в 2002 г. можно рассматривать как подготовку к формированию Японией группировки с АСЕАН. При этом следует заметить, что на пути к реализации этого замысла необходимо будет ослабить или даже снять защиту ряда чувствительных для Японии отраслей, прежде всего сельского хозяйства (пока эта отрасль, к примеру, не входит в сферу ее ЗСТ с Сингапуром).

Вместе с тем, несмотря на улучшение в начале нового столетия отношений между АСЕАН и КНР, Китай по-прежнему воспринимается странами АСЕАН как сверхдержава, ставящая своей целью включить ЮВА в сферу своего влияния. Поэтому региональные лидеры рассматривают Токио в качестве своего рода балансира Китаю, который позволяет АСЕАН, с одной стороны, сдерживать Китай, а с другой — играть на соревновании Токио и Пекина за лидерство в отношениях с АСЕАН. В асеановских столицах не без оснований полагают: куда идет Китай, туда пойдет и Япония. При этом она будет стараться превзойти китайского конкурента по всем направлениям.

Соревнование в треугольнике Китай — Япония — АСЕАН идет и по вектору АСЕАН — Китай за японские капиталовложения. Сегодня соотношение японских прямых инвестиций в Китай и АСЕАН — 9:1, тогда как десять лет назад ситуация была прямо противоположной. Укрепляя экономическое взаимодействие с КНР, АСЕАН, в числе прочего, стремится компенсировать произошедший в 90-е годы многомиллиардный отток японского капитала из АСЕАН в Китай. В целом, представляется, что именно продвижение по двум векторам — “АСЕАН — Китай” и “АСЕАН — Япония” станет реальным направлением углубления интеграционных процессов в Восточной Азии⁶.

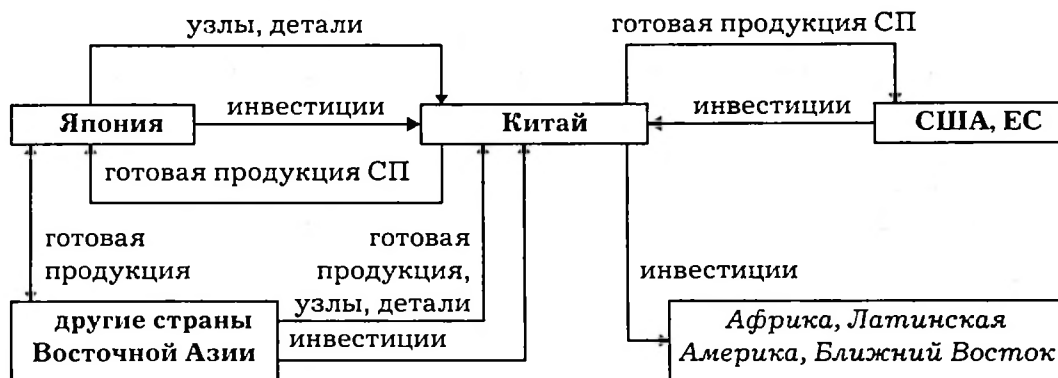
Наши выводы в отношении экономических позиций КНР и Японии в регионе Восточной Азии сводятся к тому, что в сфере торговли Япония занимает более существенную нишу, однако в области инвестиционного взаимодействия место и роль Китая в регионе за последние годы заметно усилились. Речь идет не только и не столько о вывозе капитала. По этому показателю, по данным ЮНКТАД, Япония опережает Китай: прирост накопленных прямых инвестиций за рубежом в 2001—2005 гг. у Японии составил 108,1 млрд долл., а у КНР — 18,5 млрд долл.⁷ Правда, если учитывать экспорт капитала в Восточную Азию, то разрыв между данными показателями существенно меньше (у Японии, повторим, на регион приходится не более 20% общего вывоза капитала). А вот что касается привлечения инвестиций, то тут Китай явно превосходит Японию как по общему объему (прирост накопленных за 2001—2005 гг. прямых инвестиций, соответственно, составил 124,5 млрд долл. и 50,6 млрд долл.)⁸, так и особенно по восточноазиатскому региону, на который, отметим, у КНР приходится по меньшей мере две трети общего объема привлеченных инвестиций, а у Японии — лишь 5%.

В целом создается впечатление, что Китай в Восточной Азии ведет себя более напористо и активно, сокращая экономическую дистанцию с Японией и опережая ее по числу интеграционных инициатив. После своих успехов в деле преодоления последствий азиатского финансового кризиса (1997—1998 гг.) КНР активно лоббирует соглашения по зонам свободной торговли с АСЕАН и отдельными странами региона. Пекин удачно демонстрирует перед восточноазиатскими странами свои преимущества по сравнению с Японией: гигантский, достаточно открытый внутренний рынок, способный как поглощать товары и инвестиции, так и поставлять конкурентоспособную трудоемкую и техникоемкую продукцию

и инвестировать в сопредельные страны. В результате Китай стягивает региональные торговые и инвестиционные потоки и удачно направляет их на западные рынки, включая Японию (см. рис.). Япония же пока не открыла в достаточной степени свой рынок, как для товаров, так и для инвестиций из стран региона.

Рисунок

Примерная схема мировых торгово-инвестиционных потоков с участием КНР и Японии (начало XXI в.)

Роль Японии в Восточной Азии относительно снижается, хотя ее торговля с АСЕАН больше, чем у Китая. В результате Япония вынуждена догонять Китай, предлагая свои проекты соглашений с АСЕАН, Республикой Корея, КНР, но пока отстает по степени открытости своего рынка. Для того чтобы сохранить свои экономические позиции в регионе Японии необходимо обеспечить более высокий технологический и наукоемкий уровень своей экономики и внешнеэкономических связей, включая расширение прямых экспортных поставок на западные рынки и открытие своего рынка для товаров, услуг и капиталов. И на этой основе — реализации идеи “АСЕАН+3 (Япония, Китай, Республика Корея)” в качестве фундамента восточноазиатской экономической безопасности вместо формирующегося де-факто при китайском доминировании формата “АСЕАН+Китай”. В отношении импорта энергоносителей Японии не избежать взаимной координации по этому направлению как с другими импортерами (Китаем), так и с основными поставщиками, такими как Россия, Индонезия, Бруней.

* * *

В целом характер китайско-японских торгово-экономических отношений позволяет говорить о том, что они имеют неплохие перспективы развития. Этому благоприятствуют фактор географической близости, длительные тесные исторические и культурные связи, достаточно надежная политическая основа взаимоотношений. Сохраняется пока и определенная взаимодополняемость экономик двух стран: передовая научно-техническая база, управленческий опыт Японии сочетаются с наличием природных ресурсов и избытком рабочей силы в КНР. Однако нарастающий дисбаланс в экономической взаимозависимости Китая и Японии заставляет с некоторым скептицизмом и осторожностью смотреть на будущее интеграционного взаимодействия сторон. Политические и исторические проблемы, существующие между Токио и Пекином еще долгое время будут играть существенную негативную роль в процессе полномасштабной экономической интеграции двух стран.

К настоящему времени в восточноазиатском регионе схема “стаи летящих гусей во главе с Японией” сменилась на двухполюсную модель экономической интеграции с участием Японии и КНР. Причем впервые в истории и Япония, и Китай одновременно выступают как экономически сильные державы. Япония, оставаясь лидером региона в производстве и экспорте товаров с высокой добавленной стоимостью, последние годы явно уступает Китаю по темпам экономического роста, разрыв в уровне их экономического развития стремительно сокращается. Отсюда и роль Японии в регионе имеет тенденцию к снижению. Китай же наращивает поставки за рубеж не только трудоемкой, но и наукоемкой продукции, расширяет масштабы инвестирования в странах региона, инициирует переговоры по интеграционным вопросам, объективно усиливает свои позиции и роль в Восточной Азии.

Таким образом, несмотря на имеющийся солидный экономический, финансовый и технологический потенциал, роль и место Японии в экономике региона, особенно в среднесрочной и долгосрочной перспективе, будет снижаться по мере роста качественных показателей экономики КНР. Это позволяет прогнозировать усиление экономической конкуренции и соперничества между КНР и Японией.

Очевидно также, что по мере наращивания экономического и военного потенциала КНР будет расширяться и поле взаимных китайско-японских противоречий, затрагивающих, к примеру, оценку роли Японии во второй мировой войне и исторического опыта взаимоотношений двух стран, тайваньский фактор, территориальные споры, модернизацию китайских вооруженных сил, проведение ядерных испытаний в КНР и т.д. Однако эти противоречия, по нашему убеждению, не смогут воспрепятствовать поступательному развитию двусторонних экономических связей. Китайско-японские отношения останутся важнейшим фактором во внешнеэкономической политике Пекина и Токио, влияющим на политическую и экономическую ситуацию в регионе.

При этом особо отметим, что динамика китайско-японских отношений, роль Китая и Японии в регионе и мире, ход процессов экономической интеграции в Восточной Азии с участием этих двух стран имеют ключевое значение для России в деле реализации ее внешнеэкономической и внешнеполитической стратегии на восточном направлении.

1. Жэньминь жибао. 2004. 24 дек.
2. Так, двустороннее соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций было заключено только в 1989 г., а соглашение об избежании двойного налогообложения — в 1988 г.
3. Гоцзи цзинмао сяси. 1996. 21 нояб.
4. Китайская Народная Республика в 2006 г.: политика, экономика, культура. М.: ИДВ РАН, 2007. С. 269.
5. Эти и другие, более подробные показатели торговли и инвестиций КНР и Японии в Восточной Азии см.: Рогожин А.А. Экономическое сотрудничество в Восточной Азии: основные направления, динамика, масштабы // Восточная Азия: между регионализмом и глобализмом/Отв.ред Г.И. Чуфрин. М.: Наука, 2004. С. 96—108.
6. Подробнее о перспективах интеграционных экономических процессов в Восточной Азии см.: Потапов М.А. Куда идет экономическая интеграция в Восточной Азии? // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 9. С. 59—73.
7. World Investment Report-2006. N.Y.;Geneva: UNCTAD. 2006. P. 303, 305.
8. Ibid.

Бурное развитие австралийско-китайских экономических отношений

© 2007

В. Архипов

Происходящий вот уже в течение нескольких десятилетий мощный подъем экономики Китая оказывает серьезное воздействие на экономическое развитие многих стран. Среди них совершенно особое место занимает Австралия, хозяйственные связи которой с Китаем, особенно в последнее десятилетие, приобрели для обеих стран поистине стратегическое значение. Понятно, что в основе важных сдвигов в этих контактах лежит высокая взаимная заинтересованность.

Чтобы перейти к освещению этого вопроса, необходимо охарактеризовать то, что представляет собой Австралия как государство, и прежде всего, каковы особенности и перспективы ее хозяйства.

Это тем более важно, что в нашей стране мало знают и, к сожалению, до сих пор мало интересовались тем, что представляет собой Австралия как страна и как развивается ее экономика^{*}.

Австралия — шестая по размерам территории на земном шаре (7,7 млн кв. км), ее население превышает 20,7 млн человек. Это — стабильное, демократическое государство с многонациональным обществом, состоящим из сравнительно небольшого коренного населения (аборигенов) и мигрантов разных времен из почти 200 стран.

Экономика современной Австралии отличается высокой конкурентоспособностью, открытостью и гибкостью. Успешные результаты хозяйствования — следствие эффективного управления и постоянных структурных реформ. Уверенный экономический рост на протяжении последних 10—15 лет сопровождается низкой инфляцией, низкими процентными ставками и постоянно растущей производительностью труда.

В стране успешно внедряются достижения научно-технической революции, она располагает развитым наукоемким производством и передовым машиностроением. По числу компьютеров на 1000 человек населения (480) Австралия занимает второе место в мире после США¹.

Архипов Всеволод Яковлевич, профессор, д.э.н., главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.

* В течение ряда десятилетий в России не выходили в свет работы, касающиеся состояния и особенностей австралийского хозяйства. Исключением, пожалуй, была попытка автора этой статьи смягчить имеющийся дефицит информации изданием книги «Австралия в мировой экономике», опубликованной в декабре 2005 г. издательством «Восточная литература».

Вопрос в том, как Австралия, являвшаяся до Второй мировой войны аграрной страной, смогла сделать мощный рывок в сторону развития высоко дифференцированной обрабатывающей и особенно горнодобывающей промышленности, сохранив и значительно подняв при этом уровень своего почти всегда процветающего сельского хозяйства.

Ответ на этот вопрос не может быть однозначным, поскольку имеется много причин, которые сделали Австралию одной из наиболее успешных стран мира. Согласно рейтингу ООН 2006 г. по вопросу о том, "где лучше всего жить в мире", Австралии принадлежит третье место. В рейтинг вошли такие жизненно важные индикаторы, как уровень заработной платы, жилищные условия, масштабы и качество обучения, состояние здравоохранения, экологическая обстановка.

На наш взгляд, исключительно большие достижения Австралии в социально-экономической сфере проистекают главным образом из весьма активного и эффективного стимулирования с помощью самых разнообразных мер развития частного предпринимательства во всех отраслях национального хозяйства, ориентированных как на внутренний, так и особенно на внешний рынок.

В результате сложились тесные экономические связи Австралии с внешним миром, играющие огромную роль в подъеме ее хозяйства и благосостояния населения. Эти связи охватывают взаимную торговлю и инвестиции, разнообразные услуги, включая туризм, обучение сотен тысяч иностранцев в австралийских университетах и колледжах, а также другие формы сотрудничества.

Громадным преимуществом Австралии является обладание весьма значительным научно-производственным потенциалом. В частности, благодаря этому страна быстро превратилась в постиндустриальное общество, успешно внедряющее самые последние достижения научно-технической революции, обладающее развитым наукоемким производством, передовым машиностроением, авиакосмической промышленностью. В Австралии широко используются новейшие информационные технологии и системы связи, включая оптиковолокно и спутниковую, компьютерные сети.

Страна располагает значительными квалифицированными кадрами. Многие менеджеры и технический персонал обладают опытом работы за границей. Почти половина работающих имеет дипломы различных учебных заведений, в том числе университетов. Хорошие познания в области науки и инноваций привели к появлению в стране значительного слоя научных работников, пользующихся международным признанием.

Среди причин, способствующих экономическому развитию Австралии вообще и диверсификации ее промышленности как обрабатывающей, так и добывающей, равно как и достижению высокой степени интеграции в мировое хозяйство, являются и систематически возрастающие громадные инвестиции иностранного капитала, на конец декабря 2006 г. превысившие 1 триллион 400 млрд долл.²

Ряд других факторов обеспечивает проведение обширных преобразований в австралийской экономике. Здесь особую значимость имеет поразительное богатство страны минеральными ресурсами, благодаря которым Австралия зачастую именуется "кладовой мира". Она обладает крупнейшими на земном шаре запасами урана (30%) и уступает только Канаде по размерам его добычи и экспорта³. Второе место в мире (после Южной Африки) Австралия занимает по добыче золота⁴. Ей принадлежит также второе место по запасам железной руды, причем очень высокого качества. Австралия — крупнейший в мире экспортер каменного угля⁵. По запасам природного газа она занимает второе место в Ази-

атско-Тихоокеанском регионе⁶. Австралия входит в пятерку наиболее крупных мировых производителей цинка и свинца. Очень велики запасы в стране никеля, меди, титановой руды, алмазов. Резкий рост в последние годы цен на мировом рынке на минералы и возросший уровень их добычи в Австралии принесли ей много-миллиардные валютные доходы.

Совокупность действия вышеперечисленных и некоторых других факторов обусловила то, что Австралия уже с конца прошлого столетия по многим признаками уверенно вошла в ряд экономически высокоразвитых государств мира. Спектр сложившихся отраслей обрабатывающей промышленности весьма широк: от продуктов питания и модной одежды, электроники и предметов домашнего обихода до сложнейших изделий точного приборостроения и современных комплексов для нефтеперерабатывающей промышленности и производства пластмасс. Наиболее развитыми отраслями являются машиностроение (автомобилестроение, станкостроение, локомотивостроение и судостроение), электротехническое производство, химическая индустрия (выпуск серной кислоты, суперфосфата, синтетического каучука, пластмасс) и пищевая промышленность. По производству электроэнергии на душу населения Австралии принадлежит одно из первых мест в мире.

В стране весьма преуспевающее сельское хозяйство, хотя обрабатываемые земли невелики: они занимают только около 6% территории (из них примерно около половины под пшеницей). Но роль животноводства очень высока. Большое развитие получило виноделие.

Внешняя торговля — центральное звено в экономике Австралии. Экспорт создает около четверти национального дохода страны. В течение последнего десятилетия, несмотря на периодические спады на международном рынке, Австралия практически неуклонно увеличивает объемы внешней торговли, завоевывая новые и расширяя старые рынки для своих товаров и капиталов. На конец декабря 2006 г. ее капиталовложения за рубежом достигли 826,5 млрд долл.⁷

Страна экспортирует около 70% продуктов сельского хозяйства, примерно 80% минерального сырья и свыше 18% готовых промышленных товаров. Австралийский экспорт сельскохозяйственной продукции представлен прежде всего мясом (особенно говядиной), вином, шерстью, пшеницей, маслом, сырами и другими молочными продуктами, а из минеральной продукции — каменным углем, железной рудой, нефтью, природным газом, золотом, бокситами и рудами цветных металлов.

Становление Китая как крупной индустриальной державы является одним из наиболее значимых событий глобального масштаба. По размерам ВВП в 2222 млрд американских долл. страна занимала в 2005 г. четвертое место в мире⁸. Общеизвестно, что она располагает крупнейшим на земном шаре населением в 1,3 млрд человек. Эти цифры — убедительное свидетельство того, насколько важен Китай для сравнительно недалеко от него расположенной и успешно развивающейся Австралии, богатой природными ресурсами и обладающей высоко квалифицированными кадрами специалистов в самых разнообразных отраслях знаний. Исключительно экономически важна по этим причинам для Китая и Австралия.

Хозяйства Китая и Австралии в значительной степени взаимодополняемы. Австралия — конкурентоспособный поставщик сельскохозяйственных, энергетических, минеральных ресурсов и некоторых капиталоемких видов продукции, тогда как Китай — производитель исключительно трудоемкой продукции. По мере развития экономики и роста городского населения Китай во все возрастающем объеме потребляет сырье Австралии, он обладает также громадным потенциалом для использования ее услуг, особенно в связи с развитием среднего предприниматель-

ства. Это проявляется прежде всего в сфере образования, туризма, подтверждается расширением объема предоставляемых профессиональных услуг.

Особенно впечатляющей выглядит ситуация в австралийско-китайской торговле, о чем весьма наглядно свидетельствуют данные последних лет (см. таблицу 1)

Таблица 1

Торговля Австралии с Китаем в 2001—2006 гг. (в млн долл.)

	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Экспорт*	7582	8373	9089	11012	16127	20415
Импорт	10312	12847	14256	17923	21364	25486
Главные экспортные товары:						
Железная руда	1369	1485	1739	2515	5763	7678
Шерсть	1280	1420	939	1243	1327	1380
Медная руда	306	206	212	193	647	1207
Медь	82	72	116	157	168	250
Алюминий	...	223	244	265	272	267
Никель	18	25	75	142	137	353
Никелевая руда	2	3	2	48	155	231
Цинк	0,8	0,8	7	34	103	178
Прочие руды	147	71	120	391	601	800
Уголь	69	224	243	418	530	599
Сырая нефть	300	368	765	460	194	223
Хлопок	33	48	68	211	374	373
Сжиженный пропан	123	53	138	115	175	143
Химикаты	80	106	112	118	152	184
Пигменты и краски	125	133	149	147	141	158
Машины и транспортное оборудование	97	147	123	143	171	178
Электрооборудование	39	90	81	80	69	78
Специальное промышленное оборудование	...	65	87	107	136	168
Энергетическое оборудование	...	10	57	61	115	114
Ячмень	370	351	167	248	237	198
Продовольствие	107	192	177	212	266	261
Молочные продукты	66	108	57	51	42	52
Главные импортные товары:						
Компьютеры	590	871	1121	1736	2406	2587
Части к компьютерам	212	338	396	465	575	648
Телекоммуникационное оборудование	291	440	579	924	1073	1610
Продовольствие	186	227	262	310	344	450
Химикаты	254	348	386	479	615	658
Автомобильные шины	65	70	69	112	168	251
Бумага и бумажные изделия	111	151	163	181	229	313

* Раскрыть более полную структуру экспорта Австралии препятствует наличие в ее торговой статистике графы "конфиденциальные товары", составившей, например, в 2006 г. по Китаю 2,8 млрд. долл. Эта статья фигурирует из-за желания ряда фирм скрыть по разным причинам характер и размеры своих зарубежных поставок.

	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Текстильное волокно и ткани	197	216	197	213	202	242
Другие текстильные изделия (без одежды)	217	284	305	383	402	474
Металлические изделия	174	224	246	299	367	466
Холодильное и обогревательное оборудование	67	88	130	261	250	349
Промышленное оборудование общего типа	196	212	256	356	390	520
Видео и аудио-рекордеры	135	273	335	603	690	782
Домашняя утварь	253	320	350	434	490	608
Электрические машины и запчасти	121	165	189	270	328	401
Мебель	291	403	503	695	911	1142
Туристические товары	280	289	292	347	367	406
Мужская одежда	399	406	414	430	483	520
Женская одежда	510	584	620	636	757	849
Трикотажная одежда	336	382	360	412	468	560
Прочая текстильная одежда	748	743	790	919	1068	1137
Обувь	530	614	567	612	688	792
Игрушки, игры, спорттовары	688	803	955	983	1095	1355

Источник: 2006 *Composition of Trade Australia*. Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade, May 2007. P. 161-162; 2005 *Composition of Trade Australia*, May 2006. P. 153-154.

За очень короткий срок — первые шесть лет нынешнего столетия — товарный экспорт Австралии в Китай возрос в 2,6 раза, а его экспорт в Австралию увеличился почти в 2,5 раза. Знаменательно, что поставки Австралии в Китай растут быстрее, чем ее экспорт в целом. В 2001 г. на долю Китая приходилось 7,4% всего объема торговли Австралии, 6,2% ее экспорта и 8,8% импорта⁹. В 2006 г. эти цифры возросли соответственно до 13,5%, 12,5% и 14,5%¹⁰. В 2001 г. Китай занимал третье место среди стран мира как по общему объему торговли с Австралией, так и по ее импорту, но только четвертое место по австралийскому экспорту¹¹. В 2005 г. Китай был уже вторым контрагентом Австралии в ее торговле в целом, занимая такое же место как в австралийском экспорте, так и в импорте. В 2006 г. Китай вышел на первое место в импорте Австралии, оттеснив США, традиционно лидировавших на ее рынке¹².

Более трех четвертей товарного экспорта Австралии в Китай состоит из железной, медной и других руд, шерсти, пшеницы, сахара, ячменя, хлопка, сжиженного газа (пропана и бутана) и алюминия. Взаимодополняемость австралийского и китайского хозяйств, особенно в сфере инфраструктуры, добычи полезных ископаемых и производства сельскохозяйственных товаров, так и потребительской продукции вообще, является прочной основой торгового и экономического сотрудничества двух стран. В связи с этим возможности австралийского бизнеса в различных секторах хозяйства Китая продолжают расширяться, особенно в сфере услуг, инфраструктуре, высокотехнологичной обрабатывающей промышленности и экологии.

Китайский рынок открывается для широкого круга минеральных и энергетических ресурсов. Благоприятные возможности существуют также для продажи переработанного в продовольствие и напитки сельскохозяйственного сырья, теле-

коммуникационных и информационных технологий, средств транспорта (железнодорожного подвижного состава, быстроходных паромов и авиационной техники), автомобильных запчастей, горнодобывающего и энергетического оборудования.

Австралия придает большое значение экспорту в Китай сжиженного газа, дальнейшему расширению поставок шерсти, привлечению китайских инвестиций в сталелитейное производство, улучшению условий продажи пшеницы, расширению видов и масштаба услуг. Восстановление и развитие в Китае обрабатывающей промышленности в результате экономических реформ и торговой либерализации делает Австралию еще более важным источником высококачественного сырья. Она намерена диверсифицировать свою торговлю по мере того, как все более значительные сегменты китайского рынка будут предъявлять спрос на высококачественное продовольствие и сложные промышленные товары и услуги.

Тем не менее на рынке Китая Австралия сталкивается с острой конкуренцией других государств, особенно США, Канады, Новой Зеландии. Преимущество Австралии заключается в том, что она географически близка к Китаю и обладает репутацией надежного поставщика высококачественных товаров, прежде всего таких ключевых, как железная руда, шерсть, сахар, морепродукты и коксующийся уголь. Австралия пользуется также устойчивой репутацией как производитель технологического оборудования и аккумулятор знаний в таких приоритетных для Китая сферах, как агробизнес, подготовка кадров, инфраструктура и экология. Поставляя на китайский рынок продовольствие и напитки, Австралия не испытывает влияния сезонных перепадов и может их быстро поставлять, в то время как ее конкуренты должны прилагать значительные усилия для своевременного обеспечения импортеров свежими сельскохозяйственными продуктами. Участие в крупных торговых выставках, развитая распределительная сеть и маркировка продукции способствуют продвижению австралийских товаров на китайский рынок.

Однако на пути дальнейшего развития экономических отношений между двумя странами стоит еще немало преград. Несмотря на большое снижение Китаем торговых барьеров, его рынок остается чрезмерно защищенным именно по тем товарам, по которым Австралия располагает наибольшим экспортным потенциалом. КНР выставляет высокие тарифные и нетарифные барьеры на пути экспорта сельскохозяйственных товаров. Китай использует импортные лицензии и квоты для осуществления контроля за ввозом ряда товаров¹³.

Хотя в контексте проводимых экономических реформ Китай приступил к сокращению торговых ограничений и рационализации процесса выдачи импортных разрешений, квотирование сельскохозяйственных продуктов сохраняется. Китай ограничивает типы и число предприятий, действующих в сфере внешней торговли. Импорт и экспорт некоторых ключевых товаров осуществляют только специальные внешнеторговые корпорации, контролируемые правительством. Если местные оптово-розничные предприятия могут закупать производимую в стране продукцию непосредственно у национальных производителей, то закупки импортных товаров могут осуществляться только у компаний, наделенных специальными внешнеторговыми правами.

В октябре 1997 г. Китай снизил средний уровень импортных пошлин с 23 до 17%. Это стало еще одним шагом к снижению среднего тарифа до уровня, существующего в развивающихся странах (15%). Однако эта мера не была всеобъемлющей, на многие товары австралийского экспорта сохраняются высокие пошлины, например на вина (65%), молочные продукты (50%), обработанное продовольст-

вие (55%). Высокие тарифы и их непредсказуемое использование создают трудности для австралийских внешнеторговых компаний.

В настоящее время Китай продолжает сохранять ряд барьеров на пути австралийского экспорта. Это импортные пошлины, нетарифные меры, стандартизация, инспекции, внутренние субсидии и особенно промышленная политика, отдающая предпочтение ключевым экспортно-ориентированным отраслям. Тем не менее, Австралия добилась прогресса в разрешении карантинной проблемы по сельскохозяйственному экспорту. С сентября 2000 г. пшеница и ячмень, экспортируемые в Китай, больше не нуждаются в сертификации австралийской карантинной инспекции. Это обеспечивает экспортерам значительную экономию средств.

В ноябре 2000 г. австралийская и китайская карантинные службы договорились расширить сферу своих действий. Льготы распространились на австралийские поставки мяса, цитрусовых и манго. Все большее число экспортеров и импортеров используют новый тип контрактов на поставки шерсти, результатом чего стало прекращение жалоб на качество¹⁴.

Австралийское правительство придает очень большое значение членству Китая в ВТО. Еще в 2000 г., в преддверии этого события, оно направляло усилия, чтобы помочь австралийским фирмам более полно использовать новые рыночные возможности. Предполагалось, что подкомитет австралийско-китайской комиссии изучит вопрос об углублении экономического и торгового сотрудничества.

Австралия серьезно надеется, что по мере последовательного расширения своего рынка Китай пойдет на усиление сотрудничества в области услуг, предоставив австралийским фирмам дополнительные лицензии на страховые и банковские операции, а также в юридической сфере. В соответствии с этим австралийское правительство оказывает прямую помощь экспортерам. В мае 2000 г. большая делегация во главе с министром торговли Австралии, представлявшая обрабатывающую промышленность, сырьевые отрасли и торговлю, посетила Китай с целью изучения импортных возможностей Пекина, Куньмина и Гуанчжоу. Накануне вступления Китая в ВТО австралийская государственная торговая компания "Аустрэйд" провела семинары в Брисбене, Сиднее, Мельбурне и Перте, с тем чтобы информировать австралийских бизнесменов о изменяющихся торговых условиях и перспективах экспорта. В марте 2002 г. компания "Аустрэйд" совместно с правительствами штатов провела инструктаж представителей фирм о региональных экономических и торговых последствиях вступления Китая в ВТО.

В конце 2001 г. Китай был принят в ВТО. Это способствует увеличению открытости китайской экономики, повышает эффективность китайского хозяйства и расширяет внешнюю торговлю, дает начало новому, весьма благоприятному этапу китайско-австралийских экономических отношений.

После вступления Китая в ВТО намечалось провести серию австралийско-китайских конференций по вопросам, относящимся к компетенции ВТО и охватывающим проблемы сельского хозяйства, информационных технологий и связи. В их ходе предполагалось определить перспективы для австралийских фирм и наметить условия расширения взаимодействия в указанных сферах. Австралия ведет подготовку китайских специалистов для работы в министерстве внешней торговли и экономического сотрудничества Китая по вопросам торговой политики.

Высокая доля Китая в мировом потреблении энергоносителей и его возрастающая зависимость от их импорта вот уже в течение ряда лет усложняет положение с наличием глобальных энергоресурсов. Высокие мировые цены на

энергоносители явились основной причиной того, что в 2006 г. их поставки Австралией за границу в целом достигли 35,6 млрд долл.¹⁵ Уже в 2006 г. экспорт австралийского угля в Китай достиг 599 млн долл., Австралия является для Китая крупнейшим поставщиком импортного угля, который поступает главным образом из австралийского штата Квинсленд.

Китай проявляет исключительно высокий интерес к закупкам австралийского сжиженного природного газа. В октябре 2002 г. между странами был подписан контракт на поставки сжиженного природного газа на сумму 25 млрд долл. На сегодня это крупнейшая экспортная сделка Австралии. Контракт явился ее первым шагом к достижению ключевой стратегической цели: установлению долгосрочного сотрудничества с Китаем в области энергетики. В Китай пока поступает лишь ограниченная часть австралийских экспортных энергоресурсов, но совершенно очевидно, что это сугубо временное явление.

Через год после подписания контракта, в октябре 2003 г., во время посещения Австралии председателем КНР между сторонами было подписано Генеральное торгово-экономическое соглашение. Оно предусматривает изучение целесообразности и возможности установления между ними режима свободной торговли на длительный период. Цель новых договоренностей состоит в том, чтобы добиться расширения торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, особенно в таких ключевых сферах, как энергетика, добыча полезных ископаемых, сельское хозяйство, услуги, инвестиции в информационные технологии, производство текстиля, одежды и обуви.

Демонстрируя заинтересованность в австралийских сырьевых ресурсах, Китай заключил два новых, весьма важных соглашения с Австралией. Первое из них (2003 г.) предусматривает громадные поставки природного сжиженного газа в течение ближайших нескольких лет (дополнительно на 30 млрд долл.). Кроме того, "Алдога алюминий смэлтер" заключила соглашение с двумя китайскими компаниями по увеличению поставок в Китай алюминия на несколько миллиардов долларов. В 2004 г. "БХП Биллитон" подписала контракт с четырьмя китайскими сталелитейными компаниями о поставках в течение 25 лет железной руды более чем на 10 млрд долл.

Австралия в 2006 г. была для Китая крупнейшим поставщиком железной и никелевой руд (поступавших, в основном, из штата Западная Австралия), вторым по значимости источником импортной алюминиевой руды и третьим — по поставкам медной руды. Стоимость австралийского минерального экспорта в Китай в 2006 г. составила 9,9 млрд долл. против 1,8 млрд долл. в 2001 г., причем экспорт железной руды поднялся до 7,6 млрд долл., медной руды — до 1,2 млрд долл. и других руд — до 800 млн.

Сохраняющийся быстрый рост промышленного производства Китая поддерживает на высоком уровне его потребность в закупках за рубежом для нужд обрабатывающей промышленности и строительного сектора оборудования и производственных материалов. В 2005 г. австралийский экспорт этой продукции увеличившись на 18%, достиг 2 млрд долл. Тогда временное 3-х процентное снижение Китаем закупок продукции простой обработки (преимущественно металлы) с лихвой было перекрыто 28-процентным увеличением его импорта промышленных товаров сложной обработки¹⁶.

В экспорте Австралии в Китай промышленной продукции сложной обработки заметное место занимали легковые автомобили. Их экспорт в 2005 г. оценивался в 153 млн долл. против всего лишь 6 млн долл. в 2004 г.

Китай укрепил свои позиции как мировой лидер по производству продукции легкой промышленности, в особенности текстиля и других трудоемких товаров. Неуклонно растут закупки Китаем австралийского текстильного сырья. Это в особенности касается шерсти и хлопка, поскольку прекращение в январе 2005 г. действия установленных ВТО квот на шерстяную одежду и текстиль позволило Китаю резко увеличить производство и экспорт этой продукции. Повышение импорта сырья из Австралии коснулось прежде всего хлопка, закупки которого возросли с 211 млн долл. в 2004 г. до 373 млн в 2006 г. В настоящее время Австралия является для Китая главным поставщиком шерсти и третьим по значимости источником зарубежного хлопка. В 2005 г. в Китай поступило 57% шерсти и 37% хлопка, проданного Австралией за границу¹⁷.

По сравнению с объемом двусторонней торговли взаимные инвестиции Австралии с Китаем невелики. Согласно последним опубликованным данным на 31 декабря 2005 г., капиталовложения Китая в Австралии составляли 2,4 млрд долл., и он занимал только 18-е место в списке иностранных инвесторов. Капиталовложения Австралии в Китай на указанную дату были еще меньше. Они едва превышали 2 млрд долл. и обеспечивали ей среди иностранных инвесторов лишь 21-е место¹⁸.

Значительные китайские инвестиции в Австралии помещены в добычу минералов и энергоносителей, в обрабатывающую промышленность и недвижимость. Австралийская сторона, всячески поощряя приток иностранного капитала, рассчитывает в том числе и на новые китайские капиталовложения в целях обеспечения более высокой занятости и дальнейшего развития важных отраслей.

Австралия ожидает, что вступление в силу прорабатываемого ныне Соглашения о зоне свободной торговли позволит ее компаниям участвовать в более широком спектре китайской экономики и преодолеть существующие препятствия для инвестиций и обеспечить им более мощную защиту.

Стремительно растет объем разнообразных услуг, предоставляемых Австралией Китаю. В 2006 г. они оценивались в 3,4 млрд долл. против 2,5 млрд в 2004 г.¹⁹ Образование — важный и растущий сектор в двусторонней торговле услугами между Австралией и Китаем. Несколько австралийских университетов имеют с китайскими вузами прочные связи, возникшие еще в 1980-е гг. Австралия в 2005 г. занимала первое место в мире по численности обучавшихся там китайских студентов. Они составляли примерно 25% от общей численности получавших образование в зарубежных странах.

В 2005 г. численность китайских учащихся в Австралии резко возросла — на 18%, превысив 81 тыс. человек, в том числе 40 тыс. человек являлись студентами высших учебных заведений²⁰. Кроме того, в самом Китае в 2004 г. обучались по австралийским программам 30 тыс. студентов. Среди китайских учащихся в Австралии особенно популярны специальности в области менеджмента, информационных технологий, коммуникаций и машиностроения. Для студентов Китая, как и вообще других стран Азии Австралия привлекательна меньшими затратами на обучение, чем в Европе или США, а также лучшими бытовыми условиями и — не последнее по значению — безопасностью пребывания. В столицах стран Юго-Восточной Азии, а также в Сеуле и Тайбее работают австралийские информационные образовательные центры. Австралийский университет штата Новый Южный Уэльс (Сидней) в 2007 г. открывает филиал в Сингапуре. Предполагается, что большинство его студентов придут из Китая и Индии.

Рекордной в 2005 г. была численность китайских туристов и предпринимателей, въехавших в Австралию (285 тыс. человек, или на 13% больше, чем в

2004 г.). Основными регионами их посещения были штаты: Новый Южный Уэльс, Виктория и Квинсленд. Стоимость деловых услуг, оказанных Австралией Китаю, возросла в 2005 г. на 56%. Австралийский экспорт услуг Китаю в области связи увеличился на 73%²¹. Более того, в Китае трудятся многие австралийские архитекторы, функционируют компании по вопросам экологии, городского планирования, а также специалисты по строительству в Пекине Олимпийских спортивных сооружений.

По мнению австралийских правительственных и предпринимательских кругов, стремительный рост китайской экономики делает неизбежным дальнейшее резкое усиление хозяйственных связей между двумя странами²². Важной практической основой такого нового, еще более высокого уровня экономических отношений, по всей вероятности, станет разрабатываемое ими соглашение о создании зоны свободной торговли. Эта идея впервые получила признание еще в октябре 2003 г., когда Австралия и Китай договорились, что будут совместно изучать вопрос о создании такой зоны и о правовых нормах ее функционирования. Этот этап завершился в марте 2005 г., когда обе стороны пришли к общему мнению, что создание зоны будет отвечать их обоюдным интересам, и что пришло время приступить к конкретным переговорам, которые впервые состоялись 27 мая того же года.

Австралия убеждена, что вступление такого соглашения в силу даст ей возможность поставить торгово-экономические отношения с Китаем на более прочный фундамент, усилить и защитить ее конкурентоспособность на китайском рынке, особенно в свете ведущихся Китаем переговоров о свободной торговле с другими странами.

В ходе переговоров рассматривается целый ряд актуальных вопросов, как-то: либерализация и содействие торговле товарами и услугами, осуществление взаимных инвестиций и другие. Переговоры строятся на следующих принципах: ничто не считается окончательно принятым, пока не достигнуто согласие по всем рассматриваемым вопросам.

По мнению австралийской стороны, подписание соглашения обеспечит Австралии многочисленные выгоды, а именно:

- повысит торгово-инвестиционные потоки в Китай всех отраслей экономики, включая сельское хозяйство, обрабатывающую и горнодобывающую промышленность, увеличит оборот услуг;
- послужит уменьшению таможенных пошлин и нетарифных ограничений, которые сдерживают активность Австралии на китайском рынке;
- стимулирует ее усилия в сфере либерализации на региональном и многонациональном уровнях;
- создаст Австралии базу для более тесного экономического сотрудничества с крупной и наиболее быстро развивающейся страной мира²³.

Проведенное в Австралии экономическое моделирование показало, что охват соглашением всех секторов хозяйства обеих стран будет существенно способствовать росту их производства и уровня занятости. Из прогноза следует, что австралийский ВВП в реальных показателях, т.е. по нынешнему курсу валюты, увеличится за период 2006—2015 г. на 18 млрд долл. США. Еще большим за это время будет выигрыш Китая — 64 млрд долл.²⁴ Большая выгода Китая в случае реализации соглашения частично объясняется плодами дальнейшей либерализации его экономики. Что же касается Австралии, то она уже в течение нескольких десятилетий по-

* Составители прогноза исходили из того, что соглашение вступит в силу в 2006 г.

жинает обильные результаты как собственных экономических реформ, так и решительно проводимого ею курса на либерализацию мировой торговли.

Как следует из приведенного обзора, Китай ныне является ведущим экономическим партнером Австралии, пока уступая только одной Японии по общему объему торговли и закупкам австралийской продукции. Необычайный взлет в этом десятилетии в австралийско-китайских экономических отношениях и весьма обнадеживающие перспективы их дальнейшего развития дают основания полагать, что не исключается возможность того, что Китай в ближайшие годы сможет стать абсолютным лидером в торговле с Австралией.

Полагаем, что читателю будет небезынтересно узнать, что Австралия в современном мире не ограничивает свои экономические интересы соседствующими с нею глобальными гигантами Японией и Китаем, а успешно сотрудничает с большинством стран мира, в том числе и с Россией. Только за один 2006 г. экспорт Австралии в Россию увеличился вдвое²⁵. Между нашей страной и Австралией весьма активизируются и инвестиционные связи. Важнейшее значение для дальнейшего развития экономических контактов между Российской Федерацией и Австралией имеют состоявшиеся переговоры и заключенные соглашения в ходе визита президента России В.В. Путина в Австралию в сентябре 2007 г.

Важно подчеркнуть также, что Австралия сплошь и рядом выступает как инициатор важных актов в области международных отношений вообще и мировой торговли в частности. Весьма активна ее деятельность в ВТО и в ее предшественнице ГАТТ (Генеральное соглашение по тарифам и торговле). Характерно, что именно Австралии принадлежит идея создания такой мощной и плодотворной ныне действующей организации как Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), объединяющей 21 страну, включая Россию и Китай. За время своего существования АТЭС взяла на себя обязательства по региональной экономической интеграции и открытости и приняла ряд политических решений²⁶. В сентябре 2007 г. Австралия выступила как организатор саммита АТЭС в Сиднее. Среди лидеров 21 страны в ее работе принял участие и президент России В.В. Путин.

Австралии непосредственно принадлежит также заслуга создания важной международной организации, известной под именем Кэрнского соглашения, по названию города в Австралии, где оно было подписано 18 странами с развитым сельским хозяйством, выступающими против дискриминации их продукции государствами Западной Европы²⁷.

Австралия является серьезным игроком в сфере мировой экономики. Чрезвычайно эффективная и целеустремленная деятельность ее правительства, направленная на всемерно более широкое участие в развитии торгово-инвестиционных отношений со всеми странами, исключительное богатство природных ресурсов, наличие широкого спектра высококвалифицированных кадров и безупречная репутация экспортной продукции — все это дает основание считать, что ее экономику в условиях сохранения благоприятной мировой конъюнктуры и в дальнейшем ждут новые достижения. Это в какой-то мере подсказывают и личные впечатления автора этой статьи, неоднократно работавшего в Австралии.

1. Азия и Африка сегодня. 2006. № 7. С. 20.

2. Trade Topics. A quarterly review of Australia's international trade. Autumn 2007. 2007. April. P. 46.
3. Trade Topics. 2006. Winter. June. P. 6.
4. Финансы. № 7. 2006. С. 69.
5. Trade Topics. 2005. December. P. 9.
6. Trade Topics. 2005. September. P. 17.
7. Trade Topics. 2007. April. P. 46.
8. Trade Topics. 2006. March. P. 17.
9. Composition of Trade Australia 2001. May 2002. P. 43.
10. Composition of Trade Australia 2006. May 2007. P. 49.
11. Composition of Trade Australia 2005. May 2006. P. 14.
12. Composition of Trade Australia 2006, May 2007. P. 14.
13. Trade Outcomes and Objective Statement 1999. Department of Foreign Affairs and Trade. 1999. P. 75.
14. Ibidem. 2001. P. 37.
15. Composition of Trade Australia 2006. May 2007. P. 24.
16. Trade Topics. 2006 June. P. 4.
17. Ibidem.
18. Australian Bureau of statistics. Cat. № 5352.0, Table 2A, Table 5A, 2006.
19. Composition of Trade Australia, 2006. 2007 May. P. 73.
20. Trade Topics. Winter 2006. 2006 June. P. 4.
21. Ibidem. P. 5.
22. Trade Topics. June 2006. P. 7.
23. Trade Topics. June 2005. P. 7.
24. Ibidem.
25. Composition of Trade Australia 2006. 2007. May. P. 252.
26. Подробнее об этом см. монографию В.Я. Архипова "Австралия в мировой экономике". (М., 2005. С. 77.).
27. Там же. С. 79.

Особенности формирования южнокорейского ТЭК в период индустриализации (1962—1997 гг.)

© 2007

М. Стеклов

Встав в начале 60-х годов прошлого века на путь индустриального развития, Южная Корея столкнулась с проблемой обеспечения промышленных предприятий энергоресурсами, в которых страна испытывала острый дефицит. От правильного построения энергобаланса, регулирования спроса и предложения на энергию зависел конечный успех долгосрочной программы построения в РК экспортноориентированной модели экономики, разработанной на основе рекомендаций Международного банка реконструкции и развития и Международного валютного фонда. Осознавая стратегическую важность этой проблемы, государство заняло монопольное положение в производстве и сбыте электроэнергии, взяло под контроль добычу, импорт и переработку энергоресурсов, создание энергетической инфраструктуры, оказывало прямое воздействие на ценообразование в энергетическом секторе. Такое положение фактически сохранялось вплоть до конца 1990-х гг.

В формировании топливно-энергетического комплекса РК в период индустриализации можно выделить три этапа.

Первый этап — период мобилизации внутренних ресурсов с активным использованием иностранной помощи по времени совпадает с двумя первыми пятилетними планами (1962—1966, 1967—1971). Приступая к созданию энергетической базы будущего, РК из своих собственных энергоресурсов располагала только низкокачественным антрацитом и энергией рек, на которые приходилось около 80% энергопотребления страны (см. табл. 1).

Таблица 1

Структура топливно-энергетического баланса РК в 1960—1962 гг.
(в пересчете на условный каменный уголь с теплотворной способностью
7 тыс. к/кал), тыс. т

Год	Гидроэлектророзенергия		Нефть		Бурый уголь		Антрацит		Итого
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
1960	394	5,4	1433	19,5	173	2,3	5350	72,8	7350
1961	443	5,4	1563	19,1	307	3,7	5884	71,8	8197
1962	480	5,0	1770	18,0	200	2,0	7380	75,0	9830

Источник: Современная Корея. М., 1971. С. 345

С учетом этого обстоятельства в ходе выполнения первого пятилетнего плана (1962—1966) большое значение придавалось повышению степени обеспеченности страны источниками энергии, в том числе за счет максимального использования местных ресурсов. Одновременно решалась задача финансирования закупок энергетического сырья за рубежом. Решающую роль на этом этапе сыграла иностранная помощь (программа первого пятилетнего плана на 60% финансировалась из внешних источников, для второй пятилетки этот показатель составил 50%). В 1954—1966 гг. на импорт нефти и нефтепродуктов было ассигновано свыше 200 млн долл. из средств помощи США, около 100 млн долл. из этого же источника были направлены на строительство в РК электростанций¹.

В 1960-е гг. руководством страны были приняты меры по повышению объемов утледобычи на местных шахтах. В 1968 г. насчитывалось 186 действующих угольных шахт, на которых работало 37 тыс. человек. На долю антрацита в 1967 г. приходилось 65% продукции добывающей промышленности. За период с 1954 по 1969 г. под влиянием внутреннего спроса производство угля выросло с 889 тыс. т до 10,3 млн т.² Однако низкое качество добываемого в РК антрацита ограничивало его использование в основном бытовыми нуждами населения. В 1965 г. 67% добытого антрацита было потреблено в домашнем хозяйстве, 22% — электростанциями и промышленностью, 3,4% — железнодорожным транспортом, 5,3% пошло на нужды армии и государственных учреждений, 2,3% экспортировано³.

Таким образом, местных энергетических ресурсов для вывода страны на уровень интенсивного индустриального развития хронически не хватало.

Импорт энергоносителей, темпы строительства новых электростанций и энергетической инфраструктуры также были ограничены размерами бюджетных поступлений и иностранной помощи. Удельный вес нефти и нефтепродуктов в топливно-энергетическом балансе страны до 1966 г. был незначительным и находился на уровне 18—19%. Поставки нефти до 1964 г. шли исключительно через снабженческую структуру вооруженных сил США в РК, а ее распределение осуществлялось строго нормированно через государственную компанию “Кореа ойл сторидж”.

Ограниченный доступ южнокорейских производителей к источникам энергии сдерживал их дальнейшее развитие, ослаблял их позиции в борьбе с конкурентами. В 1954—1967 гг. темпы развития электроэнергетики отставали от темпов развития промышленного производства (13,9% против 14,6%). В общем объеме промышленного производства в 1966 г. на электроэнергетику приходилось только 3,5%. В 1967 г. нехватка мощностей достигла 90 тыс. квт. В стране снова была введена строгая регламентация распределения и потребления электроэнергии, отмененная в 1964 г.⁴

Для удовлетворения спроса на энергию со стороны быстро растущей промышленности требовалось найти более устойчивый источник поступления в бюджет валютных средств. Этим источником в первую очередь стало развитие легкой промышленности, ориентированной на экспорт. Дешевый труд квалифицированных рабочих, неограниченный и бестарифный доступ к импортируемым полуфабрикатам и сырьевым ресурсам, облегченная процедура предоставления банковских кредитов для оборотного капитала по льготным ставкам позволили южнокорейским производителям экспортных товаров успешно конкурировать на мировом рынке.

Процесс индустриализации положил начало коренному изменению структуры ВВП. В период второй пятилетки доля промышленности в ВВП возросла до 26,8%. Экспорт РК увеличился с 645 млн долл. в 1967 г. до 2,9 млрд долл. в 1971 г.⁵

Валютные поступления от растущего экспорта южнокорейских товаров позволили значительно увеличить объем бюджетного финансирования закупок энергоресурсов, в первую очередь нефти. В результате ее доля в структуре первичного энергопотребления заметно выросла (см. табл. 2).

Таблица 2

Изменения в структуре первичного энергопотребления РК в 1967—1980 гг. (в%)

	1967	1970	1975	1978	1980
уголь	40,0	29,6	29,3	26,0	30,1
нефть	26,8	47,2	56,8	63,3	61,1
гидроэнергия	1,7	1,6	1,5	1,5	1,1
атомная энергия	-	-	-	1,5	2,0
дровяное топливо	31,5	21,6	12,4	8,0	5,7
СПГ					

Источник: Министерство торговли, промышленности и энергетики РК

Следствием перераспределения составляющих энергобаланса страны в пользу нефти стал рост зависимости РК от внешних источников энергии (см. табл. 3).

Таблица 3

Зависимость РК от импорта энергоносителей в общем потреблении первичной энергии (в%)

Год	1967	1970	1980	1990	1996	1997
зависимость от импорта энергоносителей	35,3	47,5	73,5	87,9	97,3	97,6
зависимость от импорта нефти		47,2	61,1	53,8	60,5	60,4

Источник: Корейский институт энергетической экономики

Таким образом, решению проблемы энергоснабжения Южной Кореи в 1960-е гг. в условиях ограниченности собственных энергоресурсов способствовали следующие факторы:

- предоставление безвозмездной иностранной помощи, значительная часть которой направлялась в энергетический сектор;
- жесткий правительственный контроль над производством и распределением энергии, закупками и переработкой энергоносителей;
- увеличение импорта энергоносителей за счет валютных поступлений от экспорта;
- мобилизация внутренних источников энергии (уголь, энергия рек).

Второй этап формирования ТЭК РК охватывает период с начала до конца 1970-х гг. В этот период в энергетической политике Южной Кореи происходят существенные изменения, связанные со смещением приоритетов в сторону развития тяжелой и химической промышленности (ТХП). Перенос центра тяжести в экономическом развитии на ТХП был вызван необходимостью поиска новых экспортных ниш в связи с возросшей конкуренцией на рынках товаров легкой промышленности, а также необходимостью укрепления оборонного потенциала страны после сокращения на одну треть американского военного контингента,

расквартированного в Южной Корее. В Плане развития ТХП в качестве перспективных стратегических отраслей были определены судостроение, автомобилестроение, производство стали, машиностроение, цветная металлургия, текстильная и нефтехимическая отрасли с высокой нормой энергопотребления.

Для удовлетворения энергетического спроса и поддержания высоких темпов экономического роста потребовалось создать качественно новую топливно-энергетическую базу, способную бесперебойно обеспечивать страну энергоносителями, в первую очередь нефтью. Основной упор при этом был сделан на относительно дешевую в тот период и удобную для морской транспортировки ближневосточную нефть. Доля нефти в энергобалансе страны продолжала возрастать, достигнув 63,3% в 1978 г. (см. табл. 2). Это привело к дальнейшему усилению зависимости от внешних источников энергии, на которые в 1980 г. пришлось 73,5% первичного энергопотребления (см. табл. 3).

На рубеже 70-х и 80-х годов под воздействием потрясений, которые южнокорейская экономика испытала от мировых нефтяных кризисов 1973 и 1977/79 гг., начинался новый этап энергетической политики РК, главной целью которой стало гарантированное обеспечение страны энергоресурсами путем диверсификации составляющих энергобаланса.

Управление энергетическим комплексом в этот период полностью осуществлялось через государственные акционерные компании. В сферу деятельности "Петролеум девелопмент корпорейшн" (ПЕДКО) вошли импорт нефти и ее сбыт, разработка энергоресурсов за рубежом. "Кореа газ корпорейшн" (КОГАЗ) отвечала за импорт сжиженного природного газа и развитие сбытовой сети внутри страны. К компетенции "Кореа электрик пауэр корпорейшн" (КЕПКО) отошла вся электроэнергетика, импорт угля и урана.

В основу новой энергетической политики РК был положен принятый в 1979 г. Закон о рациональном использовании энергии (Rational Energy Utilization Act). В качестве приоритетного направления развития южнокорейской энергетики была определена реструктуризация энергетического баланса путем формирования в нем газового сектора, ориентированного на импортный сжиженный природный газ (СПГ). В период, потребовавшийся для создания необходимой инфраструктуры, сдерживание импорта нефти происходило в основном за счет увеличения потребления угля, сжиженного пропано-бутанового топлива (СПБТ) и развития атомной энергетики. В 1980 г. долю нефти в первичном энергопотреблении удалось снизить до 61,1%. В том же году в динамике физического объема импорта нефти впервые был отмечен отрицательный прирост — 1,1% к уровню 1979 г.

Однако более существенно на этом направлении удалось продвинуться только в 1986 г., когда в РК стал поступать СПГ из Индонезии, и расходы на импорт нефти удалось сократить на 40% к уровню 1985г. (см. табл. 3).

С 1991 по 2001 г. потребление СПГ в стране ежегодно возрастало на 19,1%. В тот же период доля СПГ в импорте энергоресурсов выросла с 4,1 до 12,0%⁶.

Предпринимались также меры по увеличению доли в энергобалансе альтернативных источников энергии. В исполнение принятого в 1987 г. закона, стимулирующего развитие одиннадцати нетрадиционных источников энергии, с 1988 по 2000 г. велись работы по 367 проектам в области использования энергии солнца, ветра и фотосинтеза, на которые было израсходовано 174,2 млрд вон. (около 145 млн долл.)⁷. Активно поощрялось использование бытовых и промышленных отходов в качестве топливных компонентов для снабжения муниципальных и индустриальных объектов теплом и электроэнергией. В этих целях разра-

ботана программа комплексного производства тепла и электроэнергии, для реализации которой в 1991 г. был принят Закон о комплексном обеспечении энергией. Участвующим в программе потребителям и поставщикам энергии предоставлялись налоговые льготы и низкопроцентный долгосрочный кредит. В 1993 г. был пересмотрен Закон об утилизации отходов, в который были включены положения, стимулирующие использование промышленных отходов для производства тепла.

Став членом Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и подписав в марте 1994 г. Рамочную конвенцию ООН по контролю за климатом, Южная Корея подтвердила свою готовность сотрудничать с другими странами в области сдерживания роста энергопотребления и уменьшения вредного воздействия энергопотребляющих отраслей на окружающую среду.

Этот курс нашел отражение в Плане развития чистых энергетических технологий (1994—1998). В 1995 г. было организационно оформлено общенациональное добровольное движение за “семью с зеленой энергией” (Green Energy Family), провозгласившее своей целью применение в бытовом секторе и промышленности энергосберегающих технологий.

В этот же период приняты дополнительные меры по дальнейшему сокращению производства в РК экологически грязного антрацита. С целью нейтрализации негативных социальных последствий этих мер был разработан План развития районов закрывающихся угольных шахт (1995—2005), предусматривающий денежную компенсацию шахтерам, потерявшим рабочие места, предоставление им возможности приобретения других профессий, создание новых рабочих мест за счет развития сферы обслуживания, гостиничного и туристического бизнеса.

В то же время под предлогом поддержания стабильных цен на энергию и защиты местной угольной промышленности предприятия продолжали пользоваться льготами в виде относительно низких цен на дизельное топливо и местный антрацит. Государством субсидировалось также энергопотребление в сельскохозяйственном секторе. Компенсировать эти затраты приходилось за счет повышения цен на энергию и топливо, используемых в быту и коммерческом секторе, а также на транспорте.

Непоследовательные и противоречивые действия правительства не смогли сдержать инерцию развития энергоемких отраслей. Пик роста потребления энергии пришелся на первую половину 90-х годов, когда среднегодовые темпы роста потребления первичной энергии составили 10,08% против 7,8% в период с 1980 по 1990 г.

О низкой эффективности энергетической политики, проводимой правительством в рассматриваемый период, свидетельствовало ежегодно возрастающее потребление энергии, необходимой для обеспечения экономического роста. Так, в период с 1985 по 1999 г. (за исключением кризисного 1998 г.) темпы экономического роста РК составили в среднем 7,1% в год, а потребление энергии ежегодно возрастало на 8,7%. По росту энергозатрат в промышленном производстве Южная Корея опережала многие другие страны мира. Это нашло отражение в увеличении энергетической составляющей в валовом внутреннем продукте (ВВП). Если во второй половине 1980-х гг. для обеспечения экономического роста на 1% требовалось увеличить энергоемкость на 1,16%, то к концу 1990-х гг. этот показатель составлял уже 1,46⁸.

Потребляя 80% всей вырабатываемой в стране электроэнергии, нефтехимическая, сталелитейная и цементная отрасли производили меньше 30% добавленной стоимости.

Таблица 4

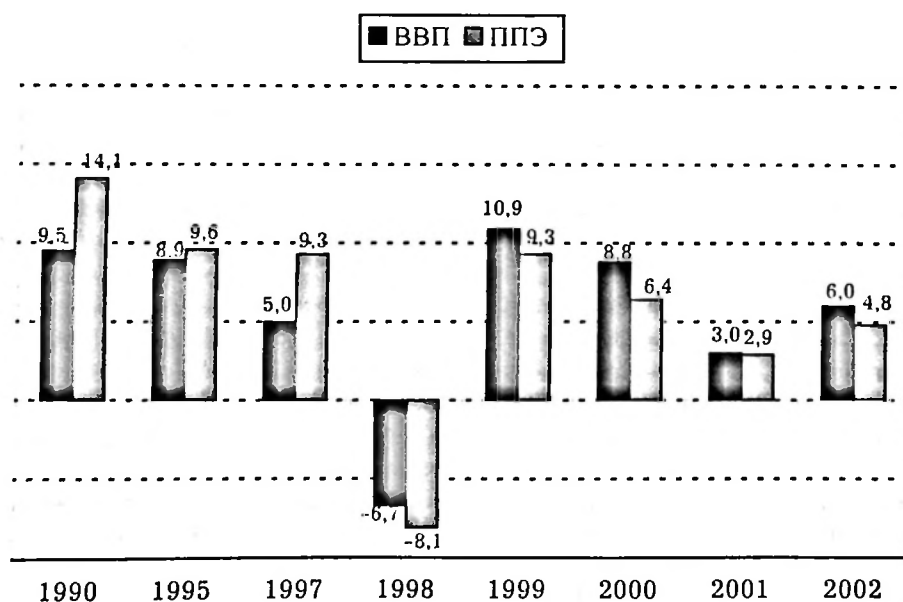
Потребление первичной энергии в РК в 1990—1997 гг.

период/ год	общее потребление первичной энергии (тыс. т нефтяного эквивалента)	изменение к предыдущему году (%)
1980—1990	-	7,8
1991	103 619	11,2
1992	116 010	12,0
1993	126 879	9,4
1994	137 234	8,2
1995	150 437	9,6
1996	165 212	9,8
1997	180 638	9,3

Источник: Министерство торговли, промышленности и энергетики РК

Диаграмма 1

Соотношение между ВВП и общим объемом поставок первичной энергии (ППЭ)

Возникший дисбаланс между спросом и предложением привел к повышенному расходу энергии и дефициту инвестиционных ресурсов, необходимых для дальнейшего развития материальной базы энергетики. Хотя в 1992 г. была инициирована программа ужесточения энергетических стандартов и сертификации в целях поощрения производства энергосберегающего оборудования, фактически частные компании не имели достаточного стимула к внедрению инноваций и энергосберегающих технологий при монопольном праве государства устанавливать цены на энергию и топливо.

Кроме того, несбалансированное развитие в РК энергоемких производств обострило проблему эмиссии “парниковых” газов (ЭПГ), в первую очередь двуокиси углерода.

Разразившийся в РК в 1997 г. валютно-финансовый кризис явился следствием углубления противоречий между консервативной экономической политикой южнокорейского руководства и новыми тенденциями в мировой экономике, вступившей в эпоху глобализации. Кризис рельефно высветил слабые места в организации и функционировании южнокорейского энергетического комплекса. Жесткая централизация энергоснабжения и государственное регулирование цен на энергию, оправдавшие себя на ранней стадии индустриализации, стали малоэффективными в условиях изменившихся реалий в мировом энергетическом хозяйстве. Расход энергии в промышленном секторе Южной Кореи был наиболее высоким среди стран-членов ОЭСР (в среднем по ОЭСР он составлял 33%, а у РК этот показатель находился на уровне 54%). Быстрое падение курса национальной валюты к доллару США значительно подорвало внутренние резервы и осложнило государственное финансирование ТЭК. Переход к новым стандартам энергопотребления оказался невозможным без коренных преобразований механизма повышения рентабельности энергоемких производств. Дотационный характер южнокорейского ТЭК более не устраивал международные финансовые институты. Приватизация государственных акционерных компаний стала основным условием МВФ при предоставлении Южной Кореи заемных средств. Для вывода ТЭК РК из кризисного состояния в условиях набравшей силу глобализации потребовалось внести существенные коррективы в энергетическую парадигму государства, переориентировав ее с гарантированного обеспечения страны энергоресурсами на устойчивое развитие энергетики в русле общемировых тенденций.

1. Современная Корея. М., 1971. С. 347.
2. Там же. С. 345.
3. Там же. С. 346.
4. Там же.
5. Korea: Transition to Maturity. World Development, Special Issue. Oxford: Pergamol Press, 1988.
6. The Second National Energy Plan (2002—2011). — <http://www.keei.re.kr/keei/main—eng.html>
7. База данных Корейского национального статистического бюро. — <http://kosis.nso.go.kr>.
8. Chung, Woo Jin. National Energy Futures Analysis and Energy Security Perspectives in the Republic of Korea. Korea Energy Economics Institut, 2001

История

Деятельность Дальревкома по организации борьбы с контрабандой на советском Дальнем Востоке (1922-1925 гг.)

© 2007

А. Попенко

Постановка на общегосударственном уровне проблемы, связанной с ролью Дальнего Востока в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации, включает вопрос о создании современных прочных барьеров против контрабанды. Незаконный вывоз из дальневосточного региона России природных и биологических ресурсов и ввоз дешевых иностранных товаров широкого потребления подрывают экономические интересы государства в целом и особенно дальневосточных субъектов РФ.

Обобщение отечественного опыта борьбы с контрабандой в начале 1920-х годов прошлого века, который пока не получил должного освещения в отечественной историографии, может оказаться полезным для выработки более разнообразных и эффективных мер в этой области.

После окончания гражданской войны и интервенции в конце октября 1922 г. на российском Дальнем Востоке была установлена советская власть. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) РСФСР образовал Дальневосточную область (ДВО), в которую входили сначала шесть, затем четыре губернии: Забайкальская, Амурская, Приморская, Камчатская. Территория области составляла почти 2,65 млн квадратных километров, а население — 1,6 миллиона человек¹. Высшим органом центральной власти РСФСР на территории Дальнего Востока являлся Дальневосточный Революционный Комитет, который подчинялся Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету и Совету Народных Комиссаров РСФСР².

На Дальревком возлагалось принятие законных мер в целях поддержания революционного порядка на Дальнем Востоке, решение вопросов текущей правительственной деятельности в крае, внедрение общегосударственных хозяйственных планов, постановлений и распоряжений ВЦИК, СНК, Совета Труда и Оборона (СТО) РСФСР, руководство на территории области всеми правительственными органами — как административными, так и административно-хозяйственными³.

Перед Дальревкомом стояли большие политические и экономические задачи по восстановлению народного хозяйства области. Одной из них являлась борьба с контрабандой, принявшей огромные размеры.

Эта задача не являлась новой: ее решением занимались и дореволюционная краевая власть, и правительства Дальсовнаркома 1918 г. и Дальневосточной республики 1920-1922 гг.

Росту контрабанды на Дальнем Востоке в начале XX века способствовали объективные и субъективные факторы. К ним относилась большая протяженность границы с Северо-Восточным Китаем и слабая ее охрана в таможенном отношении, низкий уровень промышленного развития региона, дешевизна сельскохозяйственных продуктов и товаров широкого потребления в Маньчжурии по причине дешевой рабочей силы. Сказывалась и удаленность края от центра, в силу чего происходило значительное удорожание доставляемых из центра на окраину российских товаров, не выдерживавших конкуренции с китайскими. Большая часть нужд внутреннего рынка российского Дальнего Востока удовлетворялась за счет импортных товаров.

Эти факторы полностью действовали и в 1920-е годы, но вместе с тем появились новые обстоятельства, связанные с включением Дальнего Востока в общегосударственное экономическое пространство.

В целях охраны государственных интересов советское правительство еще в 1918 г. приняло ряд важных мер. В постановлении "О порядке выдачи разрешения на ввоз и вывоз товаров" говорилось, что разрешения на вывоз товаров за границу и их ввоз из-за границы выдаются исключительно отделом внешней торговли Комиссариата торговли и промышленности. Товары, вывезенные и ввезенные без разрешения указанного ведомства, рассматривались как контрабанда. В соответствии с декретом о национализации внешней торговли торговые сделки с иностранными государствами и отдельными предприятиями за границей осуществлялись уполномоченными Советской властью от имени РСФСР. Помимо этих органов все сделки за границей запрещались, а ввезенный товар признавался контрабандным. Этим декретом была объявлена монополия внешней торговли, а государство стало ее основным регулятором. Регулирование обеспечивалось таможенными пошлинами и системой лицензирования через соответствующие органы⁴.

При проведении новой экономической политики средством защиты государственных интересов стал единый таможенный тариф 1922 года. Согласно ему, защита промышленности от иностранной конкуренции и создание наиболее выгодных условий производства и сбыта достигались путем установления высоких ввозных пошлин в виде разницы между фабричными ценами на товары отечественного и зарубежного производства, а также за счет разрешения беспошлинного ввоза промышленного сырья, предметов машинного оборудования, которые не производились в стране, установления беспошлинного вывоза и премирования вывоза готовых изделий, сырья и жизненно необходимых запасов⁵. Смысл таможенного тарифа сводился к обеспечению активного торгового баланса государства через установление высоких пошлин на предметы ввоза и поощрения вывоза.

Государственная монополия внешней торговли реализовывалась через лицензионную политику, которая сводилась к выдаче компетентными государственными органами разрешения на осуществление внешнеторговых операций. В РСФСР лицензии выдавал Народный комиссариат внешней торговли (НКВТ)⁶.

Дальревком как высший орган государственной власти в ДВО обязан был выполнять все законы и постановления правительства РСФСР, в том числе единый

советский таможенный тариф, и соблюдать государственную монополию внешней торговли на базе лицензионной политики. На заседании Дальревкома 16 ноября 1922 г. было принято постановление о переименовании министерства народного хозяйства ДВР в Дальневосточное промышленное бюро (Дальпромбюро), а 18 ноября было учреждено Областное экономическое совещание или Дальневосточное экономическое совещание (Дальэконосо)⁷, на которое возлагалось согласование всех экономических и хозяйственных мероприятий проводимых в ДВО⁸.

Для разработки и координирования планово-экономических мероприятий различных хозяйственных органов на Дальнем Востоке при Дальэконосо была организована в начале 1923 г. Дальневосточная областная плановая комиссия (Дальплан)⁹, или Дальневосточная государственная плановая комиссия¹⁰.

В январе 1923 г. в ДВО были введены в действие таможенный тариф, монополия внешней торговли и установлен сторожащий контроль над ввозом и вывозом товаров через границу¹¹. С этой целью в Чите, Благовещенске и Владивостоке были открыты бюро лицензий — органы регулирования Наркомвнешторга¹². В начале деятельности дальневосточных бюро лицензий протекала в условиях крайне неблагоприятных и весьма отличных от областей центральной России. Если в центре частно-торговый аппарат в основном был разрушен, а кооперация оставалась сильной, то на Дальнем Востоке при слабой кооперации частно-торговый аппарат свою силу сохранял. В первоначальный период деятельности бюро лицензий доля участия частного капитала во внешней торговле составляла 87% от общего товарооборота¹³.

Таблица 1.

Количество торговых заведений по губерниям ДВО к началу 1923 года¹⁴.

Губерния	Вид торговых заведений	Количество	Отношение к общему количеству (в проц.)
Забайкальская	государственные	20	2.6
	кооперативные	42	3.7
	частные	1298	93.7
Амурская	государственные	20	2.3
	кооперативные	45	5.4
	частные	1064	92.3
Приморская	государственные	34	1.3
	кооперативные	61	2.2
	частные	3541	96.5

Примечание. Источник таблицы: Экономические очерки Дальнего Востока. Владивосток, 1925. С. 83—84.

Приведенные данные свидетельствуют, что частные торговые заведения в начале 1923 г. охватывали почти всю торговую сеть на потребительском рынке ДВО. Частный капитал был особенно развит в Приморье, где на его долю приходилось 96.5% от общего числа торговых заведений. Это частично объяснялось тем, что советская власть там была установлена гораздо позже, чем в других губерниях.

В процессе работы особой комиссии НКВТ, которая была организована для образования лицензионных органов на Дальнем Востоке, обнаружилась необходимость видоизменения как самих принципов регулирования, так и единого

таможенного тарифа по импорту и экспорту с учетом местных особенностей Дальнего Востока. Выводы комиссии были основаны на тщательном изучении местных условий, состояния госторговли и кооперации в области, ее пограничного положения. Комиссия пришла к заключению, что госторговля и кооперация еще не могут полностью взять на себя снабжение ДВО и эксплуатировать экспортные возможности, что частный капитал должен быть использован, но поставлен под сугубый контроль и в определенные рамки. Было предложено проводить импорт через государственные торговые предприятия, разработать и установить контингент на импортируемые товары, составить экспортный и импортный план области, оттеснить частный капитал от экспортной торговли¹⁵.

Данные выводы и рекомендации комиссии способствовали частичному улучшению внешней торговли ДВО. Было предпринято медленное наступление на частный капитал путем ограничения его возможностей, в первую очередь, в экспортной и импортной торговле.

Таблица 2.

Изменение роли частного капитала в импортной и экспортной торговле в ДВО в течение 1923 года¹⁶.

Вид торговли	Период года	отношение (в проц.)
Импорт частного капитала в 1923 г.	В начале года	87.78
	В середине года	64.76
	В конце года	26.84
Экспорт частного капитала в 1923 г.	В начале года	87.21
	В середине года	54.73
	В конце года	31.08

Примечание. Источник таблицы: ГАХК Ф. Р. 1151. Оп. 1. Д.2. Л. 145.

Уменьшение доли частника в торговле способствовало снижению притока контрабанды, так как через частную торговлю во многом шла реализация контрабандных товаров.

Одним из элементов введения лицензионной политики было достижение активного торгового баланса. Чем выше были показатели торгового баланса, тем лучшими признавались результаты внешней политики. Это ошибочное утверждение способствовало необдуманному снижению в начале 1920-х годов импорта при отсутствии в области отечественных товаров. В этих условиях пустоту в товарной нише заняла контрабанда.

При анализе соотношения импорта и экспорта видно, что дореволюционный Дальний Восток жил в основном за счет импортных товаров. С установлением советской власти и введением новой экономической политики положение резко изменилось.

Более чем семикратный рост торгового баланса в течение одного — 1924 — года явился результатом жесткой лицензионной политики, проводившейся в ДВО. Бюро лицензий строго фильтровали все ходатайства по ввозу товаров из-за границы. Все импортные операции осуществлялись в режиме их сокращения, зачастую в ущерб интересам населения области.

Ошибочно считалось, что господство частного капитала во внешнеторговой деятельности было решительно поколеблено и ввоз товаров необходимо было сократить до минимума, чтобы дать дорогу продуктам отечественного

производства. Считалось, что для этого достаточно было применить суровую лицензионную политику по отношению к импорту и всячески поощрять госторговлю и кооперацию в целях установления торговых связей с центром России¹⁷.

Таблица 3.

Размеры экспортной и импортной торговли на Дальнем Востоке в различные годы¹⁸.

Год	Вид торговли	Количество в млн руб.	Торговый баланс в млн руб.
1913 год	импорт	35	-23,445
	экспорт	11,445	
1923 год	импорт	16,698549	+1,038408
	экспорт	17,952651	
1924 год.	импорт	7,140398	+7,930734
	экспорт	15,071132	

Примечание. Источник таблицы: ГАХК Ф. Р. 1151. Оп. 1. Д.2. Л. 146.

Следует подчеркнуть, что созданные Дальревкомом экономические органы власти приходили к выводу о нецелесообразности перехода к новым формам ведения хозяйства в ДВО, о поспешности принятия единого таможенного тарифа. Отмечалось, что причины широкого размаха контрабанды коренятся не только в сокращении легального ввоза. Главная причина заключалась в мерах фискального характера — в высоких акцизах и таможенных ставках. На 80% контрабандный ввоз состоял из мануфактуры, спирта, чая, сахара. Эти товары облагались самыми высокими пошлинами и акцизами. Остальные 20% контрабандного ввоза приходились на предметы, запрещенные к ввозу в ДВО (галантерея и пр.). Поэтому административными мерами решить данные проблемы было нельзя. Предлагался целый ряд экономических мероприятий, включая снижение акцизных ставок на контрабандные товары. Так, стоимость пуда чая составляла первоначально 10-12 руб., а после применения акцизов он стоил уже 100-140 рублей. Такая ставка имела чисто фискальный характер и не была обусловлена какими-либо экономическими предпосылками¹⁹.

На совещании Дальпромбюро в конце 1922 г. рассматривался вопрос о введении на Дальнем Востоке монополии на ввоз и вывоз. Было отмечено, что для этого необходимо создать экономическую базу, поскольку в условиях незащищенности дальневосточных границ такой шаг приведет к исчезновению товаров и массовому ввозу контрабанды, так как возможности для обеспечения рынка Дальнего Востока отечественными товарами отсутствуют. В результате совещание приняло решение отказаться от немедленного введения монополии, создать свой торговый аппарат, освободить его от пошлин, уменьшить железнодорожные тарифы²⁰. Однако решение совещания не нашло поддержки в правительстве.

Организация борьбы с контрабандой в Дальневосточной области включала также ужесточение пограничного режима с Маньчжурией. На заседании Дальревкома в феврале 1923 г. обсуждался вопрос о выполнении директивы Совета Труда и Оборона о передаче охраны границы Главному политическому управлению (ГПУ) в связи с введением монополии внешней торговли на Дальнем Востоке. Было принято решение о необходимости сокращения таможенного аппарата края с 2000 до 1050

человек и о скорейшей передаче охраны границы в ведение войск ГПУ. Отмечалось, однако, что в настоящее время управление ДВТО ГТУ и ГПУ не могут прийти к согласию по вопросам охраны границы и борьбы с контрабандой. Как говорилось на совещании, таможня обладает "паршивым" аппаратом, а войска ГПУ находятся в катастрофическом состоянии, они разуты и раздеты²¹. В докладах на различных заседаниях местных органов управления говорилось о неготовности войск ГПУ к охране границы²², о постоянных стычках, которые происходили между сотрудниками ДВТО ГТУ и ГПУ при организации борьбы с контрабандой²³, об ослаблении охраны границы в связи с сокращением таможенных учреждений²⁴. В результате ломки старого аппарата и использования новых, неподготовленных к охране границы структур (ГПУ) произошло значительное ухудшение ситуации, связанной с охраной госграницы, что во многом способствовало возрастанию объемов контрабанды в ДВО (до 20 млн руб. в год)²⁵.

С самого начала своей деятельности в борьбе с контрабандой Дальревком ограничивался в основном административными мерами, поскольку они не затрагивали фискальные интересы государства и основу монополии внешней торговли. В январе 1923 г. были утверждены декреты Совнаркома "Временное положение о местных таможенных учреждениях", "Положение о таможенной охране", "О премировании задержателей контрабанды", "О борьбе с контрабандой"²⁶. Была также утверждена инструкция по борьбе с контрабандным переходом лошадей через государственную границу РСФСР²⁷. В апреле 1924 г. был установлен порядок ввоза ценностей из-за границы²⁸.

В постановлении СНК от 8 декабря 1921 г. говорилось о создании региональных комиссий по борьбе с контрабандой²⁹. В результате на Дальнем Востоке в 1923 г. были образованы Дальневосточная окружная комиссия по борьбе с контрабандой, Амурская губернская комиссия по борьбе с контрабандой, семь соответствующих районных комиссий³⁰. Комиссии просуществовали с апреля 1923 г. по декабрь 1924 г.³¹ Они подчинялись Центральной комиссии по борьбе с контрабандой и отчитывались перед Дальревкомом. Председателем Дальневосточной окружной комиссии являлся А.К. Флегонтов. Вопросы, которые решала комиссия под его руководством, представляли чрезвычайную важность для ДВО.

Председатель окружной комиссии по борьбе с контрабандой не раз информировал центр и Дальревком о росте контрабанды на Дальнем Востоке в масштабах, угрожающих для внешнеэкономической политики Советской России. Он считал, что рост контрабанды во многом обусловлен товарным голодом на потребительском рынке, особенно среди пограничного населения и в приисковых районах. Темпы поступления товаров из России не удовлетворяли потребительский рынок; излишняя жесткость лицензионной политики, проводимой на Дальнем Востоке органами НКВД, не отвечала экономическим возможностям и потребностям дальневосточного потребительского рынка; слабо развитая потребительская сеть, отсутствие кооперации в приграничных районах, невозможность ее борьбы с дешевизной контрабандных товаров, необычайно высокие цены на продукцию отечественной промышленности — все это обуславливало малодоступность товаров для широких слоев населения, которые привыкли к дешевым китайским изделиям.

К административным причинам, способствовавшим развитию контрабанды, относились: неудовлетворительная работа пограничных служб по охране экономических интересов (борьба с контрабандой); недостаточная численность войск по-

гранохраны ГПУ и их плохое обеспечение; закрытие границ как способ борьбы с контрабандой в условиях отсутствия необходимых для населения товаров³².

По мнению Флеготова, необходимо было ослабить излишне жесткую лицензионную политику, разрешить приграничному населению пересечение границы для сезонных работ и для охоты, приобретение заграничных товаров на льготных условиях, улучшить положение погранохраны ГПУ, организовать внутренние таможенные надзоры в местах потребления контрабанды (прииски, торговые центры), организовать ярмарки в районах сбора пушнины, обеспечить население, занимающееся охотой, охотничьими припасами, оружием, оборудовать госграницу пограничными знаками, ускорить рассмотрение дел, связанных с контрабандой, усилить меры наказания за контрабанду, увеличить штат сотрудников таможен, ведущих конфискационное делопроизводство³³.

Постановления окружной комиссии были обязательными и для Амурской губернской комиссии по борьбе с контрабандой. Но протоколы ее заседаний свидетельствуют о недостатках в ее работе, об отсутствии в подразделениях по борьбе с контрабандой взаимопонимания, неукомплектованности личного состава, уличении в контрабанде тех, кто должен был вести с ней борьбу³⁴.

Истинное положение дел по охране экономических рубежей прослеживается по отчетам заседаний районных комиссий. Так, на заседании Кумаренской районной комиссии 23 мая 1923 г. говорилось что границу района охраняют 15 бойцов погранохраны, которые не имеют лошадей. Вместо охраны они занимаются охотой и рыбной ловлей, нередко пьянствуют. А в это время через зону их ответственности проходят большие партии контрабандного спирта³⁵.

На V Дальневосточной партийной конференции предлагалось разрешить органам Госторга первичную скупку золота и пушнины при помощи умелого регулирования цен³⁶. По официальным данным, количество золота, которое уходило каждый год за границу, достигало 175 пудов или 33% от общего объема добычи³⁷. Представителю Дальревкома в Москве удалось добиться повышения закупочных цен на золото и пушнину, что уменьшило их контрабандную утечку за границу. В середине 1925 г. областная газета "Тихоокеанская звезда" сообщила о сокращении утечки золота с приисков Приамурья в Маньчжурию после повышения платы за сдаваемое в казну шлиховое золото³⁸. При подведении итогов пушной кампании на президиуме Дальревкома было заявлено, что "вся пушнина, закупленная китайцами в Забайкалье и низовьях Амура, поступает почти исключительно к нам", так как после повышения цен стало выгодно продавать пушнину местным заготовителям³⁹.

Трудность ведения борьбы с контрабандой заключалась в том, что все приграничное население пользовалось контрабандными товарами, с которыми не могли конкурировать изделия центральной части страны в связи с большими накладными транспортными расходами. Трудности транспортировки из-за медлительности и дороговизны доставки препятствовали установлению прочных экономических связей с центром. Время, необходимое для доставки товара превышало сроки кредитования трестами и синдикатами, поэтому покупка была возможна за наличные, которых кооперация не имела⁴⁰.

Областные органы власти стали вплотную прорабатывать вопросы борьбы с контрабандой не только административными, но и экономическими методами. Так в резолюции областного партийного совещания от 16 сентября 1924 г. было указано, что необходимыми экономическими мероприятиями в борьбе с контрабандой являются: снижение цен на товары отечественного производства, уменьшение накладных расходов, снижение тарифов, сокращение процента прибыли на товары массо-

вой контрабанды, распространение на товары, ввозимые в ДВО, льгот в размерах, необходимых для успешной борьбы с контрабандой⁴¹.

Подотчетная Дальэконо областная плановая комиссия в 1924 г. на своих заседаниях также разрабатывала вопросы борьбы с контрабандой. Она подчеркивала, что существующее законодательство в отношении контрабанды сводится к почти безнаказанности виновного, что необходимо создать тыловые надзоры для борьбы с контрабандой, изменить порядок реализации с торгов конфискованных товаров⁴². Но не все предложения комиссии могли быть реализованы, так как они затрагивали государственные интересы. Например, для удачной борьбы с контрабандой спирта из Маньчжурии необходимо было снизить акциз на спирт до пяти копеек за градус — это способствовало бы значительному уменьшению ввоза контрабандного спирта, но урезало бы доходную часть по акцизу на 50%, поэтому предложение не прошло⁴³.

Подводя итоги работы Дальревкома за три года, его председатель Я.Б. Гамарник отметил, что Дальревком всегда уделял особое внимание проблеме контрабандных товаров и защищал монополию внешней торговли с помощью пограничной охраны, судебных мер и экономической работы, так как без этого спасти становление и развитие народного хозяйства в ДВО было невозможно⁴⁴.

Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть, что хотя Дальревком не справился с задачей преодоления контрабанды в Дальневосточной области, но ему удалось снизить уровень незаконного вывоза из региона золота и пушнины и незаконного ввоза товаров широкого потребления из Маньчжурии.

Важная роль Дальревкома в борьбе с контрабандой состоит в том, что он смог заложить основу в виде административных и силовых органов, опираясь на которые советская власть в первой половине 1930-х годов в основном искоренила контрабанду на советском Дальнем Востоке.

1. ГАХК Ф. Р. 1151. Оп. 1 Д. 1 Л. 7.
2. Су и РКП № 69 от 29 сентября 1923 г. Инв. № 8454. Д. № 670. Л. 1231.
3. Су и РКП № 69 от 29 сентября 1923 г. Инв. № 8454. Д. № 670. Л. 1231–1232.
4. Кисловский Ю.Г. История таможи государства Российского. М.: Автор, 1995. С. 123–137.
5. Кисловский Ю.Г. История таможи государства Российского. М.: Автор, 1995. С. 137–138.
6. ГАХК Ф. Р. 58. Оп. 1 Д. 25. Л. 37 об.
7. Борьба рабочего класса за восстановление и развитие промышленности Дальневосточной области 1922—1925 гг. Хабаровск, 1962. С. 67—68.
8. ГАХК Ф. Р. 1151. Оп. 1. Д. 1 Л. 10.
9. Борьба рабочего класса за восстановление и развитие промышленности Дальневосточной области 1922—1925 гг. Хабаровск, 1962. С. 82—83.
10. ГАХК Ф. Р. 1151. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
11. Дальревком. Первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке 1922—1926 гг. Хабаровск, 1957. С. 105.
12. ГАХК Ф. Р. 1151. Оп. 1. Д. 2. Л. 145; Там же. Д. 1 Л. 159.
13. ГАХК Ф. Р. 1151. Оп. 1. Д. 2. Л. 145.
14. Экономические очерки Дальнего Востока. Владивосток, 1925. С. 83—84.
15. ГАХК Ф. Р. 1151. Оп. 1. Д. 1. Л. 158—159.
16. ГАХК Ф. Р. 1151. Оп. 1. Д. 2. Л. 145.
17. ГАХК Ф. Р. 1151. Оп. 1 Д. 1. Л. 162—163.
18. ГАХК Ф. Р. 1151. Оп. 1. Д. 2. Л. 146.
19. ГАХК Ф. Р. 1151. Оп. 1. Д. 2. Л. 147.

20. Из истории Таможенной службы России на Дальнем Востоке. Документы и материалы 1899-1925 гг. Владивосток, 1999. С. 123-125.
21. Из истории Таможенной службы России на Дальнем Востоке. Документы и материалы 1899-1925 гг. Владивосток, 1999. С. 127-130.
22. ГААО. Ф. П. 9. Оп. 2. Д. 182. Л. 10; Там же. Д. 20. Л. 2 об; ГАХК. Ф. П. 318. Оп. 1. Д. 94. Л. 28-30.
23. РГИА ДВ Ф. Р. 1306. Оп. 1 Д 1272. Л. 1-8 об; Там же. Оп. 2. Д. 784. Л. 2-7 об.
24. ГААО. Ф. П. 6. Оп. 1. Д. 50. Л. 25; Амурская правда. 1979. 27 мая; Там же. 1926. 5 марта.
25. ГАХК Ф. Р. 58. Оп. 1. Д. 25. Л. 39.
26. ГАХК Ф. Р. 58. Оп. 1. Д. 18. Л. 100 об-111.
27. ГАХК Ф. Р. 58. Оп. 1. Д. 18. Л. 507-507 об.
28. ГАХК Ф. Р. 58. Оп. 1. Д. 18. Л. 528.
29. Пограничные войска СССР. 1918-1928. М.: Из-во Наука, 1973. С. 189-190.
30. РГИА ДВ Ф. Р. 1306. Оп. 1. Д 1177. Л. 25.
31. РГИА ДВ Ф, Р. 1306. Оп. 1. Д 1178. Л. 60.
32. РГИА ДВ Ф, Р. 2422. Оп. 1. Д 670. Л. 22-23.
33. РГИА ДВ Ф, Р. 2422. Оп. 1. Д 670. Л. 24-24 об.
34. РГИА ДВ Ф, Р. 1306. Оп. 1. Д 1177. Л. 6-18; Там же. Д 1272. Л. 1-8 об.
35. РГИА ДВ Ф, Р. 1306. Оп. 1. Д 1177. Л. 19-19 об.
36. Дальревком. Первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке 1922-1926 гг. Хабаровск, 1957. С. 73.
37. ГАХК Ф. Р. 1151. Оп. 1. Д.2. Л. 108.
38. Тихоокеанская звезда. 1925. 4 июня.
39. Тихоокеанская звезда. 1925. 26 июня.
40. ГАХК Ф. Р. 1151. Оп. 1. Д.1. Л. 9, 159.
41. Дальревком. Первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке 1922-1926 гг. Хабаровск, 1957. С. 105-106.
42. ГАХК Ф. Р. 937. Оп. 1. Д. 47. Л. 111-292.
43. ГАХК Ф. Р. 937. Оп. 1. Д. 47. Л. 293-294.
44. Дальревком. Первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке 1922-1926 гг. Хабаровск, 1957. С. 244-246.

Чайная торговля между Китаем и Россией

© 2007

Лю Цзайци

Большинство современных людей знают о том, что в прошлом существовал торговый путь, соединявший Китай, Среднюю Азию и Европу — Шелковый путь, служивший основным каналом культурного обмена между Китаем и Западом. Мало кто знает, что с середины XVIII по начало XX в. существовал еще один торговый маршрут, шедший через степи Северного Китая и Монголии, а потом через Сибирь, и соединявший Китай с Европой. Это и есть забытый ныне путь русско-китайской чайной торговли, в свое время процветавший, история которого насчитывает более 200 лет. Он начинался на реке Янцзы, в Ханькоу, бывшем во времена империи Цин важнейшим центром чайной торговли в бассейне р. Янцзы.

400 лет назад российские казаки приблизились к границам Китая и наконец установили непосредственную связь между непрерывно расширявшимся на восток Российским государством и древней Китайской империей. На протяжении нескольких столетий российско-китайские отношения отнюдь не всегда были мирными, периоды военных столкновений и напряженности сменялись периодами мирной торговли. В 1689 г. Нерчинский договор не только официально оформил русско-китайскую границу, но и положил начало русско-китайской торговле. В 1728 г. маньчжурское правительство империи Цин и Российская империя подписали Кяхтинский трактат, подтвердивший линию государственной границы и создавший более благоприятные условия для русско-китайской торговли. С этого времени торговля между двумя государствами, прежде бывшая исключительно караванной, стала постепенно превращаться в приграничную торговлю, хотя торговые караваны сохраняли свое значение. Кяхта — небольшой песчаный холм на границе России и Китая — стал постепенно превращаться в степную торговую "столицу". В России и Европе этот город стали называть "сибирским Гамбургом" и "Венецией пустыни". В XIX в., во время расцвета чайной торговли между Россией и цинским Китаем, Кяхта — "Венеция пустыни" и далекий Ханькоу, расположившийся на берегах Янцзы, по сути были городами-братьями. 200 лет чайной торговли между Россией и Китаем оставили нам ценный исторический опыт.

1. История китайско-русского чайного торгового пути.

Китай — родина чая. Экспорт китайского чая за границу начался еще в XVI в., а в XVII в. в Европе и в России уже существовал сложившийся рынок китайского кирпичного чая. В 1654 г. в Пекин прибыл российский посланник Бай-

ков, проживший здесь полгода, причем цинское правительство позаботилось о том, чтобы ему и его посольству каждый день подавали чай пуэр. Когда Байков проводил переговоры о торговле между Россией и Китаем, он закупил чайные листья, чтобы отвезти их обратно в Россию. На 1674 г. в Москве уже шла торговля китайским чаем. Прибывший в 1716 г. в Китай русский торговый караван в числе прочего закупал и чайные листья, а через некоторое время чай превратился в один из официальных продуктов, закупувавшихся русскими купцами в Китае. В 1764 г. российский купец Милл отмечал в своих записях: "Чай — непреходящий продукт в нашей торговле с Китаем, мы привыкли к китайскому чаю, и от этой привычки уже не сможем отказаться". К концу 18 века чай получил широкое распространение в Сибири. Что касается европейской части России, то там его поначалу пили высшие слои населения, но во время русско-турецких и русско-французских войн его стали распределять также и в армии. В 19 веке наступил расцвет русско-китайской чайной торговли, чай занял первое место среди предметов китайского экспорта в Россию, оттеснив шелк и хлопчатобумажные материи. На 1811 г. экспорт чая в Россию составлял 80 000 пудов, на 1820 г. — более 100 000, причем торговля чаем составила 88% от общего объема российско-китайской торговли на то время. В романе Л.Н. Толстого "Война и мир" содержится описание чаепития, в ходе которого пьют китайский чай пуэр. Чай пуэр ввозился в Россию в основном в виде кирпичного чая, поскольку так его было легче перевозить. Особенно широкое распространение этот чай получил в Сибири и среди татар Поволжья, поскольку в него можно было добавлять молоко, коровье масло, соль и другие приправы. Этим объясняется такая популярность чая среди кочевых и полукочевых народов Монголии и Сибири, основной пищей которым служит мясо и молоко. Среди этих народов даже сложилась поговорка: "Можно прожить день без еды, но нельзя прожить день без чая". Известный французский писатель Бальзак в одном из своих произведений также восхвалял китайский чай.

Заслуживает внимания то, что продававшийся в Россию кирпичный чай производился в основном на территории южных провинций Китая, а в качестве торговцев выступали представители провинций, в которых этот чай не производился, в первую очередь, жители провинции Шаньси.

Вот как описываются Центральная равнина и кочевые народности севера Китая в "Записках об уезде Фэньян", составленных в середине XIX в.: "В Шаньси климат холодный, а земля бедная, малоурожайная, людей много, а земли мало. Урожай небольшие, произрастают только гаолян, пшеница, просо, соя. Кроме того, все, что необходимо для повседневной жизни, приходится привозить из далеких краев". В этих тяжелых условиях, одним из основных занятий для жителей Шаньси делалась посредническая торговля между севером и югом: они покупали шелк в Ханчжоу, чай и сахар в Ханькоу, лиановое полотно в Сычуани, хлопчатобумажные ткани в столичной провинции. Благодаря своей смелости, способностям, умению приспосабливаться к обстоятельствам, бесстрашию перед риском, торговцы провинции Шаньси прокладывали все новые торговые пути, проходившие через всю Поднебесную. Среди этих путей был и шедший из Фуцзяни, Цзянси и Хубэя, по реке Ханьшуй, через территорию провинции Шаньси, а потом через Монголию и Сибирь в Москву и Санкт-Петербург чайный торговый маршрут.

Каждый год купцы из Шаньси отправлялись далеко на юг, чтобы закупить чай. Они также вкладывали деньги в строительство производств для обработки чая, в которых с помощью деревянных и железных ручных прессов изготавливались чайные кирпичи. Таким образом, тысячи и десятки тысяч крестьян каждый год получали работу по сбору и обработке чая, что вело к расцвету ре-

месла в районах к югу от реки Янцзы. Поначалу, купцы из Шаньси с большой охотой покупали чай с горы У-и, провинция Фуцзянь, чайный рынок располагался в городе Сямэй уезда Чунъань, откуда чай доставлялся в город Хэкоу, располагавшийся в горах Цяньшань. Потом водным путем, по реке Синьцзян, озеру Поянху, минуя город Цзюцзян, чай доставлялся на перевалочный пункт в Ханькоу. В годы правления цинского императора Сяньфэна, во время восстания тайпинов, путь чайной торговли был на несколько лет перекрыт, и тогда находчивые купцы начали более активно закупать чай в провинциях Хубэй и Хунань. Теперь чай после предварительной обработки, уже в виде кирпичей доставлялся в Ханькоу, а оттуда по реке Ханьшуй (Сянхэ) доставлялся в Фаньчэн. Оттуда, по воде и по суше, чай через провинции Хэнань и Шаньси довозился до Внутренней Монголии, грузился там на верблюдов и, проделав путь более чем в 1000 км по пустыням и степям, достигал Кяхты. Затем русские купцы везли чай через Иркутск, Урал, Тюмень в Москву и Петербург. Во времена империи Цин чайная торговля играла большую роль для экономики обоих государств, способствовала развитию чайной промышленности и транспорта в Китае, экономическому и социальному развитию северных степных районов Китая и российской Сибири. Вдоль маршрута чайных торговых караванов посреди степи один за другим вырастали города, происходило взаимодействие между европейской и китайской культурой. В 1857 г. в своей работе “Русская торговля с Китаем” Карл Маркс писал: “Важнейшим товаром, который китайцы продают в Кяхте, является чай. Русские же продают там хлопчатобумажные ткани и меха. Прежде среднегодовой объем чайных продаж в Кяхте не превышал 100 000 ящиков в год, но к 1852 г. он уже достигал 1 750 000 ящиков, а общая цена товара превышала 15 000 000 американских долларов. Благодаря росту торговли, Кяхта превратилась из обычной ярмарки в один из достаточно крупных городов России”.

После второй опиумной войны, согласно условиям Пекинского договора 1861 г., Ханькоу превратился в один из открытых портов. После того, как Англия добилась для себя концессии в Ханькоу, Россия, Франция, Германия и другие государства стали добиваться того же. Русские, в силу своих давних торговых связей с Китаем, понимали значение Ханькоу как чайного рынка. В 1862 г. представители России и цинское правительство подписали “Статут о сухопутной торговле между Россией и Китаем”. Русские торговцы получили право на закупку и обработку чая непосредственно в чаепроизводящих районах юга Китая и на доставку чая в Тяньцзинь с помощью речного транспорта. Русские предприниматели прибыли в Ханькоу и сразу приступили к найму людей в чаепроизводящем районе Янлоудун, округ Пуинь (современный Чибби), для обработки чая и изготовления чайных кирпичей. С 1863 по 1873 г. в Янлоудуне было построено три фабрики по обработке чая: Шуньфэн, Синьтай и Фучан. Конкурируя с английскими торговцами за каналы поставок чая, русские платили за чай на несколько процентов выше чем англичане, русские предприниматели осуществляли обработку чая прямо на месте его сбора, а затем экспортировали его транзитом через Ханькоу. В 1874 г. три основанные русскими фабрики по обработке чая были переведены в Ханькоу, причем одна из них, Шуньфэн, расположилась прямо напротив английского сэттльмента. Фабрика Синьтай располагалась в районе Ланьлин, а Фучан — рядом с дорогой, идущей в Нанкин. В 1893 г. неподалеку от дороги, идущей на Шанхай, была построена и четвертая фабрика — Байчан. Рядом с фабрикой Шуньфэн, располагавшейся на берегу Янцзы, был построен торговый порт, первый из трех торговых портов Уханя. С 1874 г. российские предприниматели для изготовления чайных кирпичей начали использовать паровые машины и водяные прессы, а основанные российскими подданными фабрики

стали первыми современными предприятиями Уханя и положили начало промышленному развитию города. Люди, нанимавшиеся на российские фабрики, стали первыми индустриальными рабочими Уханя.

В 1861 г. из порта Ханькоу было вывезено 80 000 даней чая (1 дань = 50 кг.), в 1862 г. — 216 000, и затем объем вывоза постоянно возрастал. С 1871 по 1890 г. в среднем в год вывозилось более 2 000 000 даней чая. В это время на мировом рынке доля китайского чая составляла 86%, а доля чая, вывозившегося из Ханькоу — 60%. Торговые корабли непрерывным потоком входили в порт Ханькоу, а пристани растянулись более чем на 15 км, от реки Сянхэ (Ханьшуй) до Цзяцзи. Европейцы называли Ханькоу “чайной гаванью”.

В ходе торговой войны между русскими и английскими чайными производителями и торговцами, англичане потерпели поражение и вынуждены были оставить Ханькоу и перебраться в Индию и на Цейлон, где они начали осваивать индийский рынок черного чая. Русские предприниматели добились практической монополии на чайном рынке Ханькоу. Причина успеха русских торговцев заключалась в том, что они обладали более основательным капиталом, коммерческим опытом. В отличие от английских предпринимателей, они не скупали готовую продукцию прямо с китайских складов, а основывали собственные фабрики по обработке чая, закупая чайные листья у крестьян. Благодаря этому уменьшалось количество посредников и сокращалась себестоимость чая. Кроме того, на своем производстве российские предприниматели использовали передовые технологии, в результате чего повышалось качество продукта и возрастала эффективность производства. Наконец, важной причиной успеха русских было использование ими новых транспортных маршрутов. Традиционный сухопутный маршрут Ханькоу — Кяхта заменил новый водный маршрут, шедший по рекам и морю. По Янцзы груз доставлялся в Шанхай, оттуда по морю в Тяньцзинь и далее во Владивосток. Позже был освоен также морской путь от Шанхая до Одессы. Благодаря освоению новых торговых маршрутов, удалось сократить стоимость перевозок, а прибыль от торговли возросла. По мере роста значения морского транспорта, старый сухопутный маршрут постепенно приходил в упадок. В 1905 г., после завершения строительства Транссибирской железной дороги, чай из Ханькоу и Янлоудуна стал перевозиться в европейскую Россию из Владивостока по железной дороге, и некогда процветавший торговый маршрут Ханькоу — Кяхта окончательно утратил значение и стал достоянием истории. После революции 1917 г. чайная торговля с Россией начала приходить в упадок, русские фабрики в Ханькоу закрывались одна за другой, фабрика Синьтай была передана английским предпринимателям и стала называться фабрикой по производству кирпичного чая “Тайпинъян” (“Тихий океан”). Завершилась более чем полувековая история русской монополии на чайном рынке Ханькоу, а вместе с ней и двухвековая история китайско-русского чайного торгового пути.

2. Исторические и политические причины возникновения китайско-русского чайного торгового маршрута.

Всем известно, что маньчжурское цинское правительство проводило политику “закрытых дверей”, распространявшуюся как на юго-восточные приморские районы, так и на северную границу. Иностранная торговля строго контролировалась. С XVI в., в результате формирования и укрепления российского многонационального государства и расширения России на восток, русские приблизились непосредственно к границе Китая, и в XVII в. маньчжурское правительство было вынуждено приступить к налаживанию связей со своим могуще-

ственным северным соседом. С одной стороны, после присоединения Сибири и Дальнего Востока к России, постоянно шел процесс переселения людей из европейской части России в азиатскую. Суровый климат и дальние расстояния затрудняли доставку товаров, и русское правительство волей-неволей должно было ввозить необходимые для населения продукты из Китая. С другой стороны, после присоединения к России Сибири и Аляски, цинское правительство, нуждавшееся в драгоценных мехах, должно было осуществлять их ввоз из России. Несмотря на это, маньчжурское правительство по-прежнему неохотно шло на торговлю с иностранцами, поэтому вплоть до 1800 г. российско-китайская приграничная торговля с центром в Кяхте испытывала значительные трудности и противодействие, пребывала в состоянии нестабильности. Согласно китайским источникам, на протяжении 1762—1800 гг. торговые отношения между Россией и Китаем прерывались 4 раза, а согласно российским источникам — 14 раз. Такая нестабильность приносила массу неудобств населению Сибири, да и европейской части России. Жители Сибири и Дальнего Востока издревле закупали в Китае ткани, а нестабильность политических и торговых отношений между двумя странами ставила поставки китайских тканей под угрозу. В результате, жители Сибири вынуждены были в условиях неблагоприятного холодного климата “приступить к выращиванию льна, а женщины — к изготовлению полотна и тканей”¹. Кроме того, питье чая “уже давно превратилось в необходимую потребность для русских”², причем основным чайным рынком для России служила Кяхта. Как только русско-китайские торговые отношения в очередной раз прерывались, население России на огромном пространстве от Кяхты до Финского залива вынуждено было закупать чай в западной и северной Европе, в особенности в Англии. Поскольку чай там не производился, а только обрабатывался, цена его была чрезвычайно высока. “На 1780 г. пуд чая, ввозившегося из Китая, стоил в России 11 рублей, а из Западной Европы — 52 рубля”³. Простым людям, нуждавшимся в чае, в периоды прекращения российско-китайской торговли приходилось платить за этот продукт в 3—4 раза большую цену. Это вызывало всеобщее недовольство. Более того, как только закрывался кяхтинский рынок, огромный убыток терпели все группы населения, связанные с приграничной торговлей: купцы, перевозчики, охотники, носильщики и другие. Это вело к постоянной социальной нестабильности в приграничном регионе России. Прекращение торговли с Китаем наносило российской стороне огромный материальный ущерб. Согласно расчетам российского финансового ведомства, в результате прекращения приграничной торговли, российская казна несла годовой ущерб в размере 600 000 руб. дохода от налогов, в то время как общий объем товарооборота на территории Сибири в то время не превышал 3 000 000 руб. Можно сказать, что прекращение торговли в Кяхте, инициированное китайской стороной, несло России массу вреда и никаких выгод, поэтому российское правительство особенно трепетно относилось к кяхтинской чайной и другой торговле. Одновременно в эпоху ожесточенной борьбы за китайский рынок Россия стремилась путем восстановления традиционной торговли в Кяхте закрепиться на рынках северного Китая. В это время Англия, Франция, другие европейские государства и США стремились всеми возможными способами проникнуть на китайский рынок. В условиях активного соперничества между Россией и Англией на Дальнем Востоке в XIX в., России просто необходимо было укреплять свою торговую сеть в северном Китае и развивать транспорт на территории Сибири. Что касается Китая, то для него торговля с Россией через Кяхту имела не только экономическое и социальное значение, о котором говорилось выше, но также и значение политическое. После второй опиумной войны цинское правительство было вынуждено открыть для

иностранцев Ханькоу и другие порты на Янцзы, в результате чего вновь возросло значение старого торгового маршрута Ханькоу — Кяхта. Кроме того, столкнувшись в середине XIX в. с агрессией европейских держав, а потом и Японии, цинское правительство вынуждено было искать помощи России, чтобы противодействовать другим европейским державам. Кроме того, свое влияние на китайское правительство оказывала мощная организация купцов северо-восточного Китая, заинтересованных в торговле с Россией. Поэтому в XIX в. кяхтинская торговля вступила в фазу стабильного развития и достигла своего наивысшего процветания. С 1800 по 1824 г. объем двусторонней торговли каждые 5 лет возрастал на 20—25%.⁴ Такие темпы развития торговли устраивали и российскую, и китайскую стороны. Одновременно российско-китайская торговля обладала большим потенциалом развития. В 30—40-е гг. XIX в. ввоз мехов из России, благодаря более выгодным условиям, окончательно подавил английский импорт мехов в Китай. В 1839 г. в Китай через Кяхту было ввезено 1 219 189 меха из России, в то время как английского меха через Гуанчжоу было завезено только 820 925, т.е. всего 67% от того, что было завезено через Россию. Отсюда видна значимость кяхтинского рынка для российско-китайской торговли. Один из советских исследователей российско-китайской приграничной торговли отмечает: “В 30-е гг. XIX в. российско-китайская торговля через Кяхту существенно возросла. В 1829 г. объем торговли через Кяхту составлял 29% от общего объема экспорта-импорта в азиатской части России, а в 1840 г. — уже 42%”⁵. Далее этот исследователь пишет: “В 40—50-е гг. XIX в. русско-китайская торговля составляла 60% от общего объема азиатской торговли России. Также следует отметить, что если прежде Китай закупал в основном российские меха и сукно, то теперь китайские торговцы начали покупать также хлопчатобумажные ткани. В 1820-е гг. закупки китайской стороной хлопчатобумажных тканей из России составляли 2% от объема азиатского экспорта России, в 30-е гг. — уже 18—20%, а в 40—50-е — более 50%”. Такова была ситуация накануне и сразу после первой опиумной войны. Становится ясно, почему российское правительство запретило своим подданным осуществлять контрабанду опиума в Китай. Одновременно в свой золотой век вступила и китайско-русская чайная торговля⁶. Это вело не только к насыщению российского рынка этим продуктом, но и к развитию рыночных связей внутри России. Накануне и после англо-китайских опиумных войн традиционная российско-китайская торговля через Кяхту, стараниями обеих сторон, переживала период стабильного и здорового развития. Российское правительство особенно стремилось к поддержанию нормального порядка торговли, поскольку это была “самая выгодная для России торговля, с которой, пожалуй, не могла сравниться торговля ни в какой другой области”. В конце XIX — начале XX в. экспорт китайского чая в Россию и Европу по маршруту Ханькоу — Кяхта достиг еще более высокого уровня.

3. Ценный исторический опыт, способный обогатить содержание российско-китайского экономического и культурного обмена

Российско-китайский чайный торговый путь — это ценное историческое наследие, которое нужно изучать и развивать. Хотя в силу исторических причин этот, в течение двух веков процветавший, торговый путь прекратил свое существование, он до сих пор представляет для нас ценнейший материал по истории русско-китайских торговых отношений, а также является важным источником для развития туризма.

Место, где начинался китайско-русский чайный торговый путь — Янлоудун — расположено на территории города Чибэ провинции Хубэй. Там и сейчас расположены чайные плантации площадью в десятки тысяч гектаров, а в городке неподалеку сохранилась каменная мостовая, на которой и сейчас видны следы колес, оставленные телегами, вывозившими из города груз чайных листьев. Сохранились также стальные ручные прессы для изготовления чайных кирпичей и большие весы для взвешивания чая. В то время в городе было около сотни чайных магазинов, а население достигало 40 000 чел. Для промывания чая использовалась вода реки Гуаньиньцюань и еще трех небольших речек, и названия многих чайных магазинов содержали иероглиф “чуань” — “река”: Чаншэнчуань, Цзюйшэнчуань, Саньчжунчуань и т.д. Сегодня, чайная фабрика Чжаолицяо по-прежнему продолжает печатать на чайных кирпичах этот иероглиф. В 10 км от Янлоудуна чай грузили на речные суда, и отсюда начинался его долгий путь на север. Здесь до сих пор сохранились 2—3 мощные камнем улицы эпох Мин и Цин, по сторонам которых тянутся деревянные магазины и лавки. Улица тянется вдоль реки, на которой по сей день сохранился каменный причал для погрузки чая на корабли. Отсюда кирпичный чай по воде доставлялся к озеру Хуангайху, и дальше по реке Янцзы до Ханькоу.

Почти все, что связано с русскими в Ханькоу, одновременно связано и с чайной торговлей. Единственным классическим образцом русской архитектуры в Ханькоу является православный храм, построенный в 1876 г. российским чайным торговцем Петром и выполненный в традициях византийской архитектуры, с шестигранным алтарем и круглыми куполами. В 1888 г. было построено здание российской чайной фабрики Синьтай, которое сохранилось по сей день и расположено на улице Ланьлин в Ханькоу. В апреле 1891 г. это здание посетил находившийся в то время с визитом в Китае наследник российского престола Николай Александрович (будущий Николай II, последний император Российской империи). Он принял участие в торжествах по поводу 25-летия основания фабрики Синьтай. Чжан Чжи-дун, бывший тогда наместником провинций Хубэй-Хунань устроил в честь российского наследника престола торжественный прием в павильоне Цинчуань в Ханьяне. В 1896 г. российское и цинское правительство подписали соглашение об основании в Ханькоу российского консульства, и в 1902 г. это консульство было создано (оно располагалось по адресу: Ханькоу, улица Дункуан-цзе, 75; сейчас здание принадлежит киностудии провинции Хубэй). Российское консульство представляло собой кирпично-деревянную конструкцию, причем поверхность кирпича была инкрустированной, а наличники окон выполнены из особо твердых пород дерева. Позже на территории российской концессии было также построено здание полицейского участка, расположенное на улице Поян-лу. На улице Дунтин-лу расположилось знаменитое здание, известное в Ханькоу как “дом господ Ба”. Это треугольное в плане здание было построено в 1909 г. хозяевами чайной фабрики Синьтай тремя братьями Банновыми, потратившими на строительство 150 000 серебряных лян. На улице Дунтин-цзе расположился особняк Иванова — основателя знаменитого чайного завода Шуньфэн. Сейчас здание арендует один из крупных баров Ханькоу, но оно по-прежнему сохраняет свой первоначальный стиль, в том числе сохранилась голландская печь в гостиной. Напротив “дома господ Ба” располагалось здание Российского чайного банка, сейчас же в этом здании помещился ресторан русской кухни. Особенно он славится своими тушеной говядиной и борщом. Говорят, что с 1920 по 1950-е гг. у дверей ресторана стоял одетый в русскую национальную одежду швейцар, учтиво приветствовавший гостей. Сейчас все вышеперечисленные архитектурные памятники, связанные с пребыванием русских в Ханькоу,

внесены в список объектов исторического значения под охраной городского правительства Уханя и открыты для свободного посещения туристов.

На реке Ханьцзян, по которой чай перевозился на север, располагались важные торговые пункты Фаньчэн и Гучэн, в которых также сохранились торговые пристани и постройки конца цинской эпохи. Некоторые из них в последнее время были отреставрированы. Другим важным перевалочным пунктом на пути чая в Россию был уезд Шэци провинции Хэнань, в котором располагались многочисленные торгово-кредитные заведения. Сюда непрерывно прибывали караваны мулов, груженных тюками чая, здесь останавливались купцы из северных районов Китая, велись торговые переговоры. До сих пор здесь сохранилось несколько мощенных камнем улиц минского и цинского времени, старинные фасады торговых лавок и магазинов, а также огромный дом для собраний купцов из северных провинций Шаньси и Шэньси. Уезды Пинъяо, Тайгу, Цисянь и Юйцы провинции Шаньси были родиной многих богатых северных купцов, которые из доходов от чайной торговли выделяли огромные средства на проведение здесь масштабного строительства. Здесь было построено множество изысканных резиденций богатых купцов — *сыхэюань*, выполненных в северокитайском стиле, таких, как резиденция семьи Ван в Линши, резиденция семьи Цао в Тайгу, резиденция семьи Цяо в Цисянь, резиденция семьи Чан в Юйцы. Из них особенно знаменита резиденция семьи Цяо в Цисянь, в которой за последние 10 лет снималось множество исторических фильмов, например, “Зажги красный фонарь” и “Резиденция семьи Цяо”. Благодаря этому данная резиденция уже давно превратилась в туристическую достопримечательность. Хозяин резиденции Цяо Чжи-тан был одним из храбрых, шедших на риск, но одновременно расчетливых купцов середины XIX в. Во время восстания тайпинов он один отважился отправиться в районы к югу от Янцзы, охваченные пламенем войны, чтобы возобновить там закупки чая и тем самым возродить давно прерванный китайско-русский путь чайной торговли.

Участок чайного торгового пути сохранился на границе современной провинции Шаньси и Внутренней Монголии — это горная застава Шахукоу в уезде Юсянь провинции Шаньси. Привозившийся из Шаньси чай свозился в Хух-Хото (современная столица автономного района Внутренняя Монголия; старое название — Гуйхуа). Самым крупным торговым домом из провинции Шаньси был дом Дашэнкуй из уезда Пинъяо, владевший 20 000 верблюдов, караваны которого доходили до Москвы. Сегодня в пригородах Хух-Хото сохранилось несколько поселков погонщиков верблюдов, возникших в то время. Из Хух-Хото караваны груженых чаем верблюдов отправлялись на север, за 40 дней преодолевали более 1000 км монгольских степей и прибывали на границу с Россией, в город Кяхту. Сейчас Кяхта — это маленький городок на российско-монгольской границе. Здесь уже давно существует основанный русскими музей чая, и город является одним из важных туристических центров. Русские никогда не забывали об этом старом маршруте международной торговли и о его исходном пункте — Ханькоу. В 1999 г. российское международное туристическое бюро открыло туристический маршрут “Вдоль чайного торгового пути”: Москва — Екатеринбург — Иркутск — озеро Байкал — Улан-Удэ — Улан-Батор — Хух-Хото — Пекин.

Начиная с 2002 г. директор международного туристического бюро Бурятской республики РФ и другие представители российской стороны неоднократно приезжали с визитом в Ухань и проводили переговоры о продолжении этого туристического маршрута до Уханя. Они надеются, что маршрут сможет достигнуть Ханькоу и Янлоудуна (уезд Чибя), и предлагают китайским туристам также опробовать маршрут вдоль старого торгового пути.

Во второй половине XX в. российско-китайские отношения не всегда складывались гладко. В результате советско-китайского разрыва 60-х гг. место китайского чая на российском рынке занял чай из Индии и Шри-Ланки (Цейлона). Этот достаточно дешевый красный чай, продающийся в виде мелкого порошка, обладает горьковатым и терпким вкусом и по своему качеству сильно уступает китайскому черному и зеленому чаю. Многие русские, особенно старые люди, с ностальгией вспоминают китайский чай и надеются, что настанет время, когда чай из Ханькоу вернется на российский рынок и возродится старый чайный торговый путь между Китаем и Россией. В связи с этим открытие туристического маршрута вдоль этого торгового пути представляется тем более необходимым.

Мы вступили в XXI в., век экономической глобализации. В условиях, когда Китай проводит активную политику открытости для внешнего мира и развития западных регионов страны, напоминание всему миру о богатой истории китайско-российского пути чайной торговли поможет укрепить предпринимательский дух китайского народа и внушить ему уверенность в себе. Прошлый год был объявлен в Китае "годом России", а нынешний год — "годом Китая" в России. Обе стороны обменялись целым рядом визитов на высшем уровне, экономический, торговый, научный и культурный обмен становятся все более и более тесным. Это укрепляет передающуюся из поколения в поколение дружбу между российским и китайским народами. Туризм, становящийся сейчас наиболее стремительно развивающимся направлением экономики, является важной составной частью российско-китайского экономического обмена.

Китайско-российский чайный торговый путь является важным свидетельством давней истории торговых отношений между двумя государствами и обладает большой привлекательностью для туристов как из России и Китая, так и из других стран. Мы обязаны использовать эту возможность, объединить наши ресурсы и открыть туристический маршрут вдоль чайного торгового пути, превратив его в важный туристический объект. Это будет способствовать дальнейшему экономическому и культурному обмену между Россией и Китаем, а также более тесному общению между народами наших стран.

1. Радищев А. Письмо о китайской торговле, 1791 г. // Проблемы Дальнего Востока. 1987. № 2.
2. Гончаров И. Фрегат "Паллада". М., 1949. С. 426.
3. Си Линь. Кяхта в 18 веке. С. 183.
4. Сладковский М. Российско-китайские торговые и экономические отношения. М., 1974.
5. Ложкова. Экономические отношения России и Центральной Азии (1840 — 1860-е гг.). М., 1963. С. 50.
6. Го Юнь-шэнь. О китайско-российской чайной торговле через Кяхту // Лиши данань [Исторический архив]. 1990. № 2.

Политические и экономические проблемы Японии 1990-х гг. в современной японской и западной историографии

© 2007

П. Калмычек

Последнее десятилетие XX в. можно назвать временем самых значительных изменений в послевоенной политической жизни Японии. На смену стабильности и предсказуемости, которые обеспечивались почти 40-летним правлением Либерально-демократической партии, приходит время неопределенности, характеризующее частой перестановкой сил и переходом депутатов из одной партии в другую. По мере ухода в небытие прежней политической структуры активизируются поиски дальнейшего направления развития всей страны. Перемены происходили на фоне серьезной перестройки мировой экономической и политической системы и могут рассматриваться как одно из ее проявлений.

В силу того, что данные события происходили сравнительно недавно, при их изучении неизбежно встает вопрос о разграничении источников и историографии. Очевидно, что со временем любое наблюдение очевидца описываемых событий может превратиться в источник. К примеру, публицистика может (в зависимости от целей исследования) представлять собой ценный источник исторической информации или являться только историографической единицей, а потому при использовании материалов периодической печати ученый должен быть крайне осторожен. В настоящее время круг полноценных источников ограничен, поэтому при проведении научного исследования историография приобретает дополнительную ценность.

Задача статьи заключается в стремлении выявить и проанализировать основные подходы историков к изучению процессов эволюции партийно-политической структуры Японии в течение последнего десятилетия XX в., а также очертить круг существующих дискуссий, в которых дается оценка произошедшим в рассматриваемый период изменениям.

При этом представляется, что эволюцию внутривнутриполитической ситуации в Японии в указанный период необходимо рассматривать в контексте общей экономической ситуации в стране, уделяя особое внимание анализу условий формирования базовой линии власти, направленной на коренное реформирование экономики Японии. В силу исторических причин влияние и вес Японии в международной политике за последние 50 лет непосредственно зависят от состояния ее экономики. Видимо, поэтому ни один серьезный исследователь политической системы Японии не может пройти мимо необходимости внимательного анализа экономической составляющей политической линии правительства Японии, ее

правлящей и оппозиционных партий. Верно и обратное — многие исследования экономики Японии рассматривают и динамику изменений административной и политической системы, расстановки основных политических сил¹. В рамках изучения проблемы исследования политических и экономических аспектов истории Японии в 1990-х гг. в японской и западной историографии мы постараемся в первую очередь рассмотреть те работы, в которых делается попытка выстроить единую концепцию и дать оценку произошедшим в данный период изменениям. Кроме того, нами также будет выделен ряд работ, рассматривающих отдельные вопросы, представляющие ключевую важность для изучения выбранной темы, такие, как особенности поведения избирателей в Японии, процедура назначения главы правительства, механизм выработки и претворения в жизнь политического курса и ряд других.

В качестве объекта исследования выбрана современная японская и западная англоязычная историография.

Отечественные ученые не остались в стороне от изучения истории Японии 1990-х гг. В академических изданиях регулярно выходят исследования Сенаторова А.И., Еремина В.Н., Загорского А.В., Цветовой И.А., Николаева О.И., Стрельцова Д.В. и многих других. Однако большинство работ рассматривают отдельные проблемы, и по-настоящему комплексного изучения эволюция партийно-политической системы Японии в отечественной историографии практически не получила.

С другой стороны, японские и западные исследователи активно изучали весь комплекс проблем, связанных с изменением политической и экономической жизни Японии, и сумели предложить собственные оригинальные трактовки этих процессов.

* * *

Завершение “холодной войны” повлияло на Японию в гораздо меньшей степени, чем на Соединенные Штаты или Западную Европу; многие наблюдатели посчитали, что Япония не смогла получить “дивиденды от наступления мира”², так как не смогла осуществить необходимого “скачка” в своем экономическом и политическом развитии. Международное и внутреннее положение Японии в 90-е годы было далеко от идеального — в экономике страны продолжался период рецессии, попытки повысить международный политический статус “второй экономической державы мира” не принесли желаемых результатов. При этом необходимо отметить, что именно на 90-е гг. приходится активизация усилий в этом направлении. Япония становится активным членом таких региональных организаций, как Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Совет тихоокеанского экономического сотрудничества, Азиатский банк развития и других³.

В 1993 г. после поражения Либерально-демократической партии (ЛДП) на выборах в нижнюю палату⁴ парламента перестает существовать так называемая “система 1955 года” — политическая система, в рамках которой победу на выборах в обе палаты японского парламента неизбежно одерживала одна и та же партия, а оппозиция зачастую играла лишь номинальную роль, получив название “вечной”. Для того, чтобы сформировать правительство и остаться у власти, ЛДП необходимо было заключить союз с кем-либо из оппозиционных партий, но ни одна из них на такой союз не пошла. Правительство было сформировано широкой коалицией из ранее оппозиционных партий⁵. Предпосылкой этих изменений стало постепенное ослабление позиций ЛДП в конце 80-хх гг. из-за скандалов с коррупцией в ее руководстве⁶, нежелания проводить кардинальные

политические и экономические реформы, а также из-за нарастания внутренних разногласий и выхода из партии группы видных политиков⁷.

Поражение Либерально-демократической партии и приход к власти коалиции породили в японском обществе надежды на создание новой политической системы со сменяемыми партийными правительствами по образцу европейской или американской.

Премьер-министр Японии Морихиро Хосокава, возглавивший новое коалиционное правительство, в своей программной речи в 1993 г. сформулировал стоящие перед Японией в начале десятилетия задачи следующим образом: “Долгая эра двухполярного конфликта Восток—Запад между двумя сверхдержавами — Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом подошла к концу, и сейчас изучается огромное множество возможностей, искренние усилия предпринимаются для поиска новой международной системы, которая заменила бы старую. Япония неизбежно будет следовать этому историческому течению, и двухполярная эра в японской политике, опиравшаяся на структуру времен “холодной войны”, завершилась вместе с окончанием “холодной войны”. В результатах последних всеобщих выборов я вижу свидетельство того, что многие люди отвергли политику противостояния консерваторов и реформаторов и надеются увидеть новую политическую структуру реалистичных возможностей для политического выбора. Присоединяясь к народу в торжественном объявлении окончания старой эпохи, я хотел бы заявить, что занавес открывается с новой эпохой, устремленной в XXI в.”⁸

Однако после прихода в 1993 г. к власти широкая партийная коалиция не смогла выработать собственный, отличный от ЛДП, курс и удержать власть, что привело к возвращению в июне 1994 г. Либерально-демократической партии в качестве центральной силы в японской политике. Тем не менее, на всем протяжении 90-х гг. и по настоящее время для формирования правительства ЛДП, уже не обладающая прежним влиянием в парламенте, вынуждена идти на создание коалиции с другими партиями. Существование нескольких, а не одной, правящих партий можно считать одной из отличительных особенностей последнего десятилетия XX в. Начиная с 1993 г. состав правящих коалиций меняется в соответствии с изменениями в расстановке политических сил — на фоне слияния и размежевания старых партий, образования и распада новых.

Наряду с политической ситуацией, в 1990-х гг. значительные изменения происходят и в экономике. В самом начале десятилетия закончилось “японское экономическое чудо” — период быстрых темпов роста экономики. В конце 1980-х гг. диспропорции в развитии экономики Японии привели к формированию так называемого “мыльного пузыря” — широкомасштабной волны спекуляций среди японских компаний, банков и страховых компаний. Комбинация чрезвычайно высоких цен на землю и чрезвычайно низких процентов на кредит привела к широкомасштабным займам, которые инвестировались в основном в японские и зарубежные акции и систему страхования. Система существовала во многом благодаря завышенным ценам на недвижимость, которая использовалась в качестве залога для получения новых кредитов⁹. Понимая, что поддержать экономику в таком состоянии долго не удастся, центральный банк по распоряжению Министерства финансов начал увеличивать процентную ставку кредита. Это привело к обвалу фондового рынка и появлению так называемых “плохих долгов”¹⁰. Острый кризис в банковском секторе был преодолен только благодаря помощи правительства, и после краха “экономики мыльного пузыря” японская экономика входит в период долговременной стагнации¹¹.

Затянувшийся системный кризис экономики и неспособность правительства провести эффективные реформы ее структуры привели к ухудшению социальной обстановки в Японии. Последствиями кризиса стали рост безработицы¹², череда банкротств, размывание пенсионной системы и т.д., которые оказали непосредственное влияние на жизнь значительной части японских граждан¹³.

Состояние экономики Японии, как и в других странах, оказало (и оказывает до сих пор) заметное влияние на политическую ситуацию; перед властью встала необходимость радикальных структурных и системных реформ, проведение которых может нарушить социальную стабильность. Однако, несмотря на мрачную картину, которую рисуют эксперты, и плохие макроэкономические показатели, Япония продолжает оставаться одной из наиболее развитых экономических держав мира. В стране сохраняются высокие стандарты качества жизни, относительно стабильная социально-демографическая ситуация. Такое положение делает проведение болезненных реформ непривлекательным для значительной части населения и консервативных сил в правящей Либерально-демократической партии, заинтересованных в сохранении status quo. Япония, выполнив свою послевоенную миссию и догнав западные страны по уровню своего экономического развития, нуждается в выработке новой цели для всей нации¹⁴.

Стоит отметить, что неудачи преследовали Японию не только в экономической и политической сферах. В 1993 г. (в тот же год, когда ЛДП потерпела поражение на выборах) в результате Япония впервые была вынуждена произвести значительные закупки риса за границей. Для японцев с их пиететом в отношении отечественных продуктов появление на рынке импортного риса было психологическим потрясением. Кроме того, это вскрыло слабость дотируемой японской деревни — основного оплота власти ЛДП. В 1995 г. Япония пострадала от сильного землетрясения, которое выявило многие недостатки в японской городской инфраструктуре и показало неспособность властей оперативно справиться с катаклизмами такого масштаба. Сюда же можно отнести и газовую атаку в токийском метро, осуществленную представителями авторитарной секты “Аум Синрикё”, а также дело школьника из Кобе, признанного виновным в серии убийств. На фоне растущего уровня преступности, все это, как представляется, наложило свой отпечаток на восприятие японцами 1990-х гг.

В настоящее время можно говорить о том, что в японской историографии господствует критическая оценка изменений 1990-х гг., считается, что ожидания японским обществом позитивных перемен в экономике и политике не нашли воплощения в действительности. Подобные критические оценки можно встретить и в англоязычных работах на эту тему. Отличительной особенностью англоязычной историографии является тот факт, что во многих исследованиях, проведенных в США и странах Европы, можно встретить один и тот же вопрос — “способна ли Япония к изменениям”, т.е. сможет ли Япония отойти от жесткого административного стиля регулирования экономики и политики, которые принесли успех стране в предыдущий период. В центре внимания зачастую оказывается тезис о том, что “Япония стоит на перекрестке” — “Япония стоит на перекрестке истории... Выбор, который сделают лидеры Японии в ближайшие пять или примерно столько лет, определяют перспективы Японии на долгий период в XXI веке. Данный период во многих смыслах является аналогом исторической эпохи 1947—1955 гг.”¹⁵ Как отмечает в своем исследовании “Загадка японской мощи” Карел ван Волферен, ни одна страна не была так регулярно изучаема на предмет грядущих изменений, как Япония¹⁶.

Для обозначения данного десятилетия во многих исследованиях получил распространение термин “потерянное десятилетие”¹⁷. В работах японских и за-

падных исследователей нередко можно встретить крайне жесткие оценки — “последнее десятилетие XX века в настоящее время называют “потерянным” для Японии. Все из нас знакомы с экономической стороной “потерянного десятилетия” — неблагоприятным состоянием экономики, дефляцией, банкротством, растущей безработицей и слабой банковской системой. Однако это десятилетие было потеряно также и в политическом смысле”¹⁸. Касаясь царящих в начале 90-х гг. в Японии настроений, Кристиан Бергрен и Масами Номура отмечают: “После краха “мыльного пузыря” атмосфера в обществе сменилась с безграничного оптимизма на глубокий пессимизм”¹⁹.

Описывая изменения во внутривнутриполитической ситуации в Японии в 90-х гг., авторы исследований политических аспектов японской истории, выступающие с критических позиций, выделяют целый комплекс факторов, предопределивших, по их мнению, негативную оценку этого десятилетия.

Одним из таких факторов является отсутствие значительных позитивных изменений в структуре власти. В работе Наото Нонака “Атавизм? Изменение процесса выработки политического курса в период коалиционных правительств”²⁰ говорится о том, что в Японии в 1994 г. произошло фактическое восстановление системы старого образца, центром которой является ЛДП. Кроме того, по мнению Нонака, не была создана сбалансированная система смены партийных правительств, предполагающая “нормальное” противоборство политических партий.

Исследователи приводят целый ряд причин, благодаря которым ЛДП так долго продолжает оставаться правящей партией. Ясусукэ Мураками в статье “Эпоха политики нового среднего класса: Пример Японии”²¹ делает вывод, что японский электорат чрезвычайно консервативен и противостоит переменам. По мнению этого исследователя, консервативность электората заключается не в идеологии, а в сопротивлении фундаментальным переменам, и ЛДП поддерживает по преимуществу возвращение к традиционным ценностям, установление стабильности и порядка. Кроме того, в исследовании ““Лоялисты” и “перебежчики” в японских политических партиях” Брэдли Ричардсон в качестве отличительной особенности японской политической системы отмечает, что многие японцы эмоционально не привязаны к какой-либо определенной партии, и предполагает, что избиратели в Японии обладают большей информацией о конкретных кандидатах в парламент, чем граждане в других демократических странах²². Этот фактор также положительно влияет на позиции ЛДП, которая в глазах избирателей предстает скорее как группа профессиональных политиков, чем монолитная политическая партия — “Организация доминирующей партии (ЛДП) свободно опирается на индивидуальных политиков, и внутри партии существует значительное разделение и фракционность. Важность идеологии для Либерально-демократической партии и ее сторонников является минимальной”²³.

В качестве еще одного фактора продолжающегося доминирования ЛДП Эллис Краус и Джон Пьерре в исследовании “Упадок господствующих партий: Парламентская политика в Швеции и Японии в 1970-х гг.” указывают на серию парламентских стратегий, которая позволила ЛДП успешно противостоять оппозиции²⁴. Кроме того, Мурамацу и Краусс обращают внимание на тот факт, что ЛДП была достаточно гибкой для того, чтобы меняться со временем. Либерал-демократы заимствовали многие лозунги, которые использовали оппозиционные партии — такие, как призывы к увеличению расходов на социальную сферу и защите окружающей среды²⁵.

Длительное пребывание ЛДП у власти привело к возникновению целого ряда явлений, также получивших критические оценки в научной литературе. В

первую очередь, это механизм избрания, властные полномочия премьер-министра Японии и процесс “сращивания” политиков, чиновников и бизнесменов, которые, будучи продуктом “системы 1955 года”, продолжают существовать и после того, как эта политическая система прекратила свое существование.

Либерально-демократической партии не удалось выработать процедуру выборов главы кабинета, которая получила бы одобрение общества — “Лидеры ЛДП и, следовательно, премьер-министры, продолжают появляться из темных глубин внутренних маневров партийных фракций, несмотря на их официальный роспуск еще в начале 1990-х гг. Тот факт, что Обути всерьез воспринимался в качестве возможного премьер-министра, не имел никакого отношения к его новым идеям, навыкам руководителя или большим уважением и поддержкой общества, потому что их просто не существовало”²⁶. Таким образом, выборы главы правительства после возвращения ЛДП к власти в 1994 г. продолжают оставаться скрытым от глаз публики процессом. Учитывая также тот факт, что при парламентской демократии премьер-министр наделен меньшими полномочиями, чем президент при президентской республике, отсутствие легитимного механизма всеобщих выборов руководителя правительства вынуждает премьер-министра при принятии решений учитывать расстановку сил и интересы различных групп внутри партии. Результатом этого явилась крайняя политическая слабость глав японского правительства — “Премьер-министр Японии обладает меньшей реальной властью, чем любой другой его коллега в западном мире или большинстве стран Азии”²⁷.

Другое следствие непрерывного правления Либерально-демократической партии — устойчивые отношения между политиками из Либерально-демократической партии, высокопоставленными чиновниками и влиятельными представителями делового мира (так называемый “стальной треугольник”)²⁸ — сложились в условиях существования “системы 1955 года” и фактически отвечали за выработку и претворение в жизнь всех ключевых задач политического курса, за исключением высокопоставленных для общества вопросов, таких как внесение поправок в конституцию или введение потребительского налога. Несмотря на сравнительно быстрое возвращение либерал-демократов к власти, ряд исследователей отмечает, что политический беспорядок, последовавший вслед за окончанием стабильного правления ЛДП, увеличил неэффективность принятия решений. Эта точка зрения приведена в сборнике “Исследование “пузыря” эпохи Хэйсэй: кризисное состояние после краха экономики “мыльного пузыря” и решение проблемы “плохих долгов”²⁹ под редакцией Митио Мурамацу и Масахиро Окуно, где собраны мнения двадцати различных исследователей, которые с позиций политологии и экономики рассматривают проблемы, стоящие перед Японией после краха “экономики мыльного пузыря”.

Ричард Катц в своем исследовании “Япония: “Прокисшая” система. Подъем и падение японского экономического чуда”³⁰ также выступает с критикой экономической политики японского правительства, отмечая, в частности, что сохранилась старая система принятия решений и была упущена возможность для проведения необходимой политики по нормализации рыночной конъюнктуры для продолжительного экономического роста. Он указывает на крайнюю пассивность японского правительства при проведении реформ — “Когда кризис все-таки происходит, кажется, что ЛДП и чиновники призывают наконец приготовиться к трудностям. На следующий день они стараются поддержать старую систему. Они не выступают за твердое продвижение реформы, однако не выступают и резко против. Вместо этого, они колеблются и принимают полумеры. Они нерешительны. Мандарины более не знают, как управлять — и обыкновенные

люди, также как и элита, знают это"³¹. Дополнительный интерес работе Катца придает то, что автор, в отличие от остальных исследователей, обращавших внимание лишь собственно на японскую экономическую структуру, связывает ее с более широкими политическими и экономическими процессами, как внутригосударственными, так и международными.

Японское правительство на протяжении всего последнего десятилетия XX в. так и не смогло выработать последовательной политической линии, которая вывела бы страну из продолжительного экономического кризиса. Однако основная причина этого вряд ли заключается в кратковременной потере ЛДП власти в 1993 г. Скорее можно говорить о том, что в рассматриваемый период не происходит никаких позитивных изменений в процессе выработки политического курса: продолжает действовать старый механизм принятия решений, назначение главы правительства происходит в результате консенсуса внутри Либерально-демократической партии без широкого участия избирателей.

Для успешного проведения реформ в ряде исследований в качестве единственного выхода из положения называется нормализация политической ситуации в Японии. Так, к примеру, Лонни Карлил в главе "Политика административной реформы", включенной в работу "Действительно ли Япония меняется? Реформа системы регулирования и японская экономика", пишет: "Прогресс в продвижении и осуществлении административной реформы будет неизбежно в лучшем случае спорадическим до тех пор, пока в сфере партийной политики Японии не создано соответствующее средство, которое сможет преобразовать идеологическую поддержку в систематичное и продолжительное восстановление японского государства и его деятельности"³².

Отдавая должное внимание процессу принятия решений, многие исследователи говорят и о переменах, которые коснулись самих участников политического процесса — партий. Минуру Накано в работе "Процесс выработки политического курса в современной Японии"³³ выделил следующие области в партийных программах, к изменениям в которых наиболее чувствительны избиратели в Японии — это внешняя политика, конституция, вопросы обороны и внешней торговли. Изменения, которые произошли в соответствующих частях политических документов, представляются достаточно значительными, и можно говорить о сближении позиций партий в данный период. Тезис о том, что в Японии в 90-е гг. XX в. между политическими партиями отсутствовали разногласия по принципиальным вопросам, получил широкое распространение и был использован в работах целого ряда японских авторов: Икуо Кабасима "Смена власти и изменение отношения обладающих властью"³⁴, Минуру Накано "Законодательный процесс во время всемирного периода реорганизации: изменения и преемственность"³⁵, Наото Нонака "Атавизм? Изменение процесса выработки политического курса в период коалиционных правительств"³⁶.

После завершения "холодной войны" противостояние по идеологическим вопросам, существовавшее между двумя крупнейшими партиями — правящей Либерально-демократической и оппозиционной Социалистической партией³⁷, отошло на второй план, особенно после того, как в 1994 г. два ранее непримиримых противника пришли к соглашению о формировании коалиции³⁸. В течение последнего десятилетия XX в. оппозиционный лагерь неоднократно предпринимал попытки объединения³⁹ и создания программы, кардинальным образом отличающейся от программы ЛДП, однако эти попытки потерпели неудачу. Главное противостояние к концу 90-х гг. окончательно смещается в сторону противоборства партий, придерживающихся консервативных позиций. Так, к примеру, ядром Демократической партии, ставшей к концу 90-х гг. лидером оппозицион-

ного лагеря, являются политики, которые в начале десятилетия вышли из ЛДП и продолжают исповедовать все те же взгляды.

Подводя итог вышесказанному, можно выделить несколько основных положений, которые используются при критической оценке эволюции внутриполитической ситуации в Японии в 1990-х гг. — это практически полное восстановление “системы 1955 года” и возвращение Либерально-демократической партии в качестве практически единственной влиятельной силы в японской политике, отсутствие налаженного механизма смены власти, неудача при создании системы конкуренции между партиями, сохранение утратившего свою эффективность старого механизма выработки решений “кулуарно” — посредством использования тесных связей между политиками, чиновниками и представителями деловых кругов. Экономическое развитие страны и деятельность правительства также получила критические оценки — “экономические показатели Японии с начала 1990-х гг. были неудовлетворительны, и в сравнении с предыдущим периодом ее собственной истории и с показателями других развитых стран”⁴⁰.

Однако перемены в Японии в 1990-х гг. получили не только негативные характеристики. В отличие от своих коллег экономистов западные исследователи политической истории 90-х гг. более позитивно оценили изменения во внутриполитической ситуации в Японии. Для многих из них приход к власти коалиции в первую очередь ознаменовал собой окончание действия однопартийной “системы 1955 года” и начало складывания новой структуры. “Япония вошла в эпоху коалиционных правительств. Эта эпоха началась в августе 1993 г. вместе с формированием семипартийной коалиции старых и новых оппозиционных партий во главе с премьер-министром Хосокава, положив таким образом конец длящемуся с 1955 г. правлению Либерально-демократической партии. За последние семь лет Япония пережила несколько коалиционных правительств разного вида, начиная с формальных коалиций с многопартийными кабинетами до сформированных временных коалиций по отдельным вопросам и квази-коалиций в виде слабого парламентского союза”⁴¹.

Авторы исследования “Новая партийная система Японии”⁴² считают, что “Япония перешла к новому стилю партийной политики после поражения ЛДП в 1993 г. Этот новый политический период (в данном исследовании) называется “Второй послевоенной партийной системой”. Первая партийная система была создана вместе с формированием ЛДП и СПЯ в 1955г. и умерла в беспорядке 1993 г.”⁴³ В работе, тем не менее, отмечается, что “оппозиционные партии, несмотря на то, что их роль возросла по сравнению с существовавшей ранее “Первой послевоенной партийной системой”, играют очень малую роль в процессе. Оппозиция (после поражения на выборах в верхнюю палату в 1998 г.) контролировала палату советников, но не палату представителей, а именно последняя управляет японской политикой. С помощью победы над ЛДП на выборах в палату советников оппозиция могла добиться отставки премьер-министра от ЛДП и его кабинета, однако не могла вытеснить саму Либерально-демократическую партию от возможности назначать премьер-министров”⁴⁴.

Критический подход к оценке 90-х гг. встречает возражение и в работе “Японская политика в период изменений — “Потерянное десятилетие”⁴⁵, которая была написана рядом авторов под редакцией Нобухиро Хиватари, Мари Митсура и вышла в издательстве Токийского государственного университета — “Нельзя отрицать те факты, на которые указывают авторы концепций “потерянного десятилетия”, а именно то, что разнообразные реформы не повлекли за собой ожидаемых результатов. Действительно, реформы и реорганизация политических кругов 90-х гг. не повлекли за собой создание новой сбалансированной

системы политического противоборства, практически не был усовершенствован и механизм смены власти посредством выборов. Однако то, что политические реформы в 90-х гг. не достигли декларируемых начальных целей, не дает оснований для вывода, что в Японии вовсе не произошло никаких изменений⁴⁶. Основной своей задачей авторы видят стремление определить, сколько перемены в политике и экономике привнесли нового и сколько старого сохранили.

В данном исследовании авторы для определения происходящего в 90-х гг. предлагают термин “период изменений”, противопоставляя его “периоду стабильности”, т.е. времени существования т.н. “системы 1955 года”, в рамках которой практически не происходило никаких изменений. В качестве основных особенностей “периода изменений” в работе указывается слабость политической власти, коалиции политических партий, краткосрочность политических союзов. Исследователи считают, что основной проблемой тех концепций изменений 90-х годов, которые подчеркивают преемственность японской политики, является то, что они игнорируют или преуменьшают феномен появления новых тенденций в японской политике. По их мнению, в данный период во многих областях политической жизни можно наблюдать значительные изменения, которые произошли за счет появления новых проблем и новых политических сил, а также благодаря изменениям процесса принятия и продвижения политического курса.

Давая характеристику существующим критическим концепциям, авторы исследования подчеркивают, что для этих концепций характерно почти полное отсутствие анализа причин, по которым многие отличительные черты “системы 1955 года” продолжают оставаться определяющими и в 90-х гг. Критические концепции рассматривают продолжающееся влияние этих факторов как основную причину неэффективности в выработке и проведении политического курса в 90-х гг. В работе “Япония в период изменений” предложена иная трактовка — влияние факторов “старой политики” является следствием неспособности “политики нового типа” вырабатывать эффективные решения⁴⁷.

Таким образом, можно говорить о том, что исследователи по-разному оценивают развитие Японии в последнее десятилетие XX в. Рассматривая экономическую ситуацию, японские и западные ученые зачастую приходят к похожим выводам, а в тех работах, где дается оценка событий в политической сфере, можно встретить кардинально различные оценки. Так, в японской научной литературе зачастую встречается тезис о том, что преемственность является характерной чертой всех изменений во внутривнутриполитической ситуации, тогда как в западной историографии первостепенное внимание уделяется новым тенденциям.

С нашей точки зрения, такое различие в исследовательских подходах связано с тем, что понимание процессов, протекавших в Японии в 1990-е гг., значительно более затруднено по сравнению с исследованием предшествующей послевоенной политической истории этой страны. Отчасти такое положение можно объяснить тем, что данный период недостаточно удален от нас по времени, что создает дополнительные сложности при выборе источников и основных проблем. Кроме того, процессы, начавшиеся в начале 1990-х гг., до сих пор во многом не завершились.

Понимание причин кризиса, с которым столкнулось японское общество в 1990-х гг., получивших в ряде исследований наименование “потерянного десятилетия”, необходимо для поиска путей выхода из этого положения. Можно предположить, что интерес к данной проблеме будет только возрастать, и ожидать появления еще большего числа исследований, в которых будет предприниматься попытка выстроить более четкую и понятную концепцию изменений в поли-

тике и экономике Японии в 90-х гг. XX в., дать более ясные оценки проблем и мер, предпринимаемых японским правительством для их решения.

1. В качестве примера можно привести следующие работы: Stern R. M. *Japan's Lost Decade: Origins, Consequences and Prospects for Recovery*. Oxford, 2004; Хэйсэи бабуру-но кэнкю: Хокайго-но фуке то фуресэикэн-но сери [Исследование "экономического пузыря" эпохи Хэйсэй: кризисное состояние после краха экономики "мыльного пузыря" и решение проблемы "плохих долгов"] / Ред. Мурамацу Митио, Окуно Масахиро. Токио, 2002.
2. Нисикава Есимицу. Сэнго адзиа-но кокусай канкэй [Международные отношения в послевоенной Азии]. Токио, 1998. С. 203.
3. Pempel T. J. *Regime Shift: Comparative Dynamics of the Japanese Political Economy*. Ithaca (N.-Y.), 1998. P. 155.
4. Еще ранее, в 1989 г., ЛДП потерпела поражение и на выборах в верхнюю палату парламента, однако из-за того, что согласно японскому законодательству в ходе выборов избирается лишь половина палаты советников, это не оказало немедленного влияния на расстановку сил. Кроме того, политическое значение палаты советников японского парламента в рамках японской политической системы уступает значению палаты представителей.
5. Данный союз был сформирован Социал-демократической партией, Комэйто, Партией обновления, Новой партией Японии (НПЯ), партией Сакигакэ, Партией демократического социализма (ПДС), Социал-демократическим союзом (СДС) и Лигой демократических реформ. Stockwin J.A.A. *Governing Japan: Divided Politics in a Major Economy*. Maiden (Massachusetts), 1999. P. 81.
6. Наибольший общественный резонанс вызвал скандал с компанией Рекрут в 1988—89 гг., в результате которого премьер-министр Такэсита был вынужден подать в отставку. Pempel T. J. *Op. cit.* P. 140.
7. Так, в 1993 г. две группы политиков, покинув Либерально-демократическую партию, образовали Партию обновления и партию Сакигакэ, которые имели определенный успех на выборах 1993 г. Scheiner Ethan. *Democracy Without Competition in Japan: Opposition Failure in a One-Party Dominant State*. New York, 2005. P. 51.
8. Hosokawa Morihiro. *The Time to Act is Now*. Tokyo, 1993. P. 115.
9. Vogel S. *Japan Remodeled: How Government And Industry Are Reforming Japanese Capitalism*. London, 2006. P. 26.
10. Carlile L. E., Tilton M. C. *Is Japan really changing its ways? Regulatory Reform and the Japanese Economy*. Washington (D.C.), 1998. P. 129.
11. Ishi Hiromitsu. *Making Fiscal Policy in Japan: Economic Effects and Institutional Settings*. Oxford, 2000. P. 73.
12. Itō Takatoshi, Hutchinson M. M., Cargill Th. F. *Financial Policy and Central Banking in Japan*. Cambridge (Massachusetts), 2000. P. 1.
13. *Beyond Japan: The Dynamics of East Asian Regionalism* / Ed. by Katzenstein Peter J., Shiraishi Takashi. London, 2006. P. 39.
14. Pyle K. B. *The Japanese Question: Power and Purpose in a New Era*. Landam (Maryland), 1996. P. 151.
15. Mochizuki M. M. *Japan: Domestic Change and Foreign Policy*. Santa Monica (California), 1995. P. XIX.
16. Wolferen K. van. *The Enigma of Japanese Power: People and Politics in a Stateless Nation*. N.-Y., 1990. P. 19—20.
17. Термин ранее также применялся в отношении послевоенного десятилетия в Великобритании и 1980-х гг. в Южной Америке. О распространении данного термина при оценке 1990-х гг. в Японии можно судить уже по большому числу исследований, в которых он вынесен в заглавие — в качестве примера можно привести следующие работы: Харада Ютака. Нихон-но усинаварэта дзю:нэн — сиппай-но хонсицу. фуккацу-э-но сэньяку [Потерянное десятилетие Японии — основа неудач, стратегия возрожде-

- ния]. Токио, 1999; Одзато Садатоси, Хироку, Нагатадэ — “Усинаварэта дзю:нэн”-о коэ-тэ [Секретные документы, квартал Нагата. Преодолевая “потерянное десятилетие”]. Токио, 2002. Рюдюки-но нихон сэйдзи — “Усинаварета дзю:нэн” [Японская политика в период изменений — “Потерянное десятилетие”] / Ред. Хиватари Нобухиро, Миура Мари. Токио, 2002; Callen T., Ostry J. D. *Japan's Lost Decade: Policies for Economic Revival*. Washington (D.C.), 2003. Gary Saxonhouse, Stern R. M. *Japan's Lost Decade: Origins, Consequences and Prospects for Recovery*. Oxford, 2004.
18. Shiozaki Yasuhisa. *Changes in the Japanese Policymaking Process. Governance for a New Century: Japanese Challenges, American Experience*. Tokyo, 2002. P. 53.
 19. Berggren Ch., Nomura Masami. *The Resilience of Corporate Japan: New Strategies and Personnel Practices*. London, 1997. P. 45.
 20. Нонака Наото. Сэндзо каэри? Рэнрицу сэйкэн-но дзидай-ни окэру сэйсаку катэй-но хэнгё [Атавизм? Изменение процесса выработки политического курса в период коалиционных правительств] // Рэбаиасан. 1998. Спец. вып.
 21. Murakami Yasusuke. *The Age of New Middle Class Politics: The Case of Japan* // *Journal of Japanese Studies* 8. 1982. № 1. P. 171.
 22. Richardson Br. M. *Party loyalties and party saliency in Japan* // *Comparative Political Studies*. 1975. № 8 (1).
 23. Hayes L. D. *Introduction to Japanese Politics*. Armonk (N.-Y.), 2004. P. 69.
 24. Krauss E. S., Pierre J. *The Decline of Dominant Parties: Parliamentary Politics in Sweden and Japan During the 1970s. Uncommon Democracies: The One Party Dominant Regimes* / Ed. by Pempel T.J. London, 1990. P. 225—259.
 25. Muramatsu M., Krauss E. S. *The Dominant Parties and Social Conditions in Japan. Uncommon Democracies: The One Party Dominant Regimes* / Ed. by Pempel T.J. London, 1990. P. 282—305.
 26. Hrebentar R.J. Berton P., Nakamura Akira, Stockwin J.A.A. *Japan's New Party System*. Boulder (Colorado), 2000. P. 2.
 27. Wolfen K. van. *The Enigma of Japanese Power: People and Politics in a Stateless Nation*. N.-Y., 1990. P. 192.
 28. Данный термин первоначально получил распространение среди исследователей политики Соединенных Штатов для обозначения отношений при выработке решений между законодателями, чиновниками и представителями деловых кругов. Позднее данный феномен прижился и в Японии, в которой становление послевоенной политической системы происходило в условиях оккупации войсками США, где получил название “тэ-цу-но санкакуэй” (“стальной треугольник”). Критика процесса “сращивание” политиков, бюрократов и бизнесменов стала одной из основных тем в политических программах партий оппозиции. Так, к примеру, в программе Партии новых рубежей написано: “...политика и исполнительная власть, на которых лежит главная ответственность за процветание и счастье народа, продолжают все более усугублять ситуацию, действуя под грузом традиций и старой системы, характеризующейся сращиванием политики, бюрократии и предпринимательства, и находясь в плену иллюзий, что и впредь смогут решать проблемы при помощи старых методов”. (Томэн-суру дзютэн сэйсаку (Первоочередные задачи политического курса)), 1994. <http://politics.j.u-tokyo.ac.jp/lab/edu/seminar/study/1st-semi/seifu/shin2/04.htm>.
 29. Хэйсэй бабуру-но кэнкю: Хокайго-но фукё то фурёсэйкэн-но сёри [Исследование “пузыря” эпохи Хэйсэй: кризисное состояние после краха экономики “мыльного пузыря” и решение проблемы “плохих долгов”] / Ред. Мурамацу Митио, Окуно Масахиро. Токио, 2002.
 30. Katz R. *Japan: The system that soured. The rise and fall of the Japanese Economic Miracle*. Armonk (N.-Y.), 1998.
 31. Там же. P. 341.
 32. Carlile L.E. *The Politics of Administrative Reform: Is Japan really changing its ways? Regulatory Reform and the Japanese Economy* / Ed. by Carlile Lonny E., Tilton Mark C. Washington (D.C.), 1998. P. 105.

33. Nakano M. *The Policy-making Process in Contemporary Japan*. N.-Y., 1997.
34. Кабасима И. Сэйкэн котай-то юкеэнся-но тайдо хэнгё [Смена власти и изменение отношения обладающих властью]. Токио, 1998.
35. Накано М. Сэкай саихэнки-но риппо катэй: хэнка то рэндзоку [Законодательный процесс во время всемирного периода реорганизации: изменения и преемственность] // Рэбаиасан. 1996. № 18.
36. Нонака Н. Сэндзо каэри? Рэнрицу сэйкэн-но дзидай-ни окэру сэйсаку катэй-но хэнгё [Атавизм? Изменение процесса выработки политического курса в период коалиционных правительств] // Рэбаиасан. 1998. Спец. вып.
37. В феврале 1991 г. партия изменила свое название на международной арене и стала Социал-демократической партией Японии; при этом внутри страны старое название было сохранено вплоть до 1996 г. Glenn D. Hook. *Japan's International Relations: Politics, Economics and Security*. London: Routledge, 2001. P. XXXI.
38. В обмен на возможность назначить председателем правительства представителя своей партии Томиити Мураяма социалисты согласились признать конституционность сил самообороны, поддержали японо-американский Договор о безопасности и одобрили уже действующие атомные станции. В результате этого СДП утратила те черты, которые делали ее образ привлекательным в глазах избирателей, и превратилась из лидера оппозиции и основного соперника ЛДП в одну из рядовых оппозиционных партий, обладающую весьма ограниченным влиянием на избирателей. В результате выборов 1996 и 2000 гг., проведенных по новой избирательной системе, партия получила поддержку лишь 1—5% всего электората. Ethan Scheiner. *Democracy Without Competition in Japan: Opposition Failure in a One-Party Dominant State*. New York: Cambridge University Press, 2005. P. 35.
39. Одно из таких образований — Партия новых рубежей — было создано в конце 1994 г. после объединения оппозиционных партий, ранее принимавших участие в коалиционных правительствах Хосокава и Хата. Не сумев заручиться долговременной поддержкой избирателей, партия была распущена на общем собрании депутатов парламента от Партии новых рубежей в декабре 1997 г. Louis D. H. *Introduction To Japanese Politics*. Armonk (New York): M.E. Sharpe, 2004. P. 103.
40. Callen T., Ostry J. D. *Japan's Lost Decade: Policies for Economic Revival*. Washington (D.C.), 2003. P. 1.
41. Mulgan Au. G. *The dynamics of coalition politics in Japan*. *Japanese Governance: Beyond Japan Inc* / Ed. by Ann Jennifer, Amyx Peter. London, 2003. P. 36.
42. Hrebenar R. J., Berton P., Nakamura A., Stockwin J.A.A. *Japan's New Party System*. Boulder (Colorado), 2000.
43. *Ibidm.* P. 2.
44. *Ibidm.* P. 2—3.
45. Рюдоки-но нихон сэйдзи — “Усинаварета дзюнэн” [Японская политика в период изменений — “Потерянное десятилетие”] / Ред. Хиватари Нобухиро, Миура Мари. Токио, 2002. С. 1.
46. Там же. С. 1.
47. Там же. С. 24—27.

Русские в Китае

Правовое положение русских в Маньчжурии (1920-е гг.)

© 2007

В. Сергиенко, Е. Аурилене

Официальная иммиграция российских подданных в Китай развернулась в связи со строительством в Маньчжурии Китайской восточной железной дороги (КВЖД). Население полосы отчуждения росло вместе с развитием инфраструктуры дороги, и к 1916 г. только в Харбине из 68,5 тыс. горожан 34,2 тыс. составляли русские¹. Прибывшие из России инженеры, администраторы, рабочие, военные, учителя и т.д., заселившие города и поселки полосы отчуждения, пользовались правами экстерриториальности. Они имели свое самоуправление и администрацию, учили детей в русских школах и подлежали юрисдикции русского суда. В рамках российского законодательства они пользовались правами на выбор места жительства, выезд и возвращение, свободой передвижения, вероисповедания, организаций, печати.

Русский суд в полосе отчуждения, носивший название "Пограничный окружной суд", имел в своей структуре председателя, товарища председателя, пять членов суда, двух секретарей, опекунов присутствие и нотариальную часть². Суд состоял из уголовного и гражданского отделений, обладавших общей и мировой подсудностью. В его ведении состояли 11 мировых судей, из которых четверо были на линии КВЖД, остальные работали в Харбине. При суде числилось значительное число присяжных и частных поверенных. За время существования Пограничного окружного суда в нем было рассмотрено по первой инстанции 3887 уголовных дел, из них на 1 июля 1920 г. насчитывалось 114 нерассмотренных. По апелляционным жалобам на решения местных мировых судей было рассмотрено 2580 дел, а на 1 июля 1920 г. осталось 147 нерассмотренных³.

Октябрьская революция в России взорвала благополучное течение жизни в полосе отчуждения, разделив ее русское население на противников и сочувствующих новой власти. 27 сентября 1920 г. Правительство РСФСР обратилось к

Сергиенко Вера Александровна, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Хабаровского пограничного института ФСБ России;

Аурилене Елена Евлампиевна, доктор исторических наук, профессор кафедры общегосударственных дисциплин Хабаровского пограничного института ФСБ России.

Правительству Китайской республики с официальным заявлением об отказе от прав экстерриториальности и возвращении концессий Китаю “безвозмездно и на вечные времена”⁴.

Между тем в начале 20-х гг. увеличился поток беженцев из Советской России, которые стремились не просто в Маньчжурию, а именно на КВЖД, надеясь найти не только работу и кров, но и привычный русский уклад жизни. Все выходящие из России, отказавшиеся принять советское гражданство, оказались эмигрантами, людьми без паспорта, чьи права защищать было некому.

1 октября 1920 г. официально прекратилась деятельность русских судебных учреждений. Китайское законодательство тех лет было крайне несовершенным и совсем непригодным для урегулирования юридических споров среди русского населения. При рассмотрении судебных дел между русскими китайские власти решили руководствоваться русскими законами. Оказалось, однако, что среди китайских судей нет людей с европейским юридическим образованием. Для помощи при разбирательстве дел представители русской юриспруденции были приглашены советниками китайский суд.

После закрытия русских судебных учреждений в Пекин направилась делегация, в которую вошли председатель Харбинского городского совета П.С. Тищенко, председатель Биржевого комитета В.Н. Водянский, коммерсант А.И. Опарин, домовладельцы В.А. Александров и Д.В. Усков, а от Комитета судебных деятелей — Е.Х. Нилус. Попытка похлопотать о сохранении русских судебных учреждений в Харбине была, однако безуспешной⁵.

С 31 октября 1920 г. полоса отчуждения КВЖД стала именоваться Особым районом Восточных провинций (ОРВП). Президентским декретом от того же числа для ведения там дел русского населения были организованы судебные учреждения, институт иностранных советников; допускались к защите иностранные адвокаты, был принят особый порядок гражданского и уголовного судопроизводства, который несколько раз пересматривался⁶.

В соответствии с упомянутым декретом президента в Харбине были открыты китайский Окружной суд и Судебная палата. Но начало их деятельности русское население встретило настороженно ввиду незнания китайскими судьями русского языка и низкого профессионального уровня переводчиков. Лишь нотариат там оставался русским, поскольку такого института в Китае вообще не существовало.

В Маньчжурии действовали многочисленные эмигрантские общественные организации, представлявшие разные политические течения от правых монархистов до социалистов. 27 января 1920 г. по инициативе левых революционных организаций в Харбине была созвана Объединенная конференция профессиональных союзов, политических партий и других демократических организаций, полосы отчуждения, состоявшая в ведении временного правительства Приморской земской областной управы и финансировалась ею, а в дальнейшем ДВР. Ведущую роль в ней играли коммунисты. Она имела свой печатный орган — газету “Вперед”, служившую в полосе отчуждения “громким легальным рупором Советской России”⁷. Кроме Объединенной конференции здесь действовали: восточное отделение Партии конституционных демократов, группа Народно-трудового союза, Крестьянская партия, разделявшая взгляды эсеров и др. Различные политические блоки в российском зарубежье — монархический, либеральный и примыкавший к последнему социалистический — вели постоянную непримиримую борьбу между собой, которая разобщала эмигрантов, ослабляла их позиции

в решении более важных, жизненно необходимых проблем, связанных с адаптацией вдали от родины⁸.

К моменту образования китайского Окружного суда сотни русских людей находились в харбинской тюрьме, ожидая решения своей судьбы. Многие из заключенных отбыли срок наказания, многие подследственные подлежали освобождению из-под стражи под залог или поручительство. А поскольку вся русская судебная власть была упразднена, заключенные требовали применения к ним амнистии и немедленного освобождения. Но китайские власти никаких мер в отношении их не принимали⁹. В защиту прав русского населения выступила Объединенная конференция профсоюзов КВЖД, попытавшаяся добиться освобождения из харбинской тюрьмы заключенных.

В обращении к главе дипломатической миссии ДВР И.Л. Юрину Председатель Объединенной конференции профсоюзов Н.И. Горчаковский сообщил: «В связи с уничтожением экстерриториальности русских в Китае, участились в полосе отчуждения случаи насилия над русским населением со стороны китайской администрации и милиции, и в Конференцию часто поступают жалобы от русских на незаконные действия китайцев. Жалобы эти неизменно заключают также просьбу заступиться, протестовать, оградить интересы пострадавших»¹⁰. Президиум Конференции потребовал передачи всех дел судам, но китайские власти не только отказались, но даже не приступали к их разбирательству, по-прежнему несколько сот русских граждан насильно содержались под арестом в харбинском арестном доме¹¹.

Из фактов, названных газетой «Вперед», явствовало, например, что арестованный Машаев подлежал освобождению под залог в сто рублей постановлением, принятым еще в сентябре 1920 г., однако он более полугода содержался под стражей. Подследственному Соловьеву мировой судья назначил залог в сумме 30 йен (что свидетельствовало о незначительности улик), но он находился в тюрьме с августа 1920 г. по февраль 1921 г. Арестованный Небалуев содержался в тюрьме третий год. Его уголовное дело находилось в бывшем Пограничном окружном суде, назначалось к слушанию многократно, но откладывалось по формальным основаниям. Подобных дел насчитывалось около 3000¹².

10 февраля 1921 г. Президиум Объединенной конференции профсоюзов КВЖД передал Правительству ДВР и Председателю дипломатической миссии ДВР в Китае 115 прошений русских заключенных о защите их прав¹³. Харбинская газета «Заря» сообщила 22 марта 1921 г. о голодовке заключенных и арестованных, находившихся в местной тюрьме, с жалобой на невыносимые условия содержания. Акция продлилась 6 дней, но режим содержания в тюрьме лишь ухудшился. Надежда, что благодаря голодовке местный консульский корпус обратит внимание на проблему содержания арестованных и осужденных, не оправдалась — каких-либо обращений консулов в прокуратуру не последовало¹⁴.

С большими затруднениями Объединенной конференции удалось добиться освобождения 30-ти арестованных за политические преступления, а 5 человек были отправлены в Приамурскую область.

Объединенная конференция должна была стать кратковременным органом, но просуществовала почти два года. Для защиты интересов выходцев из России ею был организован при местном русском консуле особый консульский совет. На протяжении своего существования объединенная конференция выполняла всевозможные поручения от различных министерств ДВР. Кроме того она

стала центром общения граждан, русских и иностранных торговых фирм, а также иностранных официальных учреждений¹⁵.

Под предлогом опасений перед революционными всплесками в полосе отчуждения китайская полиция периодически подвергала обыскам граждан ДВР, проживавших и работавших на территории Китая. Так, в ноте министра иностранных дел ДВР Я. Янсона министру иностранных дел Китая Ян Хойцину от 1 марта 1922 г. было заявлено: "Правительством Дальневосточной республики получено сообщение о том, что 27 февраля офицерами Главного штаба китайских войск и чинами милиции в г. Харбине были произведены обыски на квартирах русских граждан и в помещениях общественных учреждений Дальневосточной республики. Китайскими властями было заявлено, что обыски производятся с целью обнаружения оружия, каковое обнаружено не было, но во время обысков китайские воинские чины и милиция просматривали также переписку и личное имущество граждан и учреждений Дальневосточной республики"¹⁶. В тот же день китайские солдаты оцепили его канцелярию и квартиру, стали просматривать дела и переписку, арестовали всех находившихся в здании.

Дипломатические отношения между Китаем и ДВР не были установлены, и все обращения к китайским властям в защиту прав россиян в полосе отчуждения остались без ответа. Отдельные попытки Министерства юстиции ДВР ознакомиться с положением российских граждан в полосе отчуждения были безрезультатны. В свою очередь Министерство иностранных дел ДВР выразило возмущение по поводу некомпетентности китайских властей в международных отношениях¹⁷.

31 мая 1924 г. было подписано "Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой", восстановившее вкуче с другими декларациями за тот же год двусторонние дипломатические и консульские отношения. Это, однако, еще более осложнило жизнь российской колонии в Маньчжурии.

Статья XII Соглашения подтвердила отказ советской стороны от прав экстерриториальности и консульской юрисдикции для своих граждан на китайской территории, т.е. был признан принцип суверенитета китайских властей на территории Северной Маньчжурии, и все вопросы, не связанные с управлением дороги — в области военного управления, железнодорожной охраны, полиции, судебной, налоговой деятельности, земельной собственности (за исключением земель самой железной дороги) — признавались прерогативой китайских властей¹⁸.

"Соглашение о временном управлении КВЖД", подписанное одновременно с этим документом, определило статус дороги как чисто хозяйственно-коммерческого предприятия; установило новые сроки аренды, а также и порядок совместного управления дорогой. В качестве руководящего органа учреждался распорядительный комитет (правление дороги) в составе 10 человек, поровну из представителей СССР и Китая. На первом же заседании правления был назначен новый управляющий дорогой — А.Н. Иванов, сразу же приступивший к реорганизации управления КВЖД, изысканию путей повышения ее коммерческой доходности¹⁹.

В октябре 1924 г. в Харбине открылось советское консульство, что означало признание прав СССР на дорогу. По требованию советской стороны китайские власти санкционировали арест управляющего КВЖД Б.В. Остроумова и его ближайших сотрудников Н.Л. Гондатти, И.А. Михайлова, М.И. Степунина, возбу-

див дело о служебных злоупотреблениях. Однако достаточных доказательств против них у китайских судей не нашлось, и по истечении 11 месяцев, они были освобождены.

Как российских эмигрантов, так и советских граждан, проживавших в полосе отчуждения, волновало: какими нормами будет руководствоваться китайский суд при разбирательстве дел, в которых одной из сторон будет русский. Неясно было, останется ли в силе старое положение или Китай допустит изменения правовых норм "в духе советского законодательства". За разъяснениями редакция газеты "Заря" обратилась к ряду компетентных лиц. Главный прокурор Окружного суда г. Либаогуань высказал такую точку зрения: "Если соглашение Китая и СССР и допустит необходимость изменения в законах, то лишь в незначительной степени. Русские, безусловно, как не обладающие правом экстерриториальности, должны подчиняться законам Китая. В области уголовных законов не может быть абсолютно никаких изменений. Как был, так и останется китайский уголовный закон. В гражданском праве, а именно семейном и наследственном, китайский суд вынужден считаться с обычаями и нормами, которые были в России. Советские законы вообще новы и необычны для всех государств. Их еще нужно тщательно изучить и установить, насколько они не противоречат законодательным нормам, принятым в Китае"²⁰.

После подписания советско-китайского Соглашения перед российским населением, проживавшим на КВЖД, встал вопрос о принятии гражданства — китайского или советского. Представительством СССР в Китае было заявлено, что русские, не желающие принять советское гражданство, останутся, разумеется, без дипломатической защиты советских консульств в Китае²¹. Многие русские, не принявшие ни китайского, ни советского гражданства и не получившие никакой правовой защищенности, массовым потоком эмигрировали в различные страны мира.

Советские коммунисты оказывали большое влияние на рост революционной активности китайского рабочего класса. Еще в начале 1920 г. на КВЖД был создан Комитет партии большевиков под руководством представителя от Дальбюро Я. Минскера. Комитет проводил работу полулегально по всей полосе КВЖД, появились различные кружки и организации коммунистической направленности²². Активно работали и многочисленные советские профсоюзы. Северная Маньчжурия была буквально наводнена коммунистической литературой, которая потоком текла через границу и в больших количествах изготовлялась на месте.

Опасаясь "экспорта" русской революции в страну, китайские власти, по свидетельству газеты "Заря", вели точный учет русских, выбравших советское подданство; предполагалась публикация списков всех, кто зарегистрирован в полосе отчуждения с указанием их местонахождения²³. Маршал Чжан Цзолин, писала та же "Заря", представил доклад центральному правительству, в котором выразил мнение, что коммунистическая пропаганда должна быть абсолютно запрещена и все учреждения, ведущие таковую, подлежат закрытию²⁴.

К маю 1925 г. положение на дороге обострилось. Мукденские власти стали проявлять недовольство методами управления советской администрации. Китайская полиция начала открыто вмешиваться во внутренние дела КВЖД: была закрыта рабочая газета "Эхо", разгонялись собрания советских граждан — служащих дороги.

В январе 1926 г. А.Н. Иванов распорядился прекратить бесплатные воинские перевозки, что вызвало возмущение китайских властей. Последствием стали аресты советских служащих дороги²⁵. Судя по свидетельствам пяти советских граждан, арестованных 21 января 1926 г., при допросах все они подвергались избиениям бамбуковыми палками и другим изощренным издевательствам. Допросы осуществлялись в ночное время. У допрашиваемых выбивались признания об участии в профсоюзных коммунистических организациях и распространении листовок. Содержавшиеся в кандалах арестанты объявили голодовку, которая продлилась четверо суток. Лишь после вмешательства прокурора арестованные были освобождены под залог до судебного разбирательства²⁶.

22 января был арестован А.Н. Иванов, работа дороги оказалась парализованной. По распоряжению генерала Чжан Хуаньсяна, возглавлявшего Штаб военного положения, были закрыты все советские профессиональные организации. В обращениях Штаба было заявлено, что в случае обнаружения тайного собрания лица, виновные в этом, будут арестованы и наказаны по всей строгости закона²⁷. 24 января 1926 г., конфликт был урегулирован, управляющий и арестованные служащие освобождены, деятельность профсоюзов возобновилась. Советское правительство вновь заверило Китай в своей неуклонной политике, решимости и впредь отстаивать принцип неограниченного суверенитета Китая²⁸. Однако многие советские профсоюзные организации продолжали агитационную работу. В 1926 г. было возбуждено дело по обвинению председателя Союза водников и двух его членов в пропаганде коммунизма, основанием чему послужило собрание этих лиц в помещении Союза, где они и были арестованы. При обыске были изъяты книги и отчеты. Состоявшийся вскоре суд приговорил каждого к шести месяцам тюремного заключения. Но кассационная инстанция пересмотрела дело по жалобе защитника, и наказание было уменьшено до пяти дней ареста²⁹.

Относительно нормальное функционирование КВЖД продолжалось недолго. В 1927 г., с приходом к власти Чан Кайши антисоветские настроения стали нарастать, провокации на КВЖД приняли систематический характер. Участились репрессии против советских граждан, случаи их арестов и убийств. Представители Китая в управлении КВЖД предъявляли советской стороне многочисленные претензии, сопровождая их угрозами в одностороннем порядке пересмотреть соглашение 1924 г.³⁰

Наряду со сложной общеполитической ситуацией положение русского населения усугублялось правовым хаосом. Единственный советский юристконсульт в аппарате юридической службы КВЖД Е.А. Трупп писал в заявлении Далькрайкому ВКП (б): "Здесь одновременно действуют и некоторые дореволюционные российские законы, и очень несистематизированное китайское законодательство, в некоторых случаях — советские законы, всякие правила внутреннего распорядка самой дороги, нагроможденные с 1903 г., местные обычаи и т.д., причем в целом ряде случаев многочисленные отдельные вопросы разрешаются с точки зрения действующих норм международного и конфликтного права, что их еще более запутывает и осложняет"³¹. Специальное постановление ВЦИК аннулировало все правоотношения, возникшие в России до 7 ноября 1917 г., однако в Маньчжурии они продолжали действовать и потому, как отмечал Е.А. Трупп, "в подавляющем большинстве случаев приходится исходить чуть не с начала девятисотых годов, протаскивать вопросы через Харбинский сумбур периода гражданской войны, и только после этого выволакивать на какую-то приемлемую для нас дорогу"³².

Между тем политическая ситуация на КВЖД продолжала обостряться. 27 мая 1929 г. на территорию Генерального консульства в Харбине ворвался наряд полиции, произведший в его помещении обыск. Была захвачена часть служебной переписки и арестовано 38 советских граждан и один китаец, находившиеся в помещении консульства³³. По утверждению местных властей, полиция получила сведения о проведении в Генконсульстве заседания III Интернационала. Этот инцидент положил начало известному конфликту на КВЖД, приведшему к разрыву советско-китайских дипломатических отношений и военному столкновению.

Высший суд ОРВП рассмотрел это дело в октябре 1929 г., признав всех обвиняемых, за исключением китайца Фын Шицина, виновными и приговорив к каторжной тюрьме на сроки от двух до девяти лет³⁴. Приговор выносился с таким нарушением законов и порядка судопроизводства, что защитники обвиняемых обратились в Верховный суд Китая с кассационной жалобой, изложив перечень нарушений по двадцати пунктам. В основу приговора были положены косвенные доказательства. Однако приговором северо-восточного отделения Верховного суда в Мукдене от 10 декабря 1929 г. кассационные жалобы обвиняемых и их защитников были оставлены без удовлетворения. Случилось это через неделю после подписания в г. Никольске-Уссурийском советско-китайского протокола о предварительных условиях по ликвидации конфликта на КВЖД, предусматривавшего немедленное освобождение арестованных. Вопреки этому документу, Верховный суд поспешил "узаконить" все процессуальные нарушения, допущенные по делу судом первой инстанции и выводы Высшего суда, касавшиеся фактических обстоятельств дела³⁵.

Во время вооруженного конфликта на КВЖД продолжались аресты работников советских учреждений, аккредитованных в северо-восточных провинциях Китая. Более двух тысяч из них были заключены в концлагеря, где задержанные размещались в условиях чрезвычайной скученности и полной антисанитарии, что вызвало среди них эпидемические заболевания и значительную смертность. "Арестованные, — подчеркивалось в ноте Советского правительства от 6 сентября 1929 г., — подвергаются избиениям и пыткам; у них отбирается часто решительно все им принадлежащее имущество; им, а также лицам, уволенным или оставившим службу на КВЖД, не выплачивается причитающаяся заработная плата... задержанных возят по улицам городов и селений связанными по рукам и ногам; лиц, помещенных в тюрьмах, заковывают в кандалы и содержат в нечеловеческих условиях..."³⁶.

Концентрационные лагеря находились в городах Сумбей и Сумпу недалеко от Харбина. Из информации, полученной советскими официальными органами, следовало, что арестованные перед отправкой в концлагерь Сумбей подвергались пыткам, некоторые были расстреляны, либо, не выдержав пыток, окончили жизнь самоубийством. Так из письма заключенных, переданного Германскому консулу, следовало, что составляемые списки находящихся в Сумбее людей, не соответствуют действительности, поскольку многие уже расстреляны. Неофициально расстрелянные советские граждане тайно закапывались за харбинским кладбищем³⁷.

Используя провокаторов, китайская полиция произвела аресты среди молодежного подпольного комитета. Выбивая показания об организации забастовки и подстрекательства увольнения с КВЖД, полицейские подвешивали

допрашиваемых вверх ногами к столбу, вливали в нос керосин и применяли другие изощренные пытки³⁸.

Вот как описал свое пребывание в концлагере один из заключенных камеры № 20 Сумбея: "Нас поместили в кирпичное здание, не приспособленное для жилья, без рам, дверей, печей и полов. Набросанные внутри здания доски заменяли пол, а решетник наверху заменял крышу и потолок, через который во время дождя в эти отверстия нас обдавало холодным душем. По прибытии в лагерь нам два дня не давали пищи. Затем нам стали выдавать по полтора фунта черного недопеченного хлеба и два помидора без соли или чеснок"³⁹. После вмешательства германского генконсула положение заключенных улучшилось. Находившимся в Сумбее и Сумпу советским гражданам разрешили получать передачи от родственников и консульства. К работе они не привлекались. В каждой камере выбирался староста, который занимался распределением продуктов, организацией политической и культурной жизни. Чтобы как-то себя занять, заключенные проводили между собой шахматные и шашечные турниры, готовили доклады о положении в Советском Союзе, ставили пьесы. Возраст содержащихся в камерах — от 16 до 48 лет.

К моменту окончания конфликта на КВЖД около 3-х тысяч эвакуированных из Китая служащих дороги и членов их семей были сосредоточены в Чите. Хабаровский протокол, примиривший конфликтовавшие стороны, предусматривал их возврат на КВЖД. Многие из них устремились обратно в Маньчжурию, однако разрешение на выезд давалось не всем. Пока советские учреждения решали вопросы о выдаче виз, материальное положение эвакуированных чрезвычайно ухудшилось. Голод, болезни, даже случаи детской смертности были среди них не редкостью⁴⁰.

Таким образом, прекращение статуса экстерриториальности русских в Маньчжурии, не получивших советского гражданства, не могло не повлечь превращения их в иностранцев второго сорта, людей без подданства, которые могли рассчитывать только на милость местной администрации, но в большей степени — на свои собственные силы. Советские же граждане стали заложниками большой политики. Развернув в Маньчжурии активную политическую деятельность за ее большевизацию, они наткнулись на вполне обоснованное сопротивление китайских властей. Использование КВЖД советской администрацией дороги в политических целях вызвало вооруженный конфликт, в результате которого большое количество советских граждан было подвергнуто арестам с избиениями и пытками, судебным процессам и заключением в концентрационные лагеря с нарушением принципов и норм международного права.

1. "Русскими" в Китае называли всех выходцев из России, независимо от их этнической принадлежности.
2. Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае: Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай (1920—50-е гг.). Хабаровск: Хабаров. пограничный ин-т ФСБ РФ, 2003. С. 23.
3. Великая Маньчжурская империя: К десятилетнему юбилею. Харбин: Изд. Гос. организации Кю-ва-кай и Гл. Бюро по делам рос. эмигрантов в Маньчжурской Империи, 1942. С. 266.
4. Документы внешней политики СССР, 1917—1944. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1958. С. 213—216.
5. Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею. С. 266.

6. *Аблова Н.Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск: БГУ, 1999. С. 68.
7. Вперед. Харбин, 1920. 31 окт.
8. *Ревакина Т.Н.* Российская эмиграция в Китае: Проблемы адаптации (20—40 годы XX в.). М.: Ин-т Дальнего Востока РАН. 2002. С. 56.
9. ГАХК. Ф. 18. Оп. 3. Д. 6. Л. 2.
10. Там же. Л. 3.
11. Там же. Л. 6.
12. Вперед. Харбин, 1921. 4 февр.
13. ГАХК. Ф. 18. Оп. 3. Д. 6. Л. 8.
14. См.: Заря. Харбин, 1921. 26 марта; 28 марта; 29 марта.
15. См.: Вперед. Харбин, 1921. 29 января.
16. Документы внешней политики СССР, 1917—1944 гг. Т. 5. М.: Госполитиздат, 1958. С. 126.
17. ГАХК. Ф. 18. Оп. 3. Д. 6. Л. 149.
18. См.: Советско-китайские отношения, 1917—1957: Документы. М.: Госполитиздат, 1963. С. 82—92.
19. *Ткаченко Г.И.* Советские трудящиеся на КВЖД в борьбе за укрепление пролетарской солидарности с китайским народом (1924—1935 гг.). М.: Ин-т Дальнего Востока АН СССР, 1988. С. 35.
20. Заря. Харбин, 1924. 28 июля.
21. Заря. Харбин, 1924. 15 апреля.
22. ГАХК. Ф. п-44. Оп. 1. Д. 396. Л. 44.
23. Заря. Харбин, 1924. 13 апреля.
24. Там же. 15 апреля.
25. ГАХК. Ф. п-2. Оп. 11. Д. 372. Л. 68.
26. ГАХК. Ф. п-44. Оп. 1. Д. 401. Л. 2-4.
27. *Ткаченко Г.И.* Указ. соч. С. 40.
28. Правда. М., 1926. 29 янв.
29. *Ткаченко Г.И.* Указ. соч. С. 44.
30. *Зимонин В.П.* Конфликт на КВЖД: из истории Советских Вооруженных Сил. Хабаровск: Кн. изд-во, 1989. С. 30.
31. ГАХК. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 29. Л. 35.
32. Там же. Л. 36.
33. См.: Документы внешней политики СССР, 1917—1944 гг. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1958. С. 339.
34. См.: Процесс 38: Стенограмма процесса 38 советских граждан, арестованных при налете 27 мая 1929 г. на Советское консульство в г. Харбине, ОРВП. Харбин: Харбин обсервер, 1929. С. 235.
35. Там же. С. 257.
36. Документы внешней политики СССР, 1917—1944 гг. Т. 12. М.: Госполитиздат, 1963. С. 470.
37. ГАХК. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 183. Л. 85.
38. Там же.
39. ГАХК. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 184. Л. 141.
40. ГАХК. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 161. Л. 28.

Культура

Философская лирика Хан Ён Уна

© 2007

Г. Аманова

Творчество Хан Ён Уна занимает особое место в современной корейской поэзии. Поэт, философ, выдающийся общественный и религиозный деятель, Хан Ён Ун стал символом неутомимого борца, пламенного патриота, беззаветно служившего своей родине и народу.

Он был свидетелем переломных и трагических событий в истории Кореи: восстания "тонхак"*, падения монархии, порабощения страны японскими захватчиками. Все эти события оставили свой отпечаток в жизни и творчестве поэта.

Хан Ён Ун, писавший под псевдонимами Ючхон и Манхэ, родился 12 июля 1879 г. в деревне Сонгонни волости Кельсон уезда Чхоннам в провинции Чхунчхон на юге страны. Родители поэта происходили из знатных, но обедневших семей, из которых часто выходили будущие чиновники. Хан Ён Ун был вторым ребенком в семье. Начальное образование он получил в сельской школе, где наряду с общеобразовательными предметами изучал китайский язык и китайскую классическую литературу. В семилетнем возрасте он читал произведения из конфуцианских канонических книг, а в тринадцать лет изучал китайскую классическую драму эпохи Юань.

С юности он был вовлечен в политическую борьбу. 17-летний Хан Ён Ун вместе со своим отцом и братом участвовал в восстании "тонхак". После подавления восстания в 1896 г. он был вынужден покинуть свой дом и искать убежище в буддийском монастыре Осана в горах Сораксан. В период японской аннексии Кореи в 1905 г. отец и старший брат Хан Ён Уна встали в ряды "Армии Справедливости" под предводительством генерала Мин Чжон Сика, который вел вооруженную борьбу против японских захватчиков. Однако отряды вскоре потерпели поражение и были разгромлены. Эти события трагически отразились на судьбе поэта и его семьи. По королевскому указу отец и брат Хан Ён Уна были казнены. Самому Хан Ён Уну удалось спастись. В 1907 г. он стал буддийским мо-

Аманова Гулистан Абдиразаковна, кандидат филологических наук, научный сотрудник ИВ РАН.

* Последователи восточного учения тонхак, возникшего в середине XIX в., которое соединило в себе ряд положений конфуцианства, буддизма, даосизма и христианскую идею монотеизма.

нахом в монастыре Паккамса в провинции Канвондо. В этом монастыре он в течение трех лет изучал буддийские сутры. В 1910 г. Хан Ён Ун посетил Японию, где продолжил свои исследования по буддизму и восточной философии и занялся изучением японского языка. В том же году он посетил Китай, где провел некоторое время в корейской военной школе, а затем начал долгое путешествие по Маньчжурии и Сибири. Об этом периоде жизни Хан Ён Уна известно очень мало, в работах биографов много противоречивых сведений, но суммируя их, можно привести некоторые общие факты биографии поэта. Во время странствий он много общался со своими соотечественниками. Некоторые встречи, отмеченные спорами о политике, отстаиванием личных убеждений, оканчивались весьма плачевно для Хан Ён Уна. Так, например, под Владивостоком он был выброшен в открытое море группой корейских патриотов под предводительством некоего Хан Ин Сопы, который неправильно истолковал его идею “несопротивления” и принял его за японского шпиона. Спасенный на море русской полицией, он вернулся на юг Маньчжурии, где, снова пережил подобное происшествие. Ранение, полученное от выстрела при покушении на его жизнь, впоследствии стало причиной паралича¹.

Хан Ён Ун вернулся на родину, когда японский оккупационный режим начал проводить политику уничтожения всего корейского и ассимиляции корейского народа. Именно в это время он счел необходимым заняться активной политической и общественной деятельностью. В 1911 г. он стал председателем буддийского объединения, которое боролось против подчинения корейских буддистов японскому влиянию.

В 1913 г. Хан Ён Ун опубликовал свой труд под названием “Теория о возрождении корейского буддизма”, а в 1918 г. он начал издание журнала “Духовные размышления” (“Юсим”).

Как истинный патриот он прилагал большие усилия для освобождения своего народа и восстановления независимости своей родины. Духовный сан Хан Ён Уна мог бы оправдать его невмешательство в политику, но поэт старался быть в гуще событий, происходивших в стране, воочию видеть реальную жизнь и быть ближе к жизни простого народа. Его борьба против оккупационного режима носила формы духовного морального противостояния, но была не менее жестокой и непримиримой, чем вооруженная борьба. Хан Ён Ун был одним из главных участников общенационального антияпонского восстания 1 марта 1919 г. Он был в числе 33-х “представителей нации”, которые составили текст петиции от имени корейского народа с требованием независимости Кореи и вручили ее японскому генерал-губернатору. Хан Ён Ун лично внес в текст петиции три пункта: ненасилие, свобода совести, проект всеобщей справедливости, реализующийся через мирную революцию². Поэт мужественно перенес трехлетнее тюремное заключение в Японии, которому подверглись и все остальные участники этой политической акции. Активная политическая деятельность поэта, его гражданское мужество вызывали уважение у соотечественников. Он возглавлял многие общественные и религиозные организации, в частности, был Президентом ассоциации молодых буддистов в 1924 г. В 1929 г. поэт принял активное участие в демонстрации студентов Кванчжу, которые протестовали против оскорбительного отношения японских студентов к учащимся корейцам. С 1931 по 1933 г. он был редактором журнала “Буддизм”. В 1935 г. в газете “Вестник Кореи” (“Чосон Ильбо”) он опубликовал свои “Маньчжурские мемуары”. Поэт не увидел освобожденной Кореи. Он умер 9 мая 1944 г., всего за год до освобожде-

ния родины от японских захватчиков. Последние годы жизни Хан Ён Ун страдал от болезни, которая привела его к полному параличу. Он был кремирован согласно буддийским обычаям, его прах захоронен на кладбище “Мангучжи”.

Хан Ён Ун известен как прозаик и поэт. Свою литературную деятельность он начал с рассказов “Раскаяние”, “Лишенный благословения”, написанных им после освобождения из японской тюрьмы, примерно в 1922 г. Позже он опубликовал рассказ “Черный ветер”. Первые стихи Хан Ён Уна были опубликованы в журнале “Духовные размышления” еще в 1918 г. Однако в историю корейской литературы он вошел как выдающийся поэт и автор знаменитого стихотворения “Молчание возлюбленной” (1926) из одноименного сборника. Этот сборник Хан Ён Уна был сразу же запрещен японскими колониальными властями. Но несмотря на все трудности военного времени и цензуру, его произведения были известны корейцам.

Поэзия Хан Ён Уна, пронизанная идеями возрождения национального самосознания, передает патриотические чувства корейского народа, оказавшегося под пятой японского колониализма. Стихотворение поэта “Молчание возлюбленной” — вершина его патриотической поэзии. На первый взгляд — это элегическое стихотворение о любви. Однако в представлении поэта — любовь нечто всеобъемлющее, что охватывает все сущее, материальное и духовное, это особая духовная сила, стремящаяся познать мир, бытие, постигнуть россыпи божественного в природе и в человеке. Это и путь к освобождению личности, путь самопознания и сострадания к человечеству и — как ее высшее проявление — констатация любви между мужчиной и женщиной. Поэт называет ее по-корейски “ним” — Любимая, Любимый (“ним” не имеет категории рода. — *Прим. авт.*) В его поэзии этот образ — и возлюбленная поэта, и воплощение всего многогранного мира, и внутренняя идеальная красота. Справедливость, Истина, Свобода, Родина, Будда — все принимает у Хан Ён Уна облик “ним”. В стихотворении “Молчание возлюбленной” Любимая — это родина и свобода:

Милая ушла,
Любимая, родимая ушла.
Рассекая синие горы,
Устремившись в дебри багряного леса,
Ушла, гроыхая повозкой.
Прежние клятвы, что тверже великолепных цветов
и золота были,
Превратившись в льдинки от протяжного вздоха, растаяли.
О первом поцелуе жгучие воспоминания, перевернувшие
судьбу мою, канули в прошлое.
Я был заколдован тогда нежным голосом милой
И был ослеплен прелестным обликом милой.
Словно такой любовью, что недоступна людям.
При встрече она не предвещала разлуку,
не ждала,
И все же разлука приходит внезапно,
Вновь разрывая бедное сердце печалью.
Но когда понимаешь, что неизменно разлука рождает
источник ненужных слез,

Что именно она невольно любовь разрушает,
 Подняв волну неизбывного горя, бросаешь ее на вершину
 новых надежд.

Подобно тому, как при встрече боимся разлуки,
 Расставаясь, мы верим, что встретимся вновь.
 О, несмотря на то, что любимая ушла,
 Я милую не отпускаю [не прощаюсь].
 И песня любви, не сумев превозмочь свое горе,
 Кружится, обняв молчание возлюбленной³.

В этом стихотворении Хан Ён Уна проявляется главная черта его поэзии — склонность к философскому обобщению, тяготение к многозначности, многоплановости образов. Написанная в стиле романтической элегии, она отражает заветную мечту корейцев — обретение свободы. Расставание с любимой — это разлука с родиной, которая сейчас молча страдает. Ее прекрасный образ предстает сквозь восторженный взгляд влюбленного юноши, который преисполнен возвышенной и чистой любви к ней. “Разлука с Любимой — это начало большой и стойкой любви”, — писал поэт, подчеркивая свою твердую веру в возвращение независимости родины⁴. Чувство любви и образ любви становятся ключевой темой не только сборника “Молчание возлюбленной”, но и всей поэзии Хан Ён Уна.

В стихотворении “Я не знаю” поэт передает свое восхищение удивительной красотой и величием родной земли, выражает свои горестные чувства и боль за отнятую свободу. Хан Ён Ун, называет родину поэтическим именем “павлония”^{*}. В традиционной поэзии, образ павлонии и ее падающие листья символизировали осеннее одиночество, печаль, безвозвратно ушедшее время⁵. По преданию, на это дерево садилась птица феникс, поэтому его часто называют “дерево феникса”. Второе значение образа павлонии связано с древней корейской традицией. Издавна, когда в семье рождалась девочка, сажали юные деревца павлонии, а затем спустя годы, когда дочь становилась невестой, и наступало время свадьбы, его срубали и делали из него приданое — шкафы, подставки для зеркала и т.д.:

Чьи следы — та листва павлонии, что медленно падает
 в безветренную погоду, грациозно зависая в воздухе?
 Чье лицо — кусок голубого неба, выглядывающего
 украдкой сквозь черные облака,
 гонимые западным ветром, после мрачных,
 затяжных дождей?
 Чье дыхание — неповторимое благоуханье, рожденное среди
 зеленых мхов, в глуши лесов, по сизым,
 замшелым, уже не цветущим деревьям,
 простираясь к старинной башне,
 поднимается ввысь, к безмолвному небу?
 Чьи преданья — журчащие сказы из уст, что хлынули
 из неведомого источника
 и потрясли камни до основания?

* Павлония — дерево, которое по-корейски называется “одон”.

Чьи стихи — вечерняя заря, окрашивающая любовью
 заходящее солнце, ступая по безграничному
 морю пятою, похожей на лотос, и нежными,
 как яшма, руками ласкает бескрайнее небо?

Угольки, отгорая, снова становятся маслом.

Ах, для кого этот слабый фонарь бодрствует днем и ночью

Неиссякаемым пламенем в моем сердце?

Я не знаю⁶.

В стихотворении “Я не знаю” сплелись две эмоциональные линии: нежность и патриотизм. Пейзаж, передающий богатство родной природы, служит для выражения единства человека и мироздания, общности исторического пути и судеб, незримых уз между сменяющимися в непрерывном потоке поколениями людей. В стихотворении тонкая образность, соединенная с естественной патетикой, несет в себе глубокий внутренний смысл.

Корейские и зарубежные критики, исследуя творчество Хан Ён Уна, часто проводят параллели с поэзией Р. Тагора, которые проявляются в единстве их мировосприятия, мироощущения и поэтического стиля. Тагор рассматривал человека, природу, божественное как одно целое. Он писал: “Я долго созерцал мир одним лишь внешним зрением и не видел его всесущего радостного обличья, когда же внезапно из сокровенных глубин моего существа прорвался наружу луч света, он осветил мне весь мир, который с тех пор не был подобен нагромождению разрозненных вещей и событий, но раскрывался моему взору как единое целое”⁷. Хан Ён Ун также считает, что божественная сущность неотделима от природы и человека, и потому идея об их неразрывности проходит красной линией через всю его поэзию и составляет стержень философской лирики поэта. Он видит в окружающем мире невидимую внутреннюю связь всех форм материи, действительности и сознания. Как буддист он придавал всем объектам материи живое дыхание, наделял их душой. В поэтическом образе природы у Хан Ён Уна, например, в стихотворениях “Молчание возлюбленной” и “Я не знаю” олицетворяется вечная, неистребимая сила жизни, таинственная, могучая, прекрасная, обожествляемая ее душа.

Хан Ён Уна и Тагора сближает единое представление о духовной основе мира, которая является абсолютом, универсальной душой, обладающей сознанием и составляющей основу бытия. Р. Тагор определяет ее как Бога, Брахмана, Верховную личность, “Джибон дебота” и характеризует свое представление о божественном следующим образом: “Бог существует во всем, и в то же время это все не составляет бога... Божество нельзя постичь как что-то конкретное или олицетворенное, потому что оно “без имени и формы”⁸. Он писал: “Я погружаюсь в пучину форм в надежде найти совершеннейшую жемчужину бесформенного”⁹.

В своих религиозно-философских произведениях Хан Ён Ун пытается раскрыть природу подлинного бытия мира и личности, выразить отношения между человеком и Буддой, человеком и миром феноменов, человека с самим собой. Будда, который появляется в образе “ним” — Любимого, не отделен от природы и человека какой-то линией, не облачен в какие-то определенные очертания, образы, формы, напротив, он существует и проявляет себя во всех предметах и явлениях природы, в сути самой человеческой жизни. Как отмечала Е.В. Завадская: “Единое как Абсолют, явленный в своей двуединой сущности, в которой все возникает, пребывает и прекращается, охватывает все феномены — пространственную и

временную формы, солнце, луну, звезды и всю тьму вещей на земле"¹⁰ И потому так сильна тяга человека обнаружить следы и знаки божественного в окружающей действительности. Такие мысли поэта воплощены в стихотворениях "Тайна", "Всюду", "Противоположная часть":

"Молчание" — Ваш голос?

Хотя сейчас Вы не поете, но мелодия Вашей песни

отчетливо слышна.

Значит Ваш голос — молчание.

"Темнота" — это Ваше лицо?

Хотя я закрываю свои глаза, но я вижу Ваше лицо так ясно.

Значит Ваше лицо — темнота.

"Свет" — это Ваша тень?

После захода луны

Ваша тень светится в темном окне.

Ваша тень — это свет.

"Противоположная часть" ¹¹

Философская трактовка идеи света и тени, в этом стихотворении также раскрывает представление поэта о божественном. Свет и тень, воплощающие образ божественного, "абсолюта", "всемирного сознания", становятся знаками его существования. В этом стихотворении повторяется важный элемент "чаньского" обряда, который облачен в форму "вопроса и ответа". Молчание в стихотворении поэта приобретает голос, темнота имеет свои очертания, и даже тень светится в темноте. То есть, мир небытия и бытия утрачивает свои границы. Мир небытия получает свое определение. "Единое первоначально, неизменно, непознаваемо, его знаком является молчание, в нем снят дуализм сущего — не-сущего, в нем сливаются сущее и не-сущее, и этот синтез есть становление, течение, путь-дао..." — разъясняет Е.В. Завадская¹² Объединяя в едином образе полярные идеи, понятия, чувства, Хан Ён Ун стремится придать содержанию произведения дополнительные смысловые пласты. Так, например, в его поэзии буддийские идеи и патриотические чувства органично сплетаются. Такая тесная внутренняя взаимосвязь не позволяет отделить их друг от друга и даже определить, какая из них превалирует в стихотворении. Например, в "Покорности" это и обращение к Будде, и клятва родине:

Хотя люди говорят, что любят свободу,

Мне нравится быть покорным.

Не потому, что не знаю я свободы, а потому,

что хочу служить только Вам.

Хочу служить Вам, а эта покорность намного слаще,

чем самая прекрасная свобода и мое счастье.

Если Вы прикажете мне служить другому,

то я не смогу подчиниться этому.

Если я буду служить другому, то не смогу служить и Вам¹³.

В стихотворениях поэта “Раскаяние” и “Почему я люблю” любовь становится высшим проявлением единения с Буддой, которое происходит в процессе откровенного потока мыслей и чувств, в беседе с ним. Достижение духовного единения с Буддой равнозначно постижению истины и просветлению. Путь самопознания и постижения божественной сути мира в представлении поэта есть цель и смысл человеческого существования. Любовь, открывающая путь к постижению истины, требует от человека полного самозабвения, жертвенности, покорности и преданности:

Я люблю Вас небеспричинно.
Другие любят только мое юное лицо,
А Вы любите даже мои седины.

Я превозношу Вас небеспричинно,
Другие любят только мою улыбку,
Но Вы любите и мои слезы.

Я жду Вас небеспричинно,
Другие любят во мне только жизненную силу,
А Вы полюбите даже мою смерть.

*“Почему я люблю”*¹⁴

Стихотворение поэта проникнуто мыслью о закономерности вечного движения, это может быть движение души, мысли, эмоций, переход жизни в смерть. Любое движение в природе поэт рассматривает как контакт с Буддой. Он соответствует и принципу вечного движения к “бесконечности”, философской идее “Вечного Дао”, “Вечного пути”. Для Любимого “вечное бытие” и “вечное небытие” — равнозначны, и поэтому для Хан Ён Уна смерть не становится прекращением его бытия, это путь возвращения к Любимому. Прекращение существования человека, конец его земного пути принимает у поэта форму радостного, светлого единения с Любимым, возвращения в божественную вечность. Хотя смерть и передает трагическое отношение Хан Ён Уна к миру, но она (смерть), говоря словами Тагора, является “последним наполнением жизни”¹⁵. Хан Ён Ун писал: “Я — тень и часть Любимого, а Любимый — источник моего существования. Я слежу за ним издалека, и он доказывает мне свое существование своим отсутствием, говорит со мной своим молчанием и заставляет понять, что обман и иллюзия — доказательство существования правды. Поэтому смерть — надежный конец, гарантирующий приход Любимого”¹⁶. Этот взгляд корейского поэта созвучен мировоззрению Тагора, который рассматривал смерть лишь как “Этап жизни, посланца бога, друга, которого не стоит бояться”¹⁷.

Мир по Хан Ён Уну существует не сам по себе, а как бесконечное, разнообразное проявление особого всепроникающего начала. Он как единая, живая симфония, поэма, насыщенная звуками, красками, светом, которая исходит из самого сердца Вселенной. Рассматривая его в процессе непрерывного самораскрытия, движения, творчества, поэт постигает тайны мироздания, жизни, человека. Этот взгляд поэта также был близок идее Тагора о связи индивидуального “я” с разлитым всюду высшим началом¹⁸. Эта целостность мировосприятия, ко-

торая способна в малой частице природы, явления, чувства увидеть проявление божественного, предстает в стихотворении Хан Ён Уна "Всюду":

По утрам, когда я наливаю воду в чашу для умывания,
ты, превратившись в волну, словно дитя,
начинаешь ласкать отражение моего лица.
Когда я брожу в цветнике, чтобы забыть о суете,
ты, превратившись в весенний ветерок, скользишь между цветами
и беззаботно уходишь, оставляя в моей душе ароматы цветов.
Когда я ложусь в постель, не дождавшись тебя,
ты, превратившись в тихий сумрачный свет,
заботливо укрываешь мое обнаженное тело.

Так как ты присутствуешь всюду, куда ни бросишь взгляд,
то я попробовал скрыться за облаками и на дне моря.
Но ты, превратившись в улыбку, спряталась в моей душе,
поцеловала мои закрытые глаза и смеясь спросила:
"Ты видишь меня?"¹⁹

Творчество Хан Ён Уна — явление яркое и своеобразное. Его поэзия масштабна по содержанию, глубока по мысли и оригинальна по своему художественному стилю. Рассуждая об эстетических взглядах Хан Ён Уна, надо отметить, что ему присуще цельное восприятие мира. Поэт пытался увидеть мир как единое целое в гармоничном единстве, в процессе его непрерывного развития, бесконечного движения. Этот взгляд поэта, безусловно, был близок к сфере идеального. И потому столь закономерно его обращение к идеальному в жизни, к прекрасному царству духа, его стремление очеловечить, одухотворить природу, изобразить полет возвышенной, благородной, беззаветной любви и бессмертия прекрасного.

Поэзия Хан Ён Уна, в основном, чисто рефлексивная лирика, синтезировавшая элементы буддизма, натурфилософии и романтического идеализма. В его поэзии органично сплелись традиции национальной поэзии и художественно-эстетические идеи западного искусства. Идеино-тематический диапазон его поэзии широк. Она посвящена родине, философским размышлениям поэта о мире и человеке. Его произведения состоят как бы из двух равнозначных планов — внешней картины мира и неразрывно связанного с ней философского осмысления. Размышления и "напряженная работа мысли" характеризуют религиозно-философскую лирику поэта. Хан Ён Уну удалось облечь в поэтическую форму философскую отвлеченную мысль. Эти стихи посвящены извечным вопросам мыслящего человека, осознающего себя частицей божественного мироздания. В поэзии выражена мысль поэта о том, что человек — наивысшее воплощение бытия, частица божественного.

Поэзия Хан Ён Уна обрела сильное патриотическое звучание в годы японской оккупации. Именно это достоинство его поэзии принесло поэту всеобщее признание и поистине народную любовь.

1. Han Yong Un. *Meditations of the Lover*. Seoul, 1970. С. 19. (на англ.яз.)
2. Там же. С. 215.

13. Хендэ Си Хэсоль. [Изложение современной поэзии] // Под ред. Хан Ге Чона. Сеул, 1999. С. 609. (на кор. яз.)
14. Иванова В.И. У истоков современной корейской поэзии: Хан Ён Ун и его поэма "Молчание Любимого" // ТПИЛДВ. М., 1988. Ч. 1. С. 126.
15. The Silence of Love: Poems of Han Yong Un Translated by Jaihuin J.Kim. Charlston, Illinois: Prairie Poet books. 1985. С. 326. (на англ.яз.)
16. Там же. С. 606.
17. Тагор Р. Жизнь и творчество. М., 1986. С. 50.
18. Гостеева Е.И. Философия единства: Тагор Р. М., 1985. С. 73—74.
19. Там же. С. 73-74.
20. Завадская Е.В. Культура Востока в современном Западном мире. М., 1977. С. 30.
21. Хан Ён Ун. Нимый чжимуг [Молчание возлюбленной]. Сеул, 1991. С. 92. (на кор. яз.)
22. Завадская Е.В. Указ. соч. С. 29.
23. Хан Ён Ун. Указ. соч. С. 57.
24. Там же. С. 79.
25. Ивбулис В.Я. Литературно-художественное творчество Р.Тагора: Проблемы метода. Рига, 1981. С. 221.
26. Иванова В.И. Указ. соч. С. 126.
27. Ивбулис В.Я. Указ. соч. С. 345.
28. Гнатюк-Данильчук А.П. Рабиндранат Тагор: Основные этапы творческого пути и становления реалистического метода: Автореферат. М., 1963. С. 17.
29. Хан Ён Ун. Указ. соч. С. 93.

Научная жизнь

О Пятом Международном съезде исследователей Азии

Международные съезды исследователей Азии проводятся с 1998 г. раз в два года. От обычных конференций их отличают особые масштабность и представительность. Как правило, в работе данных съездов участвуют порядка тысячи и более специалистов по самому широкому кругу азиатских проблем со всех континентов. Инициатор и неизменный организатор этих мероприятий — Международный институт Азиатских исследований (International Institute for Asian Studies), функционирующий в Лейдене и Амстердаме (Нидерланды). Вслед за съездами в Лейдене, Берлине, Сингапуре и Шанхае Пятый Международный съезд исследователей Азии (ICAS-5) состоялся 2—5 августа 2007 г. в столице Малайзии Куала-Лумпуре. Этот выбор, судя по всему, был продиктован стремлением властей Малайзии как можно шире показать миру свои достижения в год празднования полувекового юбилея независимости страны. Премьер-министр Малайзии Абдулла Ахмад Бадави взял на себя миссию официального патрона съезда ученых.

Доклады 1600 ученых из 50 с лишним стран, приславших тезисы, были сгруппированы в 341 сессию (по сравнению с 239 на съезде в Шанхае в 2005 г.) по таким направлениям, как "Искусство, культура и наследие", "Развитие и урбанизация", "Экономика", "Образование", "Окружающая среда", "История", "Здравоохранение", "Идентичность", "Философия", "Язык и литература", "Средства массовой информации", "Политика и международные отношения", "Религия", "Общество". Каждое из этих направлений включало, как правило, несколько более конкретных тем, в свою очередь получавших дальнейшую детализацию на сессиях. Пожалуй, одним из наиболее насыщенных и разносторонних по тематике докладов оказалось направление "Общество", охватившее такую проблематику, как миграция, развитие районов проживания национальных меньшинств, контроль над рождаемостью и его воздействие на качество потомства, устойчивое развитие деревень и городов, дилеммы поликультурного общества, различные аспекты гендерных характеристик тех или иных азиатских стран и т.п.

Впрочем, несмотря на феерическое разнообразие тематики сессий и докладов, работа съезда прошла под общим девизом "Разделяя будущее в Азии".

Можно сказать, что съезд в Куала-Лумпуре подхватил эстафетную палочку Шанхайского съезда, темой которого было "Будущее Азии".

Судя по заявкам на участие в конференции в Малайзии, в качестве которых рассматривалось направление в оргкомитет тезисов доклада, наибольшее представительство на ICAS-5 должны были иметь Индия (16% всех участников), Малайзия (10%), США (8%), Япония (9%). Однако в связи с тем, что некоторые сессии были отменены еще до начала съезда, а на ряде состоявшихся сессий заявленные докладчики присутствовали явно не в полном составе, реальное количество участников было заметно меньше заявленного, а их географическое представительство несколько иным. В частности, визуальные впечатления свидетельствуют об относительно небольшом, по сравнению с объявленным, количестве ученых из Индии и Японии и весьма приличном представительстве ученых из Китая, Индонезии, Нидерландов, Австралии.

Национально-государственное и тематическое многоцветие современного отряда исследователей Азии было символически удачно подчеркнуто выступлением одного из двух ключевых докладчиков. Профессор антропологии из Принстонского университета (США) Гананат Обейесекере (Ganapath Obeyesekere), являющийся, судя по внешнему виду и одежде, уроженцем северной части полуострова Индостан, сделал доклад об озарениях Е.П. Блаватской, составивших основное содержание ее теософских трудов. Другой ключевой докладчик — президент Ассоциации общественных наук Малайзии Абдул Рахман Эмбонг — попытался ответить на вопрос, является ли общее (буквально: "разделяемое", shared) будущее в Азии иллюзией или возникающей реальностью. Хотя докладчик достаточно подробно осветил успехи, достигнутые Малайзией за полвека самостоятельного развития, он весьма критично отозвался о нередких сегодня рассуждениях о некоем современном "азиатском триумфе", под которым понимается однозначно оптимистичная оценка нынешнего этапа и перспектив развития Азии, порожденная высокими темпами экономического роста ряда ведущих азиатских государств. По словам докладчика, оптимизм такого рода игнорирует наличие в данной части света почти миллиарда человек, прозябающих в бедности. Как считает профессор Эмбонг, "если мы хотим делить будущее в Азии, мы должны взять общую ответственность и за ее проблемы".

Специфика съезда исследователей Азии, где одновременно проводится до десятка сессий, позволяет каждому участнику непосредственно ознакомиться лишь с небольшой частью докладов и дискуссий. В частности, увиденное и услышанное мною приводит к выводу об устойчивом росте интереса научной общественности к внешней политике КНР, которая сегодня рассматривается не только в достаточно традиционном ключе в качестве инструмента реализации и сферы проявления китайского национализма (доклады Йохана Лагерквиста и Брайана Бриджеса), но и с точки зрения ее "вписываемости" в ту или иную теорию международных отношений (доклад Этьена Жиро). Весьма интересными для научного сообщества являются и многие практические аспекты внешней политики КНР. Например, о сохраняющейся скрытой напряженности в вопросе о принадлежности островов Южно-Китайского моря можно судить по докладу филиппинского ученого Улисса Гранадоса, посвященного истории выдвижения и оформления филиппинских притязаний в данном ареале в период после Второй мировой войны.

Привлекла внимание секция "Глобализация и китайско-индийское экономическое сотрудничество", организованная совместно Шанхайской академией

общественных наук и Институтом китайских исследований в Дели. Директор Института китайских исследований Патриция Уберой посвятила свой доклад сравнению двух форумов, в рамках которых Индия взаимодействует с Китаем в многостороннем формате. Это форум Бангладеш—Китай—Индия—Мьянма (известный также как “Куньминская инициатива”), ведущий отсчет с 1999 г. и собравшийся в апреле 2007 г. в седьмой раз, и трехсторонний форум ученых России, Китая и Индии, впервые встретившихся в 2001 г. в Москве и прошедших в ноябре 2006 г. в Дели уже шестую конференцию. П. Уберой особо подчеркнула самостоятельную ценность академических дискуссий, т.е. так называемого “второго трека”, полагая даже, что они могут содействовать переосмыслению нынешней парадигмы “азиатских исследований” и послужить прообразом “незападной общественной науки”.

Судя по всему, идея формирования некоей новой “азиатской социологии”, альтернативной западной методологии исследования азиатских проблем и даже западному знанию об Азии в целом, сегодня весьма популярна среди части ученых. Во всяком случае, в Куала-Лумпуре она обсуждалась на специальной сессии “Призыв к формированию азиатских общественных наук: создание альтернативной теории и деколонизация обществоведения”. Критикуя западный ориентализм за европоцентризм, за постоянные попытки использовать термины и категории одной религии и культуры для описания и характеристики всех других религий и культур, Сайед Фарид Алатаас (Индонезия) заявил о необходимости для исследователей Азии мало-помалу отходить от заикленности на взглядах и теориях “мертвых белых мужчин” и больше обращать внимания на собственных ученых. Он привел в пример Абдрахмана аль-Хальдуна, арабского ученого XIV в. (1331—1404), явившегося на деле основоположником науки о человеческом обществе и учения о причинах возвышения и гибели государств, но мало известного в современном западноориентированном обществоведении. Как полагает Алатаас, европоцентризм проявляется и в фактическом игнорировании подлинного генезиса современной западной культуры, которую по ее истокам точнее было бы называть не просто христианской, а “исламо-иудео-христианской”.

Хотя азиатские исследователи Азии, похоже, пока еще не могут похвастаться выдвижением из своей среды внушительной плеяды всемирно известных ученых, тем не менее, представительство местных авторов на рынке книжной продукции, посвященной азиатским проблемам, явно растет — по крайней мере, если судить по выставке научной литературы, развернутой в рамках конференции в Куала-Лумпуре. Да и в западных публикациях, например, в известной серии книг по современному Китаю издательства “Рутледж энд Курзон”, авторы с неевропейскими фамилиями встречаются все чаще...

Следующий международный съезд исследователей Азии пройдет в 2009 г. в г. Тэчжон, Республика Корея.

Наши рефераты

Желтая книга о международном положении. 2007 год: доклад о глобальной политике и безопасности. Главные редакторы Ли Шэньмин и Ван Тучжоу, заместитель главного редактора Ли Шаоцзюнь. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2007. 305 с.

Ежегодник о международной политике и безопасности, издаваемый Академией общественных наук Китая, посвящен актуальным проблемам мировой политики и экономики.

В предисловии к "Желтой книге" Ван Тучжоу пишет, что с точки зрения значимости и тенденции развития в глобальной политике и ситуации с безопасностью в 2006 г. заслуживают внимания три крупных явления:

- продолжающиеся неудачи сверхдержавы США;
- признаки противостояния в рамках "новой биполярности";
- постоянное усиление угрозы ядерного распространения в глобальных масштабах.

Если о сбоях в положении США и об угрозе ядерного распространения китайские политологи говорили довольно регулярно, то концепция "противостояния в рамках новой биполярности" появилась, пожалуй, совсем недавно. Эту концепцию Ван Тучжоу обосновывает тем, что после событий 11 сентября 2001 г. все более явственно стало проявляться противостояние в глобальных рамках: это, главным образом, между американской сверхдержавой с одной стороны и некоторыми исламскими радикальными силами с другой. Суть конфликта в следующем: Буш стоит на позиции "отстаивания западной цивилизации" и ликвидации "исламского фашизма", ради чего организуется "новый крестовый поход". Противоположная же сторона сопротивляется гегемонизму США и "отстаивает права исламских народов". Обе стороны занимают бескомпромиссные позиции, прибегая к риторике "справедливость про-

тив зла", "мрак против света", то есть вырисовывается подобие двух противостоящих полюсов. Говоря объективно, замечает Ван Тучжоу, эти два полюса вряд ли представляют интересы и потребности большинства государств, которые они претендуют представлять (в рамках христианской либо исламской цивилизаций). Подавляющая часть международного сообщества занимает значительно более умеренные позиции. Но тем острее заявки двух упомянутых полюсов и противостоящие настроения, создаваемые ими, и тем более они претенциозны. Тем не менее, как убежден китайский аналитик, сторонники двух полюсов обречены на длительное перетягивание каната и будут оказывать значительное воздействие на международные отношения сегодняшнего дня и будущего.

Ван Тучжоу делает почти однозначное заключение о существовании опасности развала всей системы ядерного нераспространения из-за усиления кризиса после "событий 11 сентября" и в еще большей степени из-за противоречивости международного порядка, возглавляемого Соединенными Штатами Америки (с. 6).

В качестве доказательства сложности системы ядерного нераспространения приводятся ядерные кризисы в Иране и КНДР, которые не только остаются в фокусе международной политики и безопасности, но и бросают вызов всему международному механизму нераспространения. В "Желтой книге" прослеживается процесс эволюции ядерного кризиса в двух странах и возможные перспективы его развития, сходные черты и специфика. Отмечается, в частности, что хотя в случае с КНДР существует шестисторонний переговорный ме-

ханизм, однако структура его участников неоднородна для двух сторон и что еще важнее. Иран находится вне рамок подобного механизма (с. 86).

При этом отмечается, что стратегическая привязка Китая к этим двум ядерным кризисам различна: разрешение корейского ядерного кризиса прямо связано с интересами безопасности, политическими интересами и стратегическим буферным пространством Китая. В случае вооруженного противостояния на Корейском полуострове Китай неизбежно оказался бы перед лицом двух трудных ситуаций: в случае поддержки КНДР, он столкнулся бы с противодействием всего международного сообщества, что явно противоречит стратегическим интересам Китая и его стремлению создать вокруг себя гармоничный мир. Если же он поддержал бы США, то был бы обвинен Пхеньяном в несоблюдении китайско-корейского договора, и КНР утратила бы геостратегическое буферное пространство. Кроме того, возникновение крупного хаоса в КНДР обострило бы для Китая проблему беженцев из КНДР, а также угрожало бы ядерным загрязнением.

Что же касается иранской ядерной проблемы, то она чревата утратой Китаем иранских энергоносителей и угрожала бы большими экономическими потерями. Однако в целом это все-таки, как замечает автор, терпимо, стратегические связи двух сторон невелики (с. 87).

Отталкиваясь от корейского и иранского ядерных кризисов, китайский политолог Шао Фэн считает, что международному механизму ядерного нераспространения брошен серьезный вызов, заключающийся в том, что ядерная стратегия и политика ядерных держав, особенно политика США, наносят удар по основам нераспространения и создают главные препятствия международному сообществу в стимулировании процесса нераспространения, т. к. ядерные державы не только не выполняют обещаний по ограничению и уничтожению ядерных арсеналов, но и развивают все более совершенные и способные к применению ядерные вооружения малого типа. Некоторые же страны в последнее время даже расширили рамки применения этого оружия и пересмотрели ядерную стратегию.

Проблемы с безопасностью существующих ядерных арсеналов чреваты угрозой ядерного распространения, особенно после распада СССР. Не только возросло число государств, владеющих ядерными технологиями, но и в переходный период неизбежно возникает утечка специалистов, ядерных технологий и ядерного оружия.

После окончания холодной войны и особенно после "событий 11 сентября" вследствие изменения ситуации в области безопасности и распространения высоких технологий к участвующим в распространении ядерного оружия чисто суверенным государствам подключались некоторые негосударственные политические образования.

Отдельные страны, исходя из соображений собственной безопасности и стремления повысить международный статус, под разными предлогами развивают ядерные технологии и даже ядерное оружие, некоторые де-факто стали ядерными державами, а другие активно этого добиваются (Иран, Северная Корея). Это является серьезным вызовом международному механизму предотвращения ядерного распространения.

Этот механизм в долговременной перспективе может столкнуться с тем, что еще больше стран будут добиваться развития ядерных технологий. Эффективность упомянутого механизма сомнительна.

Источник такой неэффективности состоит, по мнению китайских политологов, в том, что механизм предотвращения распространения содержит в себе некоторые нерациональные элементы, в том числе изъятия Договора о нераспространении ядерного оружия (NPT), вступившего в силу в 1970 г. Кроме того, опасения за свою безопасность у некоторых стран являются коренной причиной трудностей процесса предотвращения распространения. И, наконец, двойные стандарты США в вопросе о ядерном нераспространении рушат международные усилия по предотвращению распространения и льют воду на мельницу развития ядерных вооружений некоторыми странами.

Шао Фэн выдвигает ряд "стратегических соображений" относительно преодоления трудностей в процессе нераспространения (с. 93—95).

Автор раздела "Политика США" Ван Минмин анализирует внешнюю политику Буша второго срока президентства. В течение первого срока в ней делался упор на нанесение упреждающих ударов, поддержание военного превосходства, односторонние действия и распространение демократии. Но, начиная с 2005 г. и особенно в 2006 г., внешняя политика США больше акцентирована не на превентивные действия, а на укрепление связей с союзниками. Центр тяжести Вашингтонской стратегии сосредоточился на "глобальном демократическом реформировании". В соответствии с этой "новой доктриной Буша" стратегически корректировалась так называемая "переходная дипломатия". Фокус дипломатической активности США в региональном аспекте с Европы переместится в Азию, Африку и Латинскую Америку и только с правительств на правительства и обществ. Если же взять 2006 г., то Ближний Восток явился главным полем сражения за "демократическое реформирование в полном значении этого понятия". Однако хотя американский план Большого Ближнего Востока — Северной Африки и увенчался продвижением вперед, результаты демократических реформ в большинстве стран этих регионов были далеки от того, что замыслили американцы.

В отношениях с Европой, особенно с Германией и Францией, стали затягиваться раны, нанесенные начавшейся США войной в Ираке. К Китаю, России и Индии в США подходят как к странам, "находящимся на стратегическом перекрестке". В российско-американских отношениях произошел откат, а китайско-американские отношения в США квалифицируют как "связанные общими интересами". Быстро развиваются американо-индийские контакты.

Хотя план демократических преобразований в рамках "новой доктрины Буша" встретил во многих районах мира прохладный прием или даже сопротивление, тем не менее в ближайшие несколько лет США будут продолжать преследовать главную цель своей внешнеполитической стратегии — экспорт демократии и еще более откровенно распространять американскую систему демократии. Впрочем, Буш заявил в июле 2006 г., что

для успеха этой деятельности потребуются усилия нескольких поколений.

В разделе "Желтой книги" о региональной политике выделяется сюжет о восстановлении сильных позиций России на мировой арене. После распада СССР в 1991 г., пишет автор раздела Гао Хуа, комплексная государственная мощь России драматически ослабла, понизился и ее международный статус. Перед страной маячила угроза скатывания в положение второразрядной страны. Однако в последние годы по мере возрождения экономики и подъема комплексной мощи "Россия вышла из ельцинского периода тотального упадка и вступила в период восстановления. В результате многолетних усилий и тернистого пути Россия обрела активные позиции на саммите "большой восьмерки" в 2006 году".

Восстановление мощи России Гао Хуа связывает с непрерывным ростом ее экономики в течение многих лет, с возрождением комплексной военной мощи, со стремительным подъемом информационных технологий и, наконец, с ростом "мягкой силы" в сфере дипломатии и внешней политики.

Касаясь "доктрины Путина", Гао Хуа отмечает, что она отражает специфически российский путь реформ и является мотором национального возрождения. Способность России восстановить авторитет великой державы связана с политической стабильностью, соответствием модели экономического развития ситуации в стране, а во внешней стратегии отданию приоритета внутренним проблемам и национальным интересам как высшему принципу. Реформы в российской армии повысили ее боевую мощь.

Что касается проблем и вызовов для России, то среди них в "Желтой книге" отмечают:

- главные проблемы страны по-прежнему лежат в сфере экономики;
- демографический кризис и другие социальные факторы ограничивают дальнейшее экономическое развитие;
- рост экономики излишне зависим от цен на сырую нефть;
- в стране существуют факторы нестабильности и потенциальные угрозы;
- Россия испытывает на себе сильное внешнее давление;

- непредсказуемость в "постпутинской эпохе".

В общем, резюмирует автор раздела, полное возрождение России не может быть достигнуто сразу, новое пришествие ее в ряды мировых держав остается тяжелым и неблизким путем и требует серьезных усилий на протяжении нескольких десятилетий. Возможности для России вновь стать мировой державой и даже подобно США сверхдержавой "определенно существуют, и в каком-то смысле это неизбежно". Однако, подчеркивает Гао Хуа, для восстановления статуса сверхдержавы, который сегодня имеют США, России понадобится не менее 70—80 лет, а возможно, даже больше. Кроме того, для этого нужно создать мощные, как в США, инновационные возможности и инновационную систему (с. 146).

В разделе "Среда безопасности Китая" дается общий обзор положения в китайской приграничной зоне, которая всегда рассматривалась в качестве главной составной части национальной стратегической среды. Автор раздела Дань Синъюн нынешнее положение в китайских периферийных регионах характеризует формулой: на севере — стабильность, на юге — разрядка, на западе — улучшение, на востоке — напряженность. Угроза безопасности Китая исходит главным образом из Восточной и Южной Азии. Важный фактор, воздействующий на безопасность страны, — это США со своей политикой "сдерживания" и "контактов". Влияние этого фактора усиливается перестройкой вооруженных сил США в Азии, и непрерывное укрепление американо-японского союза в долгосрочном плане может создать угрозу безопасности Китая на его периферии и в особенности в связи с проблемой Тайваня. В качестве аргумента приводится тот довод, что в февральском 2006 г. докладе Пентагона с оценками состояния обороны США за последние четыре года, а также в мартовском докладе Белого дома о национальной обороне появились старые тезисы о "китайской угрозе".

Вместе с тем, постоянно прохладные отношения Китая с Японией также влияют на периферийную безопасность, хотя после визита в КНР премьера Коидзуми двусторонние отношения обрели признаки улучшения.

Подвешенное состояние корейского ядерного кризиса является серьезным испытанием и вызовом для приграничной безопасности Китая и для него как "ответственной крупной державы".

На этом фоне Центральнo-Азиатский регион, в основном благодаря созданию и укреплению ШОС, не просто обеспечивает Китаю мирные и стабильные границы, но и постепенно формирует условия экономического сотрудничества Китая с этим регионом с энергетикой в качестве ядра. Подчеркивается особое значение для Китая углубления партнерских связей с Россией, которые, правда, пока страдают несбалансированностью между политической и экономической сферами.

Все более важную роль, как считают авторы "Желтой книги", приобретают, помимо традиционной военной безопасности, факторы нетрадиционной безопасности, особенно в энергетической сфере, становящейся важным элементом влияния на дальнейшее развитие отношений Китая с приграничными государствами.

В итоговой части своего анализа состояния безопасности на китайской периферии Дань Синъюн констатирует, что в последнее время главные угрозы безопасности Китаю исходят с востока и юга, и это объясняется переносом центра тяжести политики Китая в течение почти двадцати лет на реформы, открытость и экономическое строительство, а также продолжающейся общей тенденцией сдвигов в геополитической безопасности. Период холодной войны, отмечает Дань Синъюн, был лишь "временным эпизодом".

Специальная глава "Желтой книги" посвящена проблеме зарубежной китайской эмиграции. Автор главы Ли Сяоли указывает, что в процессе развития глобальной интеграции и усиления международного перемещения населения растет и поток китайских переселенцев в другие страны, причем количество таких стран все более увеличивается. Наиболее привлекательными для китайских переселенцев, отмечает Ли Сяоли, являются развитые государства Запада. При этом "получение образования" — распространенная мотивация китайцев для выезда за границу. Однако истинными побудительными причинами эмиграции на фоне экономиче-

ской глобализации являются экономические интересы, естественная привлекательность развитых стран и др. В нынешней международной политической ситуации рост китайской эмиграции, признает Ли Сяоли, сталкивается с двоякой реакцией: проблема переселенцев становится важной стороной межгосударственных отношений, а распри между мигрантами из разных стран имеют вероятность превращения в фактор неопределенности, влияющей на межгосударственные отношения. Исходя из своих национальных интересов и потребностей, пишет Ли Сяоли, развитые государства повсюду усиливают ограничения на въезд иммигрантов, и это негативно сказывается на трудовой миграции из Китая. "Давать правильную и объективную оценку, признавать расширение и рост китайского эмигрантского сообщества, отстаивать международную среду для китайских эмигрантов — для этого необходим широкий диалог различных стран по миграционной политике и серьезное укрепление международного сотрудничества" (с. 195).

В "Желтой книге" приводятся примерные данные о численности китайской диаспоры. При этом делается ссылка на статистические данные Канады: на начало XXI века в 151 зарубежной стране проживало 33 млн китайцев (с. 197). Это самое крупное в мире зарубежное эмигрантское сообщество — 18,3% всех эмигрантов. Наиболее крупные китайские общины — в США и Канаде.

В России, по сведениям "Желтой книги", насчитывается 370 тыс. китайцев (200 тыс. в Западной и Восточной Сибири), на Дальнем Востоке они составляют 3% от 6 млн населения. Заняты они в основном в строительстве, растениеводстве, лесозаготовках, то есть на тяжелых сезонных фи-

зических работах. Это категория уступает по численности китайским торговцам (с. 203). На постоянное место жительства остаются в России немногие приезжие китайцы. Проблема китайских мигрантов, отмечается в "Желтой книге", является чрезвычайно щекотливой. Националистические настроения в России, территориальные споры между двумя странами, а также контраст в их государственной мощи негативно воздействовали на менталитет части российского населения и чиновников. На них оказала определенное влияние "теория угрозы со стороны китайских переселенцев", состоящая в том, что "Китай стремится, используя эмиграцию, мирным путем вернуть утраченные земли" (с. 211). На российском Дальнем Востоке выступлений за ограничение и контроль за иммиграцией китайцев в короткие сроки не изжить. Столкновения на этой почве, утверждает Ли Сяоли, способны подорвать социальную базу межгосударственных отношений между Китаем и Россией и неблагоприятно отразиться на дальнейшем развитии двусторонних политических и торгово-экономических взаимовыгодных отношений сотрудничества (с. 212). Правда, в отличие от США и Европы, китайцев, желающих получить гражданство России, по мнению автора, "крайне мало".

В разделе "Желтой книги" об экологической политике автор раздела Чжуан Гуйцы касается вопроса о потеплении климата и о реакции международного сообщества на это явление в посткиотский период. Что касается Китая, то для него единственным путем является в процессе развития уменьшение использование угля (с. 214), а на международных переговорах по климату ему следует придерживаться обязательств в трех формах: добровольных, моральных и обусловленных (с. 234).

В. Барышников

Рецензии

**Россия—Китай: образовательные реформы на рубеже
XX—XXI вв. Сравнительный анализ / Ответственные редакторы
Н.Е. Боровская, В.П. Борисенков, Чжу Сяомань;
Российская Академия образования, Центральная Академия
педагогических исследований КНР. М., 2007. 591 с.**

Подготовленное к Году России в Китае (2006 г.) китайское издание работы и к Году Китая в России (2007 г.) российское издание совместного исследования ученых РФ и КНР на китайском и русском языках представляет собой первый в мире опыт широкоформатного сравнительного анализа реформ в сфере образования двух крупных держав, осуществляющих переход от плановой экономики к рыночной и вступающих в новую эпоху экономики знаний. Данная монография является результатом совместного многолетнего и пионерного труда¹, осуществленного под эгидой двух государственных организаций — Центральной Академии педагогических исследований Китая и Российской Академии образования. Автором всего проекта выступила сотрудник ИДВ РАН д.и.н. Боровская Н.Е. В подготовке монографии приняли участие около 40 видных ученых, педагогов-теоретиков и руководителей системы образования двух стран.

Рецензируемый труд впечатляет своей фундаментальностью, четкостью и строгостью конструкции. В монографии выделены наиболее важные тенденции в развитии системы образования в России и Китае, которые характерны для стран с переходной экономикой. Данная работа представляет интерес как с точки зрения сопоставления двух моделей реформирования системы образования в указанных условиях, так и оценки эффективности реформ в целом в контексте повышения роли знаний в современном обществе.

Монография состоит из введения, заключения и 11 глав, каждая из которых

разбита на две части — аналитические статьи и сравнительный анализ, написанные параллельно российскими и китайскими авторами. Заключительная глава, в которой изложены основные теоретические выводы включает разделы, подготовленные учеными из России и КНР, при этом приятно отметить масштабность и теоретическую строгость той части заключения, которая написана Н.Е. Боровской. В заключении дана и общая оценка проделанного исследования президентом Всемирного Совета обществ сравнительной педагогики, директором Международного института планирования образования при ЮНЕСКО проф. М. Брэем. Мы можем вполне согласиться с общим выводом проф. М. Брэя о том, что в книге представлено системное сравнение образования в двух странах, которые «являют собой отличную пару для сравнения, ибо у них достаточно много общего, что делает сравнение многозначительным, и достаточно различий, которые позволяют выявить контрасты... Методологические и концептуальные подходы, позволяющие вникнуть в суть проблем, предвещают огромную ценность для ученых России, Китая и других стран» (С. 489). Редкое для российских изданий стостраничное резюме на английском языке реально предоставит зарубежным коллегам возможность ввести материалы книги в научный оборот.

В первом разделе «Стратегия модернизации образования» (его автором с российской стороны выступает вице-президент РАО В.П. Борисенков) дан объективный научный анализ реформы образования в двух странах за последние два десятилетия.

тилетия, прослежены ее основные этапы. Как видно из работы, стартовые условия для проведения модернизации образования в России были более благоприятными, что связано с более высоким уровнем образованности страны по сравнению с КНР и тяжелыми последствиями “культурной революции” 1966—1976 гг. в Китае, которая нанесла удар и по системе образования. В начале реформы Китаю пришлось навести элементарный порядок в системе образования, восстановить систему экзаменов в вузах, вернуть уважение к интеллигенции. Китай справился с этой нелегкой задачей и к 1993 г. была подготовлена многоаспектная Программа реформы и развития образования, в основу которой было заложено развитие базового и профессионального образования, реализация всеобщего 9-летнего образования, увеличение доли государственных расходов на образование до 4% ВВП и создание негосударственного сектора в этой сфере. Последовательность стратегии реформы, ее плановость и макрорегулирование центра позволили к 2005 г. добиться впечатляющих результатов.

В России идеальным вариантом модернизации было бы сохранение основных достижений советской системы образования. Однако в ходе реформирования, к сожалению, возобладали разрушительные тенденции. Была ослаблена воспитательная работа с детьми, а введение платности за образовательные услуги привело к обострению социального неравенства и снижению качества подготовки специалистов. С одной стороны, Закон РФ об образовании от 1992 г. получил международное признание ЮНЕСКО в качестве одного из самых демократических образовательных актов в мире. С другой, в результате внесенных в 2004 г. поправок к Закону РФ об образовании из статьи 40 выпал пункт о государственных гарантиях приоритетности образования, а реализация принятых в начале XXI в. документов Правительства РФ в сфере развития образования до 2010 г. ведет к значительному сокращению финансовых обязательств государства по отношению ко всем видам и уровням образования и к его дальнейшей коммерциализации. В итоге на сегодня, делает вывод В.П. Борисенков, “несомненные достижения в области модернизации не отменяют серь-

езных и пока нерешенных проблем. В частности, стремление активно использовать европейский опыт приводит к игнорированию национальных традиций” (С. 32).

В целом, обе страны ищут баланс развития образования между государством и рынком. На наш взгляд, в работе справедливо отмечено, что “реформирование управления образованием в России и Китае на рубеже XX и XXI столетий имеет одинаковую направленность — изменение роли центра, характеризующееся усилением его консолидирующего значения и снятием нагрузки по текущему управлению системой, расширение полномочий и усиление ответственности органов управления на местах в направлении развития территориальных образовательных комплексов; создание условий для обеспечения реальной автономности образовательных учреждений в сферах их основной и экономической деятельности; привлечение общественности к управлению образованием” (С. 89).

Однако, как показано авторами книги, в ходе реформы системы управления образованием в обеих странах были заметны существенные различия, связанные с темпами ее проведения. Китаю удалось сохранить единство управления в центре за счет выбора *поэтапной и планомерной модели преобразований*. В России же из-за того, что рынок был ориентирован на удовлетворение индивидуальных потребностей в образовательной сфере, были осуществлены *радикальные реформы*, что привело к фактической утрате единства управления отраслью. Несмотря на то, что в обеих странах введена трехуровневая система управления образованием, в Китае все органы управления включены в единую структуру в соответствии с административным делением страны: центр — провинция — уезд. А в России в подавляющем большинстве регионов низовые органы управления образованием функционируют в режиме местного самоуправления, что укрепляет тенденции демократизации, но и создает дополнительные трудности. Опыт реформирования управления российской и китайской системами образования подтвердил, что центральное правительство в каждой из стран должно нести ответственность за неконкурентоспособное образование на низовых уровнях — уезда в Китае и

муниципалитета (района) в России.

Тенденции участия общественности в управлении образованием, что очевидно при чтении главы, пока достаточно формальны в обеих странах.

Важное место в работе занимает насыщенная статистикой и точная по анализу глава "Реформа финансирования образования". Как справедливо отмечено ее авторами, "реформа в сфере финансирования образования России и Китая в последние два десятилетия сводилась к попыткам внедрения нового хозяйственного механизма, обеспечивающего финансово-хозяйственную самостоятельность образовательных учреждений и переход от административных к экономическим методам управления" (С. 134). Однако результаты этой реформы в обеих странах различные.

В России происходила регламентация деятельности образовательных учреждений и создание дополнительных бюрократических структур, контролирующих финансовые потоки, таких как Государственное казначейство. При этом наблюдался переход системы образования на рыночную основу при экономии бюджетных средств и постепенном отходе государства от финансирования образования, о чем свидетельствуют как поправки к Налоговому кодексу от 2004 г., так и новая редакция Закона РФ об образовании от того же года. Однако в Китае, так же как и в России, уровень бюджетного финансирования образования крайне недостаточен, что проявляется в его низкой доле от ВВП. Разница между Россией и Китаем заключается в том, что в Китае показатель доли расходов на образование в расходной части бюджета постоянно рос, а в России до недавнего времени — снижался. Если в КНР это показатель составляет уже 15%, то в России — только 12%.

Принципиально различно отношение двух стран и к предоставлению системе образования налоговых льгот. В России в последние годы были отменены многие налоговые льготы, установленные в Законе РФ об образовании. В то же время в Китае стимулированию инвестиций в образование с помощью предоставления инвесторам различных налоговых льгот придается большое значение. В частности, увеличивается список льгот, связанных с предприниматель-

ской деятельностью учебных заведений, реализацией ими товарной продукции и услуг. В России же такая льгота сохранена лишь по налогу на добавленную стоимость.

Принципиально разным, судя по монографии, выглядит и финансовое обеспечение учителей. Хотя и в России, и в Китае реализуются мероприятия, направленные на повышение и престижа этой профессии и заработной платы, ситуация в Китае меняется энергичней: в 2005 г. средняя годовая заработная плата учителей (18470 юаней) оказалась выше средней по стране (18430 юаней), в то время как в России заработная плата в сфере образования (4254 руб. в месяц) до сих пор не дотягивает до показателя средней по стране — 6832 рубля в месяц² и едва достигает прожиточного минимума.

Таким образом, как в России, так и в Китае при проведении реформы финансирования образования так и не пришли к какой-либо одной модели. В каждой из стран сложилось своеобразное сочетание финансирования системы образования из государственного бюджета и из других источников с повышением уровня оплаты образовательных услуг для населения. В результате в России с традиционно высоким уровнем образования уровень его доступности для многих слоев населения снизился, в то время как в Китае с изначально низким охватом населения школой и вузами введение платы за обучение позволило получить доступ к образованию большему числу людей.

Из многомерной и крайне объемной четвертой главы "Реформа региональной политики в сфере образования" явствует, что общими и актуальными для обеих стран являются проблемы выравнивания доступности качественного образования по регионам за счет увеличения заработной платы учителей и снижения дифференциации в бюджетном обеспечении по регионам на одного учащегося (для России по семи федеральным округам, для Китая по трем крупным зонам — восток, центр и запад). При этом опыт реформирования региональной политики в обеих странах показывает, что качество образования во многом зависит от уровня экономического развития территории: чем он выше, тем больше средств могут выделить местные вла-

сти на нужды образования, хотя и культурная традиция, и позиция местных властей играют свою роль.

Сходная ситуация наблюдается и в разрыве уровня образования между городом и селом. В обеих странах качество образования на селе ниже, чем в городе, в сельских школах не хватает учителей. Однако сказывается и разница в демографической ситуации: в Китае проблемы сельской школы связаны с большим количеством учащихся и нехваткой учителей и школьных помещений, а в России — с вымиранием деревни и уменьшением количества детей в школах в результате снижения рождаемости.

Монография свидетельствует о том, что как в Китае, так и в России осуществляются различные меры по стимулированию отстающих регионов и сокращению межрегионального разрыва. В Китае — это внесение поправок в Закон об обязательном образовании, связанных с повышением ответственности правительства за стимулирование образования в регионах; стимулирование свободной миграции населения и поощрение выпускников вузов отправляться на работу в отстающие западные провинции; специальные субсидии на образование в бедных регионах; стимулирование сотрудничества между учебными заведениями развитых приморских районов и отсталых внутренних районов. В России для сокращения межрегионального разрыва вводится единый государственный экзамен (ЕГЭ), что выравнивает шансы на поступление в вуз абитуриентов из разных регионов и стимулирует сотрудничество регионов в развитии систем образования.

Не менее интересен и раздел “Реформа содержания обучения”, где на основе подробного анализа учебных программ, показано, что реформы в обеих странах идут в одном направлении при некоторых отличиях. В настоящее время и Китай, и Россия перешли к трехуровневому управлению учебными программами: общенациональному, региональному и школьному. “Общее направление реформы сходно — переход к личностно ориентированному обучению, к многообразию образовательных программ, воспитанию новых качеств молодежи, необходимых для постиндустриального общества” (С. 224). К начатой в 1990-е гг. в

России гуманизации и гуманитаризации образования в последние годы присоединяется и Китай, выдвинувший постулат “человек — основа всего”.

Важным аспектом реформы содержания обучения в России и Китае стала система экзаменов, в частности вузовских. Анализ этой реформы показывает, что Россия и Китай движутся в противоположных направлениях. В Китае некоторые вузы отказываются от привычной системы единых для всей страны экзаменов и переходят к составлению собственных экзаменационных программ. В России, наоборот, вместо свободного отбора абитуриентов каждым вузом введен эксперимент по ЕГЭ, и планируется его повсеместное введение с 2008 г. Как отмечают авторы раздела, неясно, решит ли эта мера “проблему учебных перегрузок, повысит ли справедливость экзаменов, к чему сейчас стремится Россия”. И не случайно китайский автор раздела ставит вопрос: “не принесет ли ЕГЭ такие же злоупотребления, какие он принес Китаю” (С. 230).

Структура монографии многогранна, ибо она не только освещает образовательные реформы по направлениям, но и анализирует пути и методы оптимизации разных уровней обучения — от школы до вуза.

Шестой раздел монографии посвящен “Реформе высшего образования”. В нем отмечено, что общими для обеих стран являются значительный рост числа вузов и количества студентов, развитие негосударственного сектора высшего образования, расширение автономии государственных высших учебных заведений, сходные изменения в структуре подготовки кадров. В условиях перехода к рыночной экономике, формирования рынка труда и роста мобильности специалистов с высшим образованием в обеих странах осуществляется переход к подготовке специалистов более широкого профиля. В КНР и в России это происходит за счет сокращения числа специальностей, а также в результате введения многоуровневой подготовки по системе “бакалавр — магистр” широких направлений (С. 262).

Для прорыва на международный рынок трудовых ресурсов в России с 2006 г. приступили к созданию группы ведущих вузов, в которых развиваются современ-

ные учебно-научно-инновационные комплексы, имеющие мощный научный и педагогический аппарат, необходимую материальную базу и высокий международный авторитет. Правительство РФ объявило поддержку этих ведущих вузов в качестве важной задачи развития высшего образования. Китай более 10 лет назад пошел по этому пути. В начале 1990-х гг. там стал реализовываться крупномасштабный "Проект-211", куда вошло около 100 ведущих вузов, на этой базе стала создаваться небольшая группа общенациональных университетов мирового уровня в рамках "Проекта — 985".

Как справедливо отмечено в седьмом разделе монографии, в области среднего профессионального образования обе страны испытывают одинаковые трудности, ставят цели и общие задачи, и пути их решения в целом совпадают. В книге выделено шесть основных сходных проблем в системе профессионального образования РФ и КНР: 1) деформирована структура подготовки кадров, а структура выпуска специалистов с разным уровнем профессионального образования не соответствует потребностям рынка рабочей силы; 2) отсутствует взаимодействие между предприятиями и профессионально-техническими училищами; 3) ощущается дефицит финансирования профессионально-технических учреждений; 4) квалификация преподавателей в профессионально-технических учреждениях не соответствует требованиям работодателей; 5) темпы расширения сети профессионального образования уступают темпам роста приема в вузы; 6) ощущается острая нехватка высококвалифицированных рабочих кадров.

В России и Китае идет процесс согласования потребностей рынка труда и структуры кадров, готовящихся в системе профессионального образования³. Однако Китай сумел в 2005 г. обеспечить трудоустройство 95% выпускников системы профессионально-технического образования, а Россия — примерно 50%. По мнению российских авторов раздела, "Китай быстрее и увереннее продвигается в сторону интеграции профессиональной школы в рыночную экономику, там проведены более радикальные реформы, связанные с институтом учительства, многоканальным финан-

сированием, разработкой новых учебных планов и программ" (С. 303).

Еще одно достоинство монографии состоит в том, что сравнительным анализом охвачена не только государственная система образования, но и частный сектор (глава "Становление и развитие негосударственного образования"). Здесь различие подходов двух стран достаточно разительно. В Законе РФ об образовании от 1992 г. было установлено равенство государственных и негосударственных образовательных учреждений (НОУ), более того, последние освобождались от уплаты всех видов налогов. Однако, со второй половины 1990-х гг. Россия снижала уровень льгот для НОУ, а в 2005 г. упоминание о них полностью исчезло из законодательства.

В КНР Закон об образовании от 1995 г. сразу поставил негосударственный сектор в неравноправное положение в вопросах финансирования, хотя гарантировал ему политическую поддержку и включил НОУ в общегосударственную систему образования. Однако в этом политическом курсе наблюдался прогресс. В 2002 г. был принят Закон о стимулировании негосударственного образования, который выровнял правовой статус государственных и негосударственных школ и вузов и обязал государство обеспечить законные права НОУ и их автономию.

Общим же является то, что и в России, и в Китае все НОУ официально определены как некоммерческие организации. Но в России, помимо единого социального налога, они должны платить многочисленные дополнительные налоги, прежде всего, налог на прибыль, что фактически приравнивает НОУ к коммерческим организациям. Схожая ситуация возникла и в Китае, где китайское правительство в 2002 г. установило для учредителей НОУ рациональное возмещение расходов, то есть право на получение ограниченной прибыли, что приравнивает частное образование к коммерческим структурам. По мнению авторов монографии, двойственность подходов не способствует развитию частного сектора в образовании как в КНР, так и в РФ.

"В целом, позиции НОУ в России выше, чем частных школ в Китае", но в обеих странах НОУ вносят свой вклад как в модернизацию системы образования, так и в

разделение ее на массовую и элитарную, хотя их удельный вес в системе образования обеих стран не очень велик.

Как явствует из материалов девятой главы "Реформа воспитания," именно по этой проблеме России и Китая заняли принципиально разные позиции, хотя они оказались перед схожими вызовами: это работа по реформированию программ нравственного воспитания, в частности, выработка новой идеологии воспитания в условиях перехода к рынку, а также под влиянием процессов глобализации и информатизации, опора на национальные традиции, интеграция общечеловеческих и национальных ценностей.

На наш взгляд, авторы раздела совершенно справедливо отметили, что между Россией и Китаем по многим проблемам воспитания существуют значительные отличия, связанные не только с разной идеологической платформой, но и со степенью включенности государства в этот процесс (в Китае этот контроль неизмеримо выше). Однако при этом были обнаружены и сходные моменты, касающиеся гражданского воспитания, такие как единое содержание патриотизма, единое понимание гражданского воспитания, внимание к индивидуальности ребенка и общее совершенствование методов воздействия средств массовой информации на нравственность молодежи (С. 382).

Десятая глава "Реформа педагогического образования" показывает грандиозные перемены в системе подготовки преподавателей в России и Китае, вызванные глобальными тенденциями. Китай постепенно повышает уровень квалификации учителей и требования к уровню их подготовки. В Китае осуществляется преобразование педагогических университетов в "классические университеты" с сохранением функции подготовки учительских кадров, при одновременном расширении подготовки учителей в университетах широкого профиля. В России пока ведутся дискуссии о том, нужны ли нам педагогические университеты, но неясным остается вопрос об источниках кадрового пополнения школ. Не менее остро стоит вопрос и о повышении квалификации учительских кадров, который требует серьезной финансовой поддержки. Судя по материалам данного раздела, в Китае преобладает госу-

дарственный плановый подход к данной проблеме, а в России она решается в соответствии с возможностями регионов.

Главным вопросом для России и Китая по-прежнему остается создание многоуровневой системы педагогического образования и повышение социального престижа учителя. В Китае урон, нанесенный в годы "культурной революции" системе образования, по-прежнему отражается на положении преподавателей. Хотя педагогическое образование в Китае с тех пор отмечено заметными успехами, однако по-прежнему сохраняется ряд проблем, таких как неравномерность развития педагогического образования в городе и на селе, где высок дефицит учителей и недостаточно компьютерной техники.

Многоплановый анализ образовательной стратегии двух стран в монографии завершается крайне важным разделом "Выход на международный рынок образовательных услуг". Обе стороны активно ищут пути функционирования в мировом образовательном пространстве, чтобы добиться международной мобильности своих кадров, совершенствования их подготовки и расширения финансовых потоков в сфере образования.

Китай при вступлении в ВТО выдвинул соответствующие условия продажи образовательных услуг и частично изменил законодательство для того, чтобы открывать свой рынок образования поэтапно в зависимости от созревания условий. Китай не взял на себя обязательств по вхождению в открытый рынок в рамках поставок транснациональных образовательных услуг, опасаясь утраты контроля над процессом управления в вопросах образования. Китай так и не предоставил иностранным организациям право на создание на своей территории учебных заведений и иных образовательных учреждений в одностороннем порядке. Более того, Китай выдвинул высокие требования к преподавателям, приезжающим в Китай, уровень их квалификации и рабочий стаж регламентированы, а прибыть в КНР они могут только по приглашению учебных заведений или других образовательных учреждений, требования к их квалификации четко зафиксированы.

В свою очередь, для России основным приоритетом является сотрудничество в

сфере образования со странами СНГ, которое имеет решающее значение для создания "единого образовательного пространства". В сентябре 2003 г. Россия подписала Болонскую декларацию, полагая, что это открывает возможности для вхождения в европейское образовательное пространство и участия в научном и образовательном обмене с Евросоюзом. С целью плавного вхождения в Болонский процесс предусмотрено внесение изменений в ряд законодательных актов РФ, связанных с установлением двухуровневой системы высшего образования "бакалавр — магистр", развитием непрерывного профессионального образования, привлечением работодателей к участию в образовательной политике и развитием процессов интеграции науки и образования. В настоящий момент, в канун вступления России в ВТО, изучение опыта КНР может оказаться крайне полезным и своевременным.

В заключительной главе отмечено много сходных тенденций и немало различий. Можно согласиться с авторами работы, что обе страны придают большое значение развитию образования, но отличия состоят в том, что Китай начал свои реформы с более низкого уровня развития, а в России экономические трудности 1990-х гг. существенно замедлили реформы в образовании. Сопоставляются такие параметры образовательной стратегии двух стран, как соотношение реформы и стабильности, реформы и открытости, приоритетности позиций образования, а также выбор цели и модели образовательных реформ. Речь идет о соотношении технократической и гуманистической моделей и делается вы-

вод о том, что обе страны — Россия раньше, Китай позже — начали движение в сторону последней модели. В поле зрения теоретиков — и проблемы соотношения децентрализации и демократизации общества на основе образовательных реформ, и изменение взаимоотношений государства, общества и школы, и проблема равенства образовательных шансов. Наибольшие различия в реформе образования в РФ и КНР связаны с ролью государства (в КНР сохраняется руководящая роль КПК и марксистской идеологии, а РФ произошла департизация, деидеологизация и деполитизация системы образования).

По прочтении рецензируемого труда можно сделать вывод о том, что данное издание, собравшее большой массив экспертных оценок по различным аспектам реформы системы образования в РФ и КНР в условиях перехода к рынку является пионерным, во многом прорывным. Этот солидный том послужит подспорьем для всех интересующихся не только современными тенденциями развития систем образования в России и КНР, но и его ролью в ходе экономической реформы, в процессе вхождения этих стран в информационную эпоху. Данная работа является отличным примером российско-китайского сотрудничества в сфере образования, которое дает возможность впервые получить важные результаты сопоставительного анализа реформ в России и Китае. На наш взгляд, данный труд может стать образцом для проведения аналогичного сопоставительного исследования по отдельным отраслям экономики, науки и техники в РФ и КНР, чтобы полнее оценить эффективность реформ и обменяться опытом.

© 2007

*А. Островский,
доктор экономических наук*

1. На эту тему можно вспомнить лишь одну работу — статью американского китаевода М.К. Уайта, в которой был сделан сравнительный анализ реформы системы образования в России 1920-х гг. и КНР 1970-х гг. (Whyte M.K. Educational Reform: China in the 1970s and Russia in the 1920s // Comparative Education Review. 1974. V 18. N. 1 P. 112—128.)
2. Чжунго тунцзи няньцзянь — 2006 [Китайский стратегический ежегодник — 2006]. Пекин: ГСУ КНР, 2006. С. 161,163; Россия в цифрах. 2005. М.: Росстат, 2005. С. 107,109.
3. Рабочие должности составляют примерно 2/3 общего числа занятых и наблюдается дефицит именно этих категорий работников.

Таскина Е. Дорогами русского зарубежья.

М.: Изд-во МБА, 2007. 232 с. илл.

Вышла новая книга Елены Таскиной, основная часть которой посвящена "русскому Харбину" — центру культурной жизни дальневосточной ветви русского зарубежья.

Личные воспоминания автора, уроженки Харбина и живого свидетеля многих событий 1940-х — начала 1950-х годов, происходивших в Харбине, Дальнем и в Северной Корее, даются на их фоне, в хронологической последовательности — вплоть до ее отъезда на родину в середине 1950-х годов.

На страницах книги автор размышляет о том, как, несмотря на непростую политическую обстановку, сложившуюся в этом регионе в первой половине XX в., русские люди выживали в трудные 40-е годы вдали от родной земли, как старшему поколению русской диаспоры удалось создать культурную среду обитания в Харбине и дать возможность своим потомкам получить не только добротное среднее образование на родном языке, но и высшее образование по ряду специальностей.

По выражению известного историка и писателя В.Н. Иванова, приводимого автором в предисловии, "Харбин был скороспелым городом, где общие труды народов Китая и России создали оригинальный и сильный гибрид". В этом городе русская диаспора с ее значительным интеллектуальным потенциалом не только способствовала экономическому росту всего региона, но и формированию уникальной культурной среды в городе и вдоль всей линии КВЖД, строительство которой, как известно, началось на рубеже XIX—XX вв.

Автор в живой мемуарной форме рассказывает не только о бережно сохранявшихся русской диаспорой на протяжении почти полувека своих национальных традициях, но и о том, как входила в ее жизнь многообразная культура Востока. Русские люди, поселившиеся в Китае, с детства могли наблюдать, как трудились на полях китайские крестьяне, как китайцы торговали и несли свои многообразные услуги в город, как отмечали свои празд-

ники. Во многих случаях, по словам автора, контакты имели место не только на улицах города, но в гимназиях и высших учебных заведениях, где училось немало детей из состоятельных китайских семей.

На страницах книги Е. Таскиной отражены трудные годы японской оккупации Маньчжурии, освобождение ее Красной Армией в августе 1945 г., период гражданской войны в Китае, становление Китайской Народной Республики, свидетелем которого автор была, проживая уже в г. Дальнем в первой половине 1950-х гг. Отражена и жизнь русских в северной Корее (г. Пхеньяне), где автору довелось некоторое время работать в Отделении акционерного общества И.Я. Чурин и К^о в канун Корейской войны (1950—1953 гг.).

Отдельный раздел книги ("Дороги и судьбы: взгляд сквозь годы") знакомит читателей с судьбами наших соотечественников, проживавших на территории Китая и оказавшихся после массового отъезда отсюда европейского населения в период 1950—1960-х гг., в разных странах и на разных континентах. Е. Таскина пишет главным образом о своих современниках, получивших образование в Харбине и проживающих в настоящее время в Австралии, Бразилии и Северной Америке — эта тема обозначена легко узнаваемыми символами на красочной обложке книги. Рассказ строится и на путевых заметках о ее поездке в Австралию в середине 1990-х гг. и на обзорном материале по письмам и публикациям, появившимся в отечественной и зарубежной русской печати в последние годы. Автора интересует, что "унесли с собой русские переселенцы" из культурной среды Харбина в разные страны.

Общее представление о "дорогах и судьбах" более 200 русских из Китая, упомянутых в книге, дает краткая, но емкая сводка в конце нее.

Следует отметить, что мемуары Елены Таскиной не носят чисто автобиографического характера — в живом рассказе о том, что ей пришлось увидеть и пережить,

она передает свое видение эпохи 1930—1950-х гг., опираясь на достоверные факты и имеющиеся свидетельства.

Автор целого ряда публикаций по культурной тематике дальневосточного

русского зарубежья Елена Таскина и в этот раз делится с читателями очень интересными воспоминаниями о культурной жизни русских людей в Харбине 40—50-х гг.

*А.И. Коваль,
член правления Общества
российско-китайской дружбы*

Бажанов Е.П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М. Известия, 2007. 351 с.

Новая книга одного из ведущих российских специалистов по проблемам международных отношений, проректора Дипломатической академии МИД России Е.П. Бажанова представляет собой синтез политологического исследования взаимоотношений Китая с внешним миром и российско-китайских отношений, исторического труда и мемуаров автора, непосредственно участвовавшего в реализации политики нашей страны на китайском направлении в качестве дипломата, ответственно сотрудника ЦК КПСС и ученого.

В начальных главах книги, посвященных истории Китая до создания КНР, Е.П. Бажанов последовательно проводит мысль о том, что китаецентризм, убежденность в своем превосходстве, присущие китайцам с древности, отнюдь не являются каким-то исключением из общих правил поведения государств в системе международных отношений. Китай в отличие от других гегемонов (Древний Рим, империя Наполеона) “бесконечно долго” был гегемоном в окружающем его мире и именно поэтому “китайское поведение особенно бросается в глаза исследователям, выглядит для них уникальным” (с. 9).

Китайско-советские отношения в 1950-х годах определяются в книге как “непростое партнерство”. С одной стороны, этим отношениям были присущи динамизм, масштабность и глубина, но с другой — существовало и немало проблем, которые способствовали возникновению разногласий в подходах руководителей СССР и КНР к оценке международной обстановки и перспектив развития социалистического лагеря, пере-

росших во второй половине 1960-х годов в конфронтацию между СССР и КНР. Е.П. Бажанов был очевидцем этого сложного периода в советско-китайских отношениях, работая в 1970-е годы в Центральном аппарате МИД СССР, и на страницах своей книги живо и образно рассказал о контактах с китайскими дипломатами, об искусственном нагнетании враждебности в Китае к СССР, а в СССР — к Китаю.

В 1970-е годы автор “наблюдал за Китаем” из Генконсульства СССР в Сан-Франциско (глава “Широкий международный фронт”, с. 85—108), был непосредственным свидетелем американо-китайского сближения на антисоветской основе, основные цели и проявления которого и осветил в своей книге с разных точек зрения (политиков, ученых, американской общественности, хуацяо).

Существенные изменения во внешней политике КНР, старт которым дал XII съезд КПК (сентябрь 1982 г.), автор рассматривает на основе анализа и оценок китайских источников (глава “Пересмотр установок”, с. 109—146). Они затем удачно дополняются материалами из следующей главы (“Наблюдения из посольства”, с. 147—201). Показывая “кухню”, на которой готовились политические установки в отношении Китая, Е.П. Бажанов очень самокритично оценивает свою работу в этот период.

Убедительны приведенные в книге материалы о том, что в первые несколько лет после начала экономических реформ в КНР “в Москве не было четкой линии по Китаю”. Перелом в советско-китайских отношениях автор справедливо связывает с

началом перестройки в СССР и “новым мышлением”, которые были позитивно восприняты в Китае, сближением позиций двух стран по ряду международных проблем. Автор подробно описывает, с какими препятствиями сталкивался процесс нормализации, как непросто он шел.

Если главы книги, посвященные истории и насыщенные большим фактическим материалом, могут особенно заинтересовать историков, то две заключительные главы — “Потенциал российско-китайского сотрудничества” и “Перспективы” — привлекают внимание политологов.

Рассматривая современное состояние российско-китайских отношений, автор исходит из того, что основной пружиной этих отношений “является расклад сил на мировой арене” (с. 273) и что совпадение взглядов на глобальную обстановку позволяет Москве и Пекину занимать сходные позиции по многим международным вопросам (положение на Балканах, корейская ядерная проблема, ближневосточный конфликт, повышение роли и авторитета ООН, поддержание стратегической стабильности). Совершенно справедливо в книге сделан акцент на преодолении политико-идеологических разногласий между РФ и КНР и сближении идеологических установок истеблишментов России и Китая (с. 276—286), а также на близости приоритетов внутреннего развития (с. 286—288).

Говоря об экономической мотивации упрочения российско-китайских отношений, автор использует термин “экономическая взаимодополняемость”, хотя все же не очень ясно, в чем же экономики России и Китая “дополняют” друг друга. В соответствующем разделе книги речь идет скорее об экономических возможностях и интересах двух соседних стран.

Не умалчивает Е.П. Бажанов и о наличии “реальных и гипотетических” проблем в российско-китайских отношениях, которые при определенных условиях могут в будущем привести к трениям и даже противоречиям: демографические, культурные различия, экономические трения, разный подход к некоторым международным проблемам

(с. 302—330). Однако при всей значимости названных проблем главное, по мнению автора, от чего будет зависеть характер российско-китайских отношений в долгосрочной перспективе, — это “соотношение сил между двумя державами”. Если Китай будет быстрыми темпами увеличивать свою мощь, а российский Дальний Восток — все больше отставать от соседа-гиганта, то изменение баланса сил в регионе может привести к дестабилизации и даже конфликтам.

Анализ взглядов китайских политологов по вопросу о необходимости внесения изменений во внешнюю политику и дипломатию КНР в связи с идущим процессом превращения КНР в великую мировую державу (а некоторые китайские аналитики считают такое превращение совершившимся фактом) позволяет автору прийти к следующему заключению: “Предлагаемая корректировка не противоречит российским интересам и может способствовать дальнейшему углублению двустороннего партнерства” (с. 347).

При взаимной заинтересованности России и Китая в тесном взаимодействии на нынешнем этапе Е.П. Бажанов предлагает российской стороне “сполна использовать исторический шанс и построить устойчивую модель взаимовыгодного, динамичного российско-китайского сотрудничества в XXI столетии” (с. 347), излагая свой взгляд на желательную оптимальную стратегию России на китайском направлении, увязанную с реализацией российских интересов и в отношениях с Западом, и в отношениях со странами АТР. Самым существенным компонентом этой стратегии автор считает преодоление отсталости восточных районов России и их развитие в процессе интеграции, что будет способствовать взаимозависимости стран региона, их заинтересованности в благополучии друг друга.

Новая книга Е.П. Бажанова, к числу многих достоинств которой следует также отнести живой и образный стиль изложения материала, несомненно привлечет внимание тех, кто интересуется проблемами Китая, российско-китайских отношений и региона Дальнего Востока.

Абэ Синдзо. Уцукусий куни — э [На пути к красивой Японии]. Токио: Бунгэй сьондзю, 2006. 232 с.

Рецензируемую книгу Абэ Синдзо, потомственный депутат японского парламента, внук премьер-министра Киси Нобусукэ и сына министра иностранных дел Абэ Синтаро, опубликовал в июле 2006 г. в качестве рекламной акции в преддверии выборов председателя правящей Либерально-демократической партии. На тех выборах он победил и стал премьер-министром Японии. Его восхождение на вершину власти было кратковременным, лидером Либерально-демократической партии Японии (ЛДП) и премьером кабинета он оставался всего лишь в течение одного года. Однако книга С. Абэ и сегодня представляет интерес для тех, кто хочет ближе познакомиться с реалиями политической жизни Японии. Она затрагивает обширный круг актуальных проблем этой страны.

Книга состоит из семи глав: "Мои отправные принципы", "Самостоятельное государство", "Что такое национализм?", "Структура японо-американского союза", "Япония, Азия и Китай", "Будущее малолетнего государства", "Возрождение образования".

Не имея возможности хотя бы кратко познакомиться с высказанными взглядами С. Абэ на столь разнообразные темы, хочу привлечь внимание лишь к тем частям книги, где автор определяет место Японии в современном мире, говорит о ее внешней политике.

В предисловии автор относит себя к "сражающимся политикам, которые, не боясь критики, работают в первую очередь на государство, народ". В дальнейшем он стремится подтвердить такое определение примерами из собственной практической деятельности.

Автор подробно рассказывает, во первых, о своей личной инициативе и настойчивости в выдвигании на первый план в отношениях Японии с КНДР проблемы японцев, похищенных северокаорейской разведкой более четверти века тому назад, подчеркивая при этом неизменную последовательность в отстаивании требования

Токио о возвращении всех похищенных.

Второй пример также касается отношений с КНДР и иллюстрируется жесткой позицией С. Абэ, которую он занимал в бытность генеральным секретарем кабинета в связи с северокаорейскими ядерными испытаниями, требующая применения в этой стране экономических санкций. В обоих случаях, подчеркивает автор, он не считался с возражениями и критикой в свой адрес в средствах массовой информации.

С. Абэ напоминает также о том, что еще будучи начинающим парламентарием, вместе с несколькими единомышленниками добился при пересмотре программного документа ЛДП в 1995 г. сохранения в нем упоминания о заявленной партией ранее, в 1955 г., цели возвратить Японии подлинную независимость и пересмотреть для этого послевоенную конституцию.

Пересмотр ныне действующего основного закона Японии — тема, к которой С. Абэ на страницах книги возвращается многократно. Его беспокоят главным образом содержащаяся в конституции девятая статья — "отказ от войны" и формулировка в преамбуле.

"Изначальные намерения союзных войск, от имени которых предлагался проект конституции, состояли в том, чтобы не допустить нового возрождения Японии. Основа государства должна создаваться с чистого листа руками японского народа. Только таким путем можно вернуть подлинную независимость" (с. 29). Девятая статья отражала "сильную волю Америки не допустить повторного нарушения мирового порядка, устанавливаемого главным образом Америкой и Европой" (с. 121).

А в преамбуле конституции автор находит проявления высокомерного и даже издевательского отношения победителей к побежденной стране. Отчетливо ощущается и его возмущение тем, что в отличие от Японии, послевоенная конституция которой до сих пор остается неизменной, другая побежденная страна, Германия "36 раз вносила поправки в свой основной закон", "получила

тяжелое вооружение”, законодательно обеспечила обязательный призыв в армию и действия в чрезвычайной обстановке.

“А как было в послевоенной Японии? Поручив обеспечение собственной безопасности другой стране, отдавая приоритет развитию экономики, мы, — пишет С. Абэ, действительно, имели большие материальные выгоды. Но не потеряли ли мы многого в духовном плане? В Японии обеспечение безопасности рассматривали как милитаризм, а отношение к государству было отрицательным, отождествлялось с тоталитаризмом. Столь сильное отторжение довоенного стесняло и деформировало поведение и душевное состояние японцев того времени (с. 128).

Нельзя не заметить, что, став премьер-министром, С. Абэ в первоочередные задачи своего правительства включил “выход из послевоенного режима” и, как и его предшественник Дэ. Коидзуми, стремился создать условия для скорейшего пересмотра конституции.

Хорошо известно, что ЛДП и правительство Японии стержнем, основой собственной внешней политики называют отношения с США и заявляют о желании еще больше укрепить японо-американский союз. Такую позицию отстаивает и аргументирует и С. Абэ.

Уделяя много места повествованию о предыстории появления в 1960 г. ныне действующего японо-американского договора безопасности, к которому был причастен и его дед, Н. Киси, автор отмечает, что это был “процесс превращения оккупационных войск в союзные”. Япония “нуждалась в Америке как союзном государстве”.

По мнению автора, между обеими государствами продолжает сохраняться взаимное осознание необходимости союзных отношений. “Разумеется, необходимо настраиваться на максимальные самостоятельные усилия в интересах обеспечения собственной безопасности, стремиться “самим защищать свою страну”. Учитывая огромное влияние США в мировом сообществе, их неоспоримое экономическое и военное превосходство над другими государствами японо-американский союз с точки зрения обеспечения национальной безопасности остается для Японии лучшим выбором.

В Японии в годы “холодной войны” существовали серьезные опасения вовлечения из-за этого союза в военные действия США на Азиатском континенте. Да и сегодня, хотя и не в форме массового протеста, сохраняется недовольство правительственной безоговорочной поддержкой американской мировой стратегии. Автор пытается этого не замечать.

В одном месте книги кратко перечислено содержание критики действий США после 11 сентября 2001 г.: военное вторжение в Ирак, затем в Афганистан, заявление президента Дж. Буша о готовности при необходимости не остановиться перед нанесением единоличного превентивного удара. Однако сделано это не для того, чтобы дать ту или иную оценку американским акциям. Автора интересует иной вопрос: изменилась ли американская внешняя политика при президенте Буше и его советниках-неоконсерваторах. Экскурс в историю внешней политики США завершается следующими суждениями. В Америке “ни у кого нет решающих различий во взгляде на ценности — в вере американским идеалам, в то, что Америка должна сохранять абсолютное превосходство в мире”. “Большой ошибкой” является представление японцев о Демократической партии как “мягкой”, а о Республиканской как “непреклонной”. Президент Буш в своих заявлениях “возможно, в чем-то более воинственен, чем Кеннеди”, но американские президенты “в разных выражениях настаивают на одном и том же” (с. 119—120).

Никаких сомнений относительно правильности или ошибочности американской внешней политики у С. Абэ не возникает. Создается впечатление, что он сознательно отказывается затрагивать эту тему. Напротив, все внимание он концентрирует на недостаточности одних договорных отношений для того, чтобы США реально осуществляли взятое на себя обязательство защищать Японию. “Мы не должны думать, что это произойдет автоматически... Чтобы американский народ направлял своих солдат и офицеров подвергать испытанию свою судьбу, требуется прежде всего убедить самих этих солдат и офицеров, их семьи. А для этого следует строить отношения доверия между двумя странами”. Этому, по мнению автора, мешает нынеш-

нее японское официальное толкование конституции, согласно которому Япония не может применить право на коллективную оборону, и следовательно, не является полноценным союзником США (с. 130—131).

С. Абэ признает, что начало строительства Японией собственных вооруженных сил ведет свое начало от времени войны в Корее, когда генерал Макартур, «опасаясь вторжения Советского Союза в ослабленную Японию», потребовал от японского правительства создать «полицейский резервный корпус». В книге перечислены многие перемены в дальнейшем развитии японских вооруженных сил, именуемых Силами самообороны. Особое значение автор придает принятию в последние годы законов, открывших возможность направления личного состава Сил самообороны Японии для выполнения зарубежных миссий. Но все это автор считает недостаточным и настаивает на том, чтобы, не дожидаясь пересмотра конституции, пойти на утверждение права Японии на коллективную оборону.

«Гарантировать применение права на коллективную оборону — значит тем самым не только обрести возможность обеспечения полноценной защиты Японии, но и внести вклад в обеспечение безопасности всей Азии. В конечном счете Япония сможет жить без применения военной силы. Есть люди, считающие, что Японии лучше говорить, чем слушать Америку. Но именно повышение взаимных обязательств увеличит степень действенности нашего голоса в проблеме военных баз» (с. 133).

Возглавляя правительство Японии, С. Абэ пересмотр правительственного толкования конституции относительно применения права на коллективную оборону пытался перевести в плоскость практических действий.

Специальную главу С. Абэ отвел разъяснению своих взглядов на политику в отношениях со странами Азии, стремясь представить их новаторскими.

Эта глава открывается оценкой китайского фактора. Рост экономики КНР за последние двадцать лет, составлявший ежегодно в среднем 9%, рассматривается как следствие отхода страны от «принципа равенства результатов, одной из основ социализма» и внедрения вместо него «принципа конкуренции». Курс Китая на открытость показал «паразитический успех» (с. 147).

С. Абэ вспоминает о «антияпонских демонстрациях» в Китае и утверждает в этой связи, что в течение 60 лет Япония «скромно отстраивала» свое государство и «ни разу не демонстрировала воинственных намерений», а также 21 раз извинялась перед Китаем «за ошибки в историческом прошлом» (с. 150).

В книге подчеркнута чрезвычайная важность для Японии «сохранения дружественных отношений с Китаем с точки зрения экономики и обеспечения безопасности».

«Пятью годами раньше, когда еще говорили об угрозе для японской экономики экономического развития Китая, премьер-министр Дз. Коидзуми заявил: «это не угроза, а шанс». Последующее восстановление для Японии благоприятной экономической конъюнктуры, действительно, произошло в результате роста китайской экономики... Направляя инвестиции в Китай, Япония использует дешевую рабочую силу, производит товары, повышает свою конкурентоспособность. С другой стороны, Китай, благодаря японским инвестициям, обеспечивает высокую занятость, импортирует из Японии так называемые полуфабрикаты (многие из которых в Японии не могут быть использованы), экспортирует их после доработки и получает валюту» (с. 151).

С. Абэ выражает уверенность, что взаимовыгодные отношения с Китаем продолжатся и в будущем, а возникающие проблемы «являются минусом для обеих сторон, не приносят никаких дивидендов». Отсюда автор приходит к заключению: «Для стабилизации японо-китайских отношений необходимо как можно скорее утвердить между двумя странами принцип отделения политики от экономики... Не допускать привнесения политических проблем в экономические, не использовать экономику для достижения политических целей, серьезно относиться к взаимным экономическим выгодам, уважать друг друга» (с. 152—153).

Характерно, что на других страницах книги автор пытается оправдывать официальные посещения премьер-министром Японии храма Ясукуни, ставшие одной из причин охлаждения японо-китайских отношений при правительстве Дз. Коидзуми. Однако относительно собственного поведения, когда он станет главой правительства, никаких обязательств не дает.

Не только в отношениях с Китаем, но и с другими странами региона С. Абэ подчеркивает «важность общения глав государств с целью контролировать возникающие проблемы» (с. 156).

Это положение, в частности, было обращено к Республике Корея. «Япония в течение длительного исторического периода имела положительный опыт восприятия корейской культуры. В этом смысле нынешний корейский бум отнюдь не исключительное явление». «Япония и Корея имеют общие ценности... Разве это не фундамент японо-корейских отношений?». «По нашему мнению, для более теплых и искренних отношений двух стран необходимо сдерживать эмоции, при анализе ошибок прошлого главное — смотреть в будущее. В интересах упорочения Японо-корейских связей следует заключить соглашение об экономическом сотрудничестве» (с. 157).

В рамках своей концепции «новой азиатской внешней политики» С. Абэ обозначил два ее главные направления.

Одно из них — выход за пределы соглашений о свободной торговле в регионе, переход к заключению соглашений об экономическом сотрудничестве с целью «дальнейшего укрепления сотрудничества в инвестициях, интеллектуальной собственности, в открытии рынка рабочей силы». В интересах повышения уровня открытости Японии в такие отношения «следует, видимо, включить и Тайвань как территорию».

«Наша цель — страна, проявляющая заботу и уважение к людям, желающим приехать в Японию работать или вложить капитал, иначе говоря, страна, обеспечивающая каждому возможность проявить свои способности» (с. 157—158).

Следующим важным направлением новой внешней политики Японии в Азии провозглашено «сотрудничество Японии, Индии, Австралии и США».

Автор признает важность уже существующих в Азиатско-Тихоокеанском регионе «многосторонних форумов». Более того, он высказывает, например, мнение о возможности трансформации в будущем

нынешних шестисторонних консультаций по урегулированию северокорейских проблем в форум для диалога о безопасности в Восточной Азии, а также считает желательным учредить новый азиатско-тихоокеанский энергетический диалог Японии, США, Кореи, Китая, Индии, России, стран АСЕАН.

Но особое значение автор отводит именно развитию сотрудничества стран, имеющих «общие с Японией универсальные ценности — свобода, демократия, права человека, господство закона».

«Будет замечательным, если четыре страны — Япония, Америка, Индия и Австралия (демократические страны Азии и Тихого океана плюс США) организуют консультации на уровне глав государств или министров иностранных дел, где они смогут со стратегических позиций обсуждать, каким образом обеспечить наибольший вклад в распространение этих универсальных ценностей на другие страны, изучать новые возможности сотрудничества» (с. 160).

Говоря об укреплении взаимодействия с Индией, С. Абэ пишет: «Совсем не странно будет, если через десять лет японо-индийские отношения будут превалировать над отношениями Японии с США и Китаем» (с. 159).

К этому следует добавить, что «новая азиатская политика» С. Абэ нашла отражение в акцентировании «большой важности в энергетической стратегии Японии» выстраивания прочных отношений со странами Центральной Азии и вступления в «стратегический диалог с дружественной Турцией, где соприкасаются Запад и Восток» (с. 161).

Изложенные в рецензируемой книге взгляды на внешнюю политику Японии были для С. Абэ руководством к практическим действиям во время его краткого пребывания на посту главы правительства. Многие из них вызывают в японском обществе большие споры, тем не менее они отражают распространенные в Либерально-демократической партии — намерения и планы.

*А. Сенаторов,
кандидат исторических наук*

Юбилей ученого

Владиславу Федоровичу Сорокину — 80 лет

Уже 4 десятилетия, с самого основания Института Дальнего Востока, работает в нем Владислав Федорович Сорокин, доктор филологических наук, профессор, бессменный до последнего времени руководитель сектора культуры (в последние годы — проекта "Литература, искусство, язык").

Жизнь Института неотрывна от В.Ф. Сорокина. Со своими обширнейшими знаниями он всегда был "справочным бюро" по разным аспектам как современной, так и старой китайской культуры. Под его руководством сектор активно изучал процессы развития китайской культуры, участвовал в ежегодных обзорах, конференциях, подытоживая результаты деятельности в таких заметных коллективных монографиях, как "Судьбы культуры КНР" (1978), "Литература и искусство КНР. 1976-1985" (1989), "Со-

циальная действительность КНР в отображении литературы и искусства 80-х гг." (1990), "Китайская культура 20-40-х годов и современность" (1993). Непростые оценки событий "культурной революции" в Китае, попытка разобраться в существе произошедших после ее окончания перемен, разработка нового курса развития китайской культуры — вся динамика этого процесса достаточно объективно и аналитично отражена в этих работах сектора, руководившегося В.Ф. Сорокиным. Его собственному перу принадлежат в этих коллективных монографиях обстоятельнейшие анализы состояния китайской литературы на разных этапах ее движения. Эти свои обобщающие анализы общих тенденций развития китайской культуры он продолжает и по сей час в институтских Ежегодниках.

Владислав Федорович Сорокин фундаментально и правомочно представлял отечественное китаеведение на международной арене в те годы, когда это было не частным делом ученого, а событием государственного и политического звучания. Неоднократно он избирался вице-президентом Европейской ассоциации китаеведов, постоянно руководил секцией в международных конференциях ИДВ "Китай и мир". В.Ф. Сорокин вел также активную работу в правлении Общества российско- (ранее советско-) китайской дружбы.

Собственную научную деятельность В.Ф. Сорокин начал рано и ярко. Его кандидатская диссертация "Формирование мировоззрения Лу Синя. Ранняя

публицистика и сборник «Клич» была посвящена не устоявшемуся облику маститого классика современной китайской литературы, а его трудному становлению, творческому поиску. В 1958 г. эта диссертация была напечатана.

Тема его следующего исследования показала научный метод В.Ф. Сорокина — отбор главного, ведущего, определяющего. Он обратился к творчеству Мао Дуня, крупнейшего романиста, соратника Лу Синя, и стал на этом пути первопроходцем, поскольку отечественные читатели были знакомы лишь с творчеством писателя (трихтомник 1956 г.), но не с литературоведческим анализом его, столь необходимым для более полного понимания творчества представителя иной культуры. Особенно ценным в этой работе В.Ф. Сорокина было то, что анализ произведений он сопровождал беседами с их автором, с которым не раз встречался, и при свободном знании китайского языка мог обсуждать с ним самые тонкие, самые сложные проблемы творческого метода.

Анализ современной литературы, проводившийся В.Ф. Сорокиным, был серьезно обогащен его глубоким знанием классической литературы, создававшейся в рамках старой традиции. Вместе с проф. Л.З. Эйдлиным он составил достаточно обширный очерк китайской литературы от ее древнейших канонов до современного состояния, и эта небольшая работа долгие годы была серьезным учебным подспорьем для студентов, начинавших погружаться в таинственные дебри китайской культуры. Один из разделов этой книги — развитие классической драмы — стал толчком к новому этапу творческого развития ученого.

В течение нескольких лет В.Ф. Сорокин изучает драматургию эпохи Юань (13—14 вв.), что в дальнейшем вылилось в докторскую диссертацию и монографию, до сих пор остающуюся единственным и самым фундаментальным исследованием этого важнейшего жанра китайской традиционной литературы. Причем ученый не ограничился анализом письменных текстов, а сумел связать их со сценическим воплощением, изучив мелодику и просодику китайских оригиналов. Гигантский объем проделанной работы показывает приложение, в котором собраны подробнейшим образом пересказанные сюжеты 162 юаньских драм, проштудированных ученым в ходе исследования.

Помимо научного исследования в сферу интересов В.Ф. Сорокина как китаиста входит также художественный перевод, которым он активно занимается не один десяток лет. В частности, исследованные им юаньские драмы нашли свое русскоязычное воплощение именно в переводах В.Ф. Сорокина («Обида Доу Э», «Убить собаку, чтобы образумить мужа», «Знак терпения» и др.). Он переводил таких замечательных писателей, как Лу Синь, Е Шэнтао, Ван Мэн, Фэн Цзицай, Лю Синью.

Переводческая деятельность В.Ф. Сорокина была в сентябре 2007 г. отмечена специальным призом Союза писателей КНР, врученным ему председателем СКК Те Нин на Международной книжной ярмарке в Москве.

Так хочется, чтобы сегодняшний творческий замысел Владислава Федоровича — перевод важнейшего средневекового литературоведческого трактата «Резной дракон литературной мысли» — был успешно воплощен с тем блеском, которым всегда отличались научные работы ученого.

Дирекция ИДВ РАН, редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока», многолетним членом которой был В.Ф. Сорокин, и коллектив Института желают Владиславу Федоровичу Сорокину доброго здоровья и осуществления его творческих замыслов.

*Дирекция ИДВ РАН, коллектив Института
редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Содержание журнала "Проблемы Дальнего Востока" за 2007 год

ДОКУМЕНТЫ

- Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств — членов Шанхайской организации сотрудничества.....№ 5
- Сиднейская декларация глав государств и правительств АТЭС по проблемам изменения климата, энергетической безопасности и чистого развития.....№ 5
- Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики.....№ 3
- Совместное коммюнике по итогам трехсторонней встречи министров иностранных дел Индии, России и Китая.....№ 2

50-ЛЕТИЕ ИНСТИТУТА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН

- М. Титаренко. Институт Дальнего Востока — настоящее и будущее.....№ 1

50-ЛЕТИЕ ОБЩЕСТВА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ.....№ 6

ЖУРНАЛУ "ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА" — 35 ЛЕТ

- Поздравления с юбилеем.....№ 2
- По случаю знаменательной даты.....№ 3

РОССИЯ—КИТАЙ—ИНДИЯ: ПРОДОЛЖЕНИЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА

- С. Уянаев. Россия—Китай—Индия: под знаком встреч в Санкт-Петербурге и Владивостоке (6-я российско-китайско-индийская конференция ученых по проблемам трехстороннего взаимодействия, г. Дели, 2—4 ноября 2006 г.).....№ 1
- С. Лузянин. Региональные и глобальные ресурсы сотрудничества России, Индии, Китая в центральноазиатском ракурсе.....№ 2
- В. Портяков. О возможности сотрудничества России, Китая и Индии в области сельского хозяйства.....№ 1
- Совместное заявление участников 6-й трехсторонней конференции ученых России, Индии и Китая 2—4 ноября 2006 г.....№ 1
- М. Титаренко. Уроки развития международной обстановки в 2005—2006 гг. и сотрудничество России, Китая и Индии.....№ 2

С. Уянаев. Транспортные маршруты в Азии: значение для России, Китая и Индии.....	№ 2
Хамид Ансари. Западная Азия: провал прокрустовых инициатив.....	№ 1
Чэнь Цзунмин. Возобновление дохийского раунда переговоров и углубление экономического сотрудничества между Китаем, Индией и Россией.....	№ 1

ПОЛИТИКА

К. Асмолов, С. Суслина, В. Пак. Корейская Народно-Демократическая Республика в 2006 году.....	№ 3
Л. Бадалян, В. Криворотов. Россия и Китай: перспективы взаимодействия в новых энергетических условиях.....	№ 2
А. Воронин. Парламентарии АТР об актуальных проблемах региона.....	№ 3
А. Воронцов. Основные тенденции современной международной ситуации в Восточной Азии.....	№ 3
К. Внуков. Год России в Китае и Год Китая в России — две половины единого целого.....	№ 1
В. Гринюк. Япония: проблема исторической ответственности.....	№ 5
А. Давыдов. США—КНР—Россия: "треугольник" 35 лет спустя.....	№ 6
Л. Забровская. Роль России в шестисторонних переговорах по ликвидации ядерной угрозы на Корейском полуострове.....	№ 5
Ким Ен Ун, С. Суслина, В. Пак. Республика Корея — в 2006 году.....	№ 4
Е. Кобелев. Вьетнам: политике "дой мой" — 20 лет.....	№ 1
А. Нагиев. Влияние фактора энергетической безопасности на формирование и перспективу внешнеполитического курса КНР в Центральной Азии.....	№ 6
Пак Ки Чхан. Южнокорейская политика безопасности в региональном и глобальном контексте. Взгляд из Сеула.....	№ 3
В. Портяков. Китайская Народная Республика в 2006 году.....	№ 2
В. Портяков. О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского стратегического партнерства.....	№ 5
М. Потапов. Перспективы АТЭС и экономическая интеграция в Восточной Азии (заметки с Делового саммита АТЭС).....	№ 1
Приветствие В.В. Путина участникам 15-й сессии Азиатско-Тихоокеанского парламентского форума.....	№ 3
И. Рогачев. Взаимодействие России и Китая на международной арене.....	№ 6
Д. Смирнов. 6-й пленум ЦК КПК 16-го созыва.....	№ 1
А. Шлындов. Вооруженные силы Японии: современное состояние и перспективы развития.....	№№ 4, 5
Юй Сяотун. Китайская стратегия национальной безопасности в АТР.....	№ 3
Юй Сяотун. Стратегические подходы США к АТР и их влияние на китайско-американские отношения.....	№ 4

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

<i>Е. Деваева, Т. Котова.</i> Российское Дальневосточье и АТР: внешне- неторговый аспект.....	№ 6
<i>А. Завалишин.</i> Территориальное поведение дальневосточников: экономико-социологический анализ.....	№ 6
<i>Н. Камардина.</i> Советский Дальний Восток в годы Великой Отече- ственной войны: поиск ценностных ориентиров.....	№ 3
<i>Л. Козлов.</i> Общественное мнение Дальнего Востока о внешней и внешнеэкономической политике России в АТР.....	№ 3
<i>С. Кошкарева.</i> Опыт концессионной деятельности иностранцев в районе Охотска (1920-е гг.).....	№ 4
<i>С. Просвирнов.</i> Миграционные проблемы Амурской области: ре- альность, мифы и иллюзии.....	№ 4
<i>О. Савка, В. Чудесов.</i> Российское Дальневосточье в системе хозяй- ственных связей со странами АТР.....	№ 5

ЭКОНОМИКА

<i>А. Абалкина.</i> Азиатские страны в поисках оптимальной интегра- ционной модели.....	№ 2
<i>В. Архипов.</i> Бурное развитие австралийско-китайских экономи- ческих отношений.....	№ 6
<i>Б. Бадуев.</i> Продовольственная безопасность и проблемы сельско- хозяйственного сектора Японии.....	№ 1
<i>А. Бардаль.</i> Транскорейская железнодорожная магистраль.....	№ 4
<i>А. Белозерова.</i> Мировой рынок фосфорных удобрений. Специфика рынков Китая и России.....	№ 5
<i>Н. Добрецов, А. Конторович, В. Молодин, А. Борисенко, А. Кор- жубаев.</i> Магистральный газопровод "Алтай" и перспективы вы- хода России на энергетический рынок АТР и развития транзит- ных регионов.....	№ 3
<i>П. Каменнов.</i> Космическая программа Китая.....	№ 4
<i>А. Конторович, В. Каширцев, А. Коржубаев, А. Сафонов.</i> Гене- ральная схема формирования нефтегазового комплекса в Вос- точной Сибири и Республике Саха (Якутия) и его значение для социально-экономического развития и энергетической безопасно- сти России.....	№ 1
<i>А. Коржубаев, И. Филимонова.</i> Нефтегазовый комплекс Узбеки- стана в международной системе энергообеспечения.....	№ 5
<i>А. Санжиев.</i> Кэсонский промышленный комплекс: современное состояние и перспективы развития.....	№ 1
<i>М. Стеклов.</i> Особенности формирования южнокорейского ТЭК в период индустриализации (1962—1997 гг.).....	№ 6
<i>А. Плотников.</i> Авиапром Китая — успехи и трудности.....	№ 6
<i>М. Потапов.</i> Китай и Япония: партнеры и конкуренты в Восточ- ной Азии.....	№ 6

<i>А. Тарасюк. Экономический потенциал Северо-Восточного Китая и его влияние на развитие сотрудничества с приграничными регионами России</i>	№ 2
<i>И. Троекурова. Глобализация и рынок цветных металлов в АТР</i>	№ 6
<i>В. Фроленков. Экономическое сотрудничество стран-членов ШОС: начальный этап становления</i>	№ 2
<i>Чжан Гою. Стратегические факторы экономического роста Китая</i>	№ 5
<i>Ян Ли. Зоны высоких технологий в Китае: поиск, проблемы</i>	№ 4

ОБЩЕСТВО

<i>Т. Алагуева, К. Васильева, А. Островский. Образ россиян в глазах китайцев и образ китайцев в глазах россиян на сопредельной территории</i>	№ 4
<i>Е. Бирюлин. Проблемы охраны естественной фауны и флоры в Китае</i>	№ 3
<i>В. Лапердина. Экологическая статистика. Опыт Китая</i>	№ 4
<i>О. Манухина. Трансформация взглядов на рождение и воспитание детей в Китае в период политики реформы и открытости</i>	№ 4
<i>О. Почагина. Торговля женщинами и детьми в современном Китае</i>	№ 1

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

<i>Н. Анисимцев. Правовое обеспечение государственно-административного управления современной Японии</i>	№ 5
<i>Т. Лазарева. Развитие законодательной базы районной национальной автономии в Китае</i>	№ 5

ИСТОРИЯ

<i>П. Калмычек. Политические и экономические проблемы Японии 1990-х гг. в современной японской и западной историографии</i>	№ 6
<i>А. Кошкин. Россия на Курилах</i>	№ 1
<i>И. Кубьяс. Японо-корейские отношения: динамика и основные тенденции на фоне советско-американского противостояния (1945—1975 гг.)</i>	№ 5
<i>Луань Цзинхэ. Китайско-советский Договор о дружбе и союзе 1945 г. и Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Китаем и Советским Союзом 1950 г. (сравнительный анализ)</i>	№ 2
<i>Лю Цзайци. Чайная торговля между Китаем и Россией</i>	№ 6
<i>А. Попенко. Деятельность Дальревкома по организации борьбы с контрабандой на советском Дальнем Востоке (1922—1925 гг.)</i>	№ 6
<i>С. Тихвинский. Восприятие образа России в Китае</i>	№ 4
<i>В. Усов. Они жили в советском интердоме (три книги китайцев с воспоминаниями о годах, проведенных в СССР)</i>	№ 3
<i>В. Усов. Финансовая помощь Коминтерна КПК в 20-30-е годы XX в.</i>	№ 1
<i>Н. Фролов. Приграничное сотрудничество советского Дальнего Востока с северо-восточными провинциями Китая в 1950-е годы</i>	№ 3
<i>Хуан Лилян. О. Иакинф (Н.Я. Бичурин) — выдающийся русский китаевед (К 230-летию со дня рождения)</i>	№ 5

Юй Цзе. Место Кяхтинского договора 1728 г. в становлении российского китаеведения.....№№ 4, 5

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

Р. Мировицкая, А. Ледовский. Советский Союз и китайская провинция Синьцзян в середине 1930-х гг.№ 4

РУССКИЕ В КИТАЕ

И. Капран. Питание как жизненное условие повседневности русского населения Харбина (конец XIX — 50-е гг. XX в.)№ 4

В. Сергиенко, Е. Аурилене. Правовое положение русских в Маньчжурии (1920-е гг.).....№ 6

В. Романовский. Н.В. Устрялов — профессор Харбинского юридического факультета.....№ 2

Е. Таскина. Русские ученые и исследование растительного мира Маньчжурии.....№ 4

ОБРАЗОВАНИЕ

Лю Цзайци. Высшие учебные заведения в Китае в условиях совместного управления центра и регионов.....№ 2

Е. Смолькова. Реформа образовательного рынка КНР после вступления в ВТО: былое Китая и думы о России№№ 4, 5

КУЛЬТУРА

Г. Аманова. Философская лирика Хан Ён Уна№ 6

Е. Бабкина. Своеобразие историко-философской парадигмы "Восток-Запад" в творчестве Б.А. Пильняка.....№ 2

В. Головачев. Этапы и вехи языковой политики Тайваня.....№ 5

О. Завьялова. Китайские мусульмане хуэйцзу: язык и письменные традиции№ 3

Ли Мэн. Валерий Перелешин и его Китай№ 3

Ли Суйань. Повести Валентина Распутина в Китае.....№ 1

С. Торопцев. Памяти китайского друга.....№ 3

РЕЛИГИЯ

А. Алексаян. Источниковедение и историография манихейства в Китае (обзор западных и китайских исследований).....№ 2

ПАМЯТНЫЕ МЕСТА КИТАЯ

В. Кузнецов. Под сенью древних храмов (заметки о современной духовной жизни китайцев)№ 2

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Цзян Минли. Будем всегда вместе№ 4

ДИСКУССИИ

Э. Пивоварова. По поводу "вихря" вокруг Лю Гогуана№ 4

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- С. Горбунова.* XVI Международная научная конференция "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы" № 1
- Вице-президент АОН Китая Чжу Цзяму — Почетный доктор ИДВ РАН № 1
- А. Ипатова, Лю Жомэй.* Международная научная конференция "Китайско-российские экономические и культурные связи в XIX веке" № 3
- Н. Задерей.* Исследования индийских китаеведов № 4
- В. Портяков.* О Пятом международном съезде исследователей Азии № 6
- В. Чуванкова, Е. Лапшина.* Защита диссертаций в Институте Дальнего Востока РАН в 2006 году № 2
- Г. Яскина.* Монгольская государственность: прошлое и настоящее — тема IX Международного конгресса монголоведов № 1

НАШИ РЕФЕРАТЫ

- В. Барышников.* Желтая книга о международном положении. 2007 год: доклад о глобальной политике и безопасности № 6

РЕЦЕНЗИИ

- С. Баконина.* Иванов П.М. Из истории христианства в Китае № 5
- Я. Бергер.* Л. Палтемаа. В авангарде истории. Движение Стены демократии (1978—1981) и социальная мобилизация диссидентства бывших хунвэйбинов № 2
- Я. Бергер.* Политическая система и право КНР в процессе реформ № 4
- А. Виноградов.* Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на "Большой Восток" № 4
- А. Волохова.* Бажанов Е.П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы № 6
- А. Давыдов.* Журнал "Китай": первый год на российском рынке СМИ № 1
- В. Денисов.* Жебин А.З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен № 2
- Л. Забровская.* Оути Луова. Перемещение и развитие этнического транснационального капитала — использование связей с Южной Кореей в Яньбянь-Корейском автономном округе Китая № 3
- Н. Задерей.* Вопросы безопасности в Азии: обзор за 2006 год № 4
- А. Карнеев.* С.Л. Тихвинский. Избранные произведения. В 5 книгах № 4
- А. Карнеев.* Чжан Ювэнь, Хуан Жэньвэй и др. Доклад о международном статусе Китая за 2006 г. № 3
- Ким Кён Хо.* Забровская Л.В. КНДР в эпоху глобализации. От затворничества к открытости № 1
- А. Коваль.* Е. Таскина. Дорогами русского зарубежья № 6
- Д. Кулькин.* Перспективы российско-корейского сотрудничества в условиях глобализации № 5

А. Островский. Россия — Китай: образовательные реформы на рубеже XX—XXI вв. Сравнительный анализ.....	№ 6
Ю. Песков. Киреев Г.В. Россия—Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров.....	№ 2
М. Потапов. Портяков В.Я. От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI в. Очерки.....	№ 5
П. Развин. Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия).....	№ 5
А. Сенаторов. Мещеряков А.Н. Император Мейдзи и его Япония.....	№ 2
А. Сенаторов. Абэ Синдзо. На пути к красивой Японии.....	№ 6
Е. Шулунова. Серова С.А. Китайский театр — эстетический образ мира.....	№ 3
А. Юркевич. Карл Радек о Китае: документы и материалы.....	№ 1

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Рустаму Мамедовичу Асланову — 70 лет.....	№ 4
Анатолию Викторовичу Болятко — 70 лет.....	№ 3
Юрию Михайловичу Галеновичу — 75 лет.....	№ 3
Юбилей Валентины Петровны Журавлевой.....	№ 2
Кузнецову Вячеславу Семеновичу — 75 лет.....	№ 5
Юбилей Элеоноры Петровны Пивоваровой.....	№ 5
Павлятенко Виктору Николаевичу — 60 лет.....	№ 5
Игорю Алексеевичу Рогачеву — 75 лет.....	№ 2
Владиславу Федоровичу Сорокину — 80 лет.....	№ 6
Алексею Ивановичу Сенаторову — 80 лет.....	№ 2

Содержание журнала "Проблемы Дальнего Востока" за 2007 год.....	№ 6
---	-----

Уважаемые авторы журнала "Проблемы Дальнего Востока"!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра "Наука" РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра "Наука" www.naukaran.ru.

Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редколлегией журнала решения о публикации статьи.

Для оформления авторского гонорара необходимо представить в редакцию следующие сведения:

- дата рождения (число, месяц, год);
- домашний адрес с индексом;
- паспортные данные;
- номер страхового свидетельства Пенсионного фонда РФ;
- номер лицевого счета и реквизиты банка.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией журнала
Елене Александровне Лапшиной по телефону 124-02-15.

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.*

Сдано в набор 20.10.2007 г. Подписано к печати 19.11.2007 г. Формат бумаги 70x100 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 14,2 тыс. Уч.-изд. л. 14,5 Бум. л. 6,0
Тираж 826 экз. Зак. 723

Издатель: Академиздатцентр «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2007 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6.0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи.

а) *Из печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

б) *Из интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (095) 124-09-02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.